

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2001 ГОДА

ВЫПУСК
L

№ 2
апрель-июль 2019

ТАШКЕНТ
2019

**По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИА,
митрополита Ташкентского и Узбекистанского,
главы Среднеазиатского митрополитического округа**

Главный редактор

Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор

Лейла ШАХНАЗАРОВА

Редакционный совет

Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО

Протоиерей Андрей ТУГУШЕВ

Валерий GERMANOV

Роман ДОРОФЕЕВ

Татьяна КОТЮКОВА

Вадим МУРАТХАНОВ

Рубен НАЗАРЬЯН

Екатерина ОЗМИТЕЛЬ

Кирилл СУЛТАНОВ

Алексей УСТИМЕНКО

Юрий ФЛЫГИН

На обложках:

Стр. 2: Св. Иулиания Вяземская. Спасо-Преображенский собор Торжка, в котором покоились мощи св. Иулиании (С. 8).

Стр. 3: Ахмад Дониш (в центре) в составе бухарского посольства. Бухарский эмир Музаффар (С. 97).

Восток Свыше. 2019, № 2 (L)

Издается с 2001 года

ISSN 2010-5568

© Ташкентское и Узбекистанское Епархиальное управление Русской Православной Церкви
© Журнал «Восток Свыше»

...Посетил нас Восток свыше,
просветить сидящих во тьме и тени смертной,
направить ноги наши на путь мира.

Евангелие от Луки 1, 78-79

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Евгений КОНОВАЛОВ. Дорога в Эммаус 5

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы *главного редактора*

Иулиания. 200 лет обретения мощей мученицы праведной
Иулиании, княгини Вяземской, Новоторжской
(2 июня 1819 года) 8

Новостные страницы *иеромонаха Михаила (СТОЛЯРОВА)*

Новости печальные и радостные 14

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Тема: Митрополит Гурий (Егоров)

Дмитрий ПАВЛОВ. Жизнь и служение митрополита Гурия (Егорова) 17

Роман ДОРОФЕЕВ (при участии Татьяны СТЕКЛОВОЙ).

Архимандрит Гурий (Егоров) и ферганские «васильевцы»
(1944–1953 годы) 31

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

О свободе. О святости 52

Евангельские страницы *протоиерея Сергея СТАЦЕНКО*

Преодолеть соблазны тьмы 56

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Две проповеди на Праздник Сретения Господня св. Исихия Иерусалимского

Перевод с греческого, предисловие и комментарии
Алексея ПЕРНБАУМА 62

ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

Тема: Поэзия и Вера

«Нет никакого “христианского сектора” в литературе...»

На вопросы ВС отвечает критик и литературовед
Екатерина ИВАНОВА 74

С о д е р ж а н и е (окончание)

<i>Иерей Сергей КРУГЛОВ. «Царство Божие – здесь».</i>	
<i>Избранные записи в Фейсбуке последних лет</i>	82

ПРОЗА

<i>Алексей УСТИМЕНКО. Полонез в туркестанском халате</i>	
<i>Главы из новой повести</i>	97

<i>Литературные страницы Вадима МУРАТХАНОВА</i>	
<i>Выходя из общего потока</i>	138

Авторы номера	141
----------------------------	-----

Информация для авторов	142
-------------------------------------	-----

Евгений КОНОВАЛОВ

Дорога в Эммаус

– «Поверить боюсь,
к чему же пришли мы,
Клеопа? Как выдержать этот груз?»
Из полного слухов Иерусалима
дорога вела в Эммаус.

На тронных холмах
царила весна и весть подавала
маслинам с акациями второпях.
Стрижи кувыркались в лазури, и мало
им горя. Сквозь память и прах
шли два человека, и верить мешало
сомнение, и наущничал страх.

– «Прилично ли так
роскошествовать природе, ведь Бога
смешали с песком – и это пустяк?
а тот – самозванец?» Обрядом да боком
выходит из истины кавардак.

Далёко идти.
Спит солнце в зените.
Какой-то прохожий стал впереди.
– «День добрый вам, странники! Расскажите,
что произошло здесь? Нам по пути».

С опаской глядят
в лицо незнакомцу. – «Шутишь ты, верно?
О том говорят все подряд,
от мытарей и священников первых
до малых ребят.

Тут позавчера
пророка из Галилеи убила
толпа с фарисеями. Он до утра
висел на кресте». – «Даниила
вам, путники, перечитать бы пора.
Всевышняя сила
помимо гвоздя и вне топора».

– «Он воду в вино
шутя превращал, и хлеба сторицей...»
– «Не Бог в чудесах проявляется, но
кругом ежедневное чудо творится,
не спрятаться, не убрать под сукно».
– «Чудна твоя речь, но не наговориться
сегодня». И дальше идут заодно.

– «А сколько больных
излечено, еретиков, прокажённых...»
– «По вере себя исцелить бы, двоих –
по слабости. Вон уже ждёт обороны
тень Иова. Из угодий земных
росток, и капризный младенец из лона,
и сын человеческий в корне их».

– «Внутри? Но скажи,
где воду набрать, из какого колодца?...»
– «Приметы ниспосланы вдоль межи,
и капля призвания. Шаг иноходца
у каждого и свои рубежи.
Гуртом достаётся
пустыня, где властвуют миражи».

– «Постой, не злословь
глухого! Куда же дойдёт одинокий?
Помилуй! На то и любовь,
оставить её?» – «Без неё нет дороги
любому. Заранее приготовь
излучины сердца и счастья отроги,
не то мы заблудимся вновь».

К воротам они
тем временем подходили, и ужин
решили втроём сопоставить во дни
опресноков. Сели к оконцу и дружно
молчали в вечерней тени,
и огненный бог садился, натружен,
за горы, пока зажигались огни.

Хозяйка в подвал
спустилась, и мальчик расставил посуду.
Ко лбу прикоснулся закат и послал
обычное, чуть просветлённое чудо:
они прозревали, а Он – – –

Календарные страницы *главного редактора*

Иулиания

200 лет обретения мощей мученицы праведной Иулиании, княгини Вяземской, Новоторжской (2 июня 1819 года)

«У кошки – боли́, у собаки – боли́! А у Уленьки – не боли́, не боли́!», – говорила нянька, прижимая к себе боярскую дочку. Не углядела: бежала Уленька, бежала да и споткнулась, ручку ушибла!

У кошки болело, и у собаки болело.

А боярышня только потирала ушибленную ручку да молчала.

Невесел Торжок – точно тихое заклатье над городом висит.

Только обстроится, обживется, – или бусурмане нахлынут, или свои же князья разорят, или от шальной искры весь дотла выгорит.

Потопчутся горожане на пепелище, повоюют бабы; снова застучат топоры, стройкой запахнет. Город-то торговый. Торжок, или Новый Торг; жители – новоторы. Торговые города строились быстро, на дереве, на скорую руку и на русский авось, – быстро и выгорали. Каменных строений – раз-два, своих мастеров по камню не было: звали новгородских. Да и сам городок во владеньях новгородцев стоял. По речке Тверце с Новгорода кораблики плывут, до Твери, и дальше на юга, вниз по Волге.

А все же невесел Торжок, невесел.

Или только кажется таким? Все на чужбине невесело. И ветер холодней, и воды печальнее, и люди – другие.

Не так было в Смоленске, где выросла Иулиания. Что вспоминать... Пришли ляхи и забрали родной ее город; сел на смоленской земле ляшский князь Витовт, безбородый и длинновласый.

Ждали, Москва поможет. Не помогла. Напрасно смоленский князь Юрий Святославич туда с чудотворным образом Одигитрии ездил. Придержал московский князь Василий образ у себя, а помощи не оказал: не желал ссориться с ляхами, да и зятьком Витовту приходился.

Началось странствование Иулиании, вместе с мужем, князем Симеоном Мстиславичем Вяземским, что князю Юрию верой и правдой служил.

«У кошки – боли, у собаки – боли...»

Да только у Иулиании сильнее болело. Была в шелках – стала в бегах.

Пожили в Москве, на скупых обещаниях да на кислом квасе; опасно стало в Москве. Прислал Витовт послов, князя Юрия у московского государя взыскивать. Верни, говорит, мне князя Юрия, хочу его по нашему ляшскому богопротивному обычаю судить!

Бежали на север; новгородцы, бывшие со злодеем Витовтом во вражде, князя Юрия приветили, дали ему в кормление несколько городков.

Но недолго высидел Юрий у новгородцев. Душа горела, желал Смоленск себе вернуть. Через год, как возникла у Москвы новая распря с Витовтом, кликнул верных ему людей да и поскакал в Москву. Только людей у Юрия осталось – один князь Симеон Вяземский со своей Иулианией...

Был принят князь Юрий в Москве ласковее, чем в прежний раз, и на московскую службу взят, чего и добивался. Только воеводствовать против Витовта ему не дали. Может, жительство его в Новгороде подозрение вызывало. Может, припомнили, как князь Витовту присягал... Дали ему в кормление Торжок, незадолго пред тем к Москве отошедший. Закусил князь Юрий губу, а что делать?

Тихая она была, Иулиания.

Нарядом не блистала, очами не играла. В церкви стояла сосредоточенно; на паперти одаривала всех, но незаметно, щедростью своей не красуясь, точно стыдясь ее.

Полюбили новоторы княгиню, залюбовались ею. «Княгинюшка... Наша-то княгиня...» – только и слышно.

«Не толико же телесным доброзрачием светясь, но паче сего душевным благообразием освещаемая бе».

С супругом, Симеоном Мстиславичем, жили в ладу: скажет – она кивнет; она скажет – он согласится. Шаги его твердые, когда возвращался, слушать любила; снежинки в бороде тающие считала.

«Аще дарует Бог жену добру, дражайши есть камни многоценного».

В душе, конечно, кипело многое... И то, что деток у них не было. И что, как беглецы, по чужим землям скитаются. А более всего – что князя Юрия Святославича, как в Торжке сел, точно подменили. Стала чувствовать Иулиания на себе взгляды княжеские, жадные.

«У кошки – боли, у собаки – боли! А у Уленьки – не боли, не боли!», – вспоминает далекое, детское. И ручку трет, тогда ушибленную.

И точно – как подменили князя Юрия. Заскучал князь в Торжке, сильно заскучал.

Воином он по душе и по всей жизни своей был, а его в городишко торговый и глупый заперли.

Измлада в походах дни проводил. Еще когда в году 1386 с отцом и старшим братом Глебом Святославичем ходил на ляхов, Мстиславль ратовать. Великий страх тогда навели они на Литву... «Воюючи землю Литовскую, а кого где изъимавши, и

мучаху нещадно различными казнями, мужей, и жон, и детей, а иных в избы насажавше, и запирающе, и зажигаху».

Было и такое. Долго потом слышались молодому князю крики пожигаемых заживо.

Отогнали их тогда ляхи от Мстиславля, разбили на Вихре-реке, с отцом и братом в плен взяли. Однако закончилось все к его, князя Юрия, удаче. Подержав в плену и получив выкуп, передали ляхи Смоленск ему, князю Юрию, в княжение. Пришлось, правда, ляхам присягу принести. Поморщился князь, да и принес, с Витовтом их длинновласым в походы ходил.

Недолго тогда прокняжил он в Смоленске: взбунтовались смоляне, недовольные крепкой его рукой. Изгнали Юрия, а князем себе посадили брата его, Глеба Святославича. Бежал князь Юрий к великому князю Рязанскому, а вскоре Смоленск Витовт захватил.

И снова улыбнулась князю Юрию Фортуна, которую ляхи в образе доброзрачной девицы с повязкой на глазах изображают... Разбили ляхов татары, в битве той и братец родимый, враг заклятый, Глеб Святославич, полег. Собрал князь Юрий в Рязани войско и двинулся на Смоленск; в августе у градских стен встал. Началось в городе шатание умов: «иныи Витовта хотяху, а иные князя Юрья отчича». Поколебались, да и распахнули ворота пред «отчичем».

Черным вихрем влетел Юрий в город; два дня лилась кровь бояр, что не поспешили ему сразу двери отпереть да с хлебом-солью встретить. Двинулся на Смоленск Витовт, осаждал, осаждал, да так и не взял. И снова в городе «крамола бысть велика, людии посекоша много»: всех показнил Юрий, кого в сочувствии и сомыслии ляхам подозревал.

Суров был великий князь, да только как с этим народцем по-иному разговаривать? Один жилистый, поросший щетиною кулак и понимают.

Только на что теперь ему этот кулак, в городке этом сонном, на что дарования ратные? Обманула тогда его девица с повязкой, Фортуной именуемая, снова ляхам своим заулыбалась. Отнял у него Витовт через год Смоленск, сторонников Юрьевых казнил, жену Юрьеву с детьми младшими в Литву отослал. Начались у князя бега: Москва, Новгород... Торжок!

Стал князь обиду свою вином заливать.

Что ни день – пиры, шум, крик в княжеском тереме. Гусляры гуслями гремят, ложки ложки стучат, скоморохи как полоумные скачут. Князь и прежде хмельного зелья не чуждался, а теперь... Да гори всё оно!

Вздروгнули, пригнулись огоньки лампадные.

Хотела закричать княгиня, слуг кликнуть – разглядела, кто пожаловал, не стала. Перекрестилась быстро.

– Не узнала? – надвинулся князь. – Не ждала?

Взяла Иулиания икону Богородицы, себя ею заслонила. Отступил слегка Юрий Святославич.

«Она же много моляше его и увещевая, глаголаше: Почто, господине, всеу подвизаешися, и яко вотще сие неподобное дело умышляеши?»

– Отчего же неподобное? – нахмурился великий князь. – И в Писании сказано: не добро быти человеку единому... Я ж един как перст; коли меня утетишь, не неподобное – благое дело сотворишь!

Усмехнулась горько на это Иулиания:

«Веси бо, господине, яко мужа имам, и како мощно ми честное его ложе осквернити?».

Не нашелся князь Юрий, что ответить, снова на княгиню надвинулся, за руку схватил. А княгиня, как щитом, образом Божией Матери прикрывается:

«Уне ми есть умрети, нежели таковое неподобное дело сотворити!».

– Да что заладила, как сорока: неподобное, неподобное!.. Гляди, пожалеешь еще! – Сплюнул да и вышел вон.

Закричали вспугнутые галки, заржал у плетня конь. Застучал копытами, всадника во тьму унося.

– Бежим отсюда, – гладила Иулиания мужнины кудри. – Погубит он нас!

Князь Симеон молчал. В сумрак ночной вглядывался.

Поднялась Иулиания, огонек на лампадке поправила. Залюбовался ею Симеон, голову рукой подпер:

– Красота твоя его смутила.

– Что ж мне, лицо дегтем вымазать?.. Уедем, хоть в Москву, хоть куда...

Молчит князь Симеон, брови сдвинул. Уехать... Бежать... Столько лет великому князю верой и правдой служил, и теперь вот – в бега? В Москве правду искать? Да и как он там свой побег объяснит? Скажут: что ты бабьи рассказы нам доносишь! Езжай в свой Торжок, да знай свой шесток!

Глядит на него Иулиания, ответа ждет.

– На всё Божья воля, – говорит князь. – Может, уладится еще.

Вздыхнула Иулиания, спорить не стала. Шею мужнину обняла, вздохнула: «На всё воля Божья».

Нагие, веселитесь,
ремнями секитесь,
дурость к вам приближается!

Скачут скоморохи вокруг княжеского стола, в бубны бьют. Смеются гости княжеские, потешаются. Один только князь Симеон с супругницей в веселье не участвует, точно повинность на пиру отбывает. Примечают это гости, переглядываются. А еще примечают, как посверкивает глазом великий князь на княгиню Иулианию. И смеется как-то тяжело.

Безрукие, сыграйте в гусли;
безногие, вскочите,
процветите, яко собачьи губы,
кои в скардных местах растут!

Новый взрыв хохота.

И снова князь Симеон с княгиней даже не усмехнутся, сидят, глаза в стол уперев. И снова хрипло, нехорошо смеется великий князь.

– Что ты, Симеон, сидишь, как аршин проглотил? – резко вдруг смех прервал. – Али угощение мое тебе не по нраву? Али вина мои прокисли?

– Благодарствую, господине, и угощение твоё, и вина... – начал князь Симеон.

– Али уже на Филиппов пост заговелся? – оборвал его Юрий Святославич. – Прежде добрый воин был, а теперь точно девица сидишь... Жена, что ли, над тобой власть взяла, постничеству таковому обучила?

Притихли гости, вжались в скамьи; замолкли скоморохи.

– Да и ты прежде добрым воином был, господине, – потемнел князь Симеон, – когда до чужих жен тебе дела не было!

Как услышал это Юрий Святославич, кровь к лицу бросилась, почернело в глазах. Выхватил меч из ножен... Повалился с хрипом князь Симеон, кровь на скатерть брызнула.

Визг, шум поднялся, врассыпную хлынули гости, разбежались холопы, забились под лавки скоморохи.

Одна княгиня над телом мужним застыла, точно окаменев.

– Брось... С ним всё... – Князь тяжело дышал ей в лицо. – Говорил тебе: подобру... Все равно любовь мою познаешь!

Закричала княгиня, да только эхом крик ее по обезлюдевшему терему раскатился.

«И поверже ю, и ляже с нею, она же противляшеся ему, и не може отринуть его от себе, и взем нож удари его в мышцу, он же срама исполнися и зело възъярися...»

Взвыл князь Юрий, раненое место ладонью прижимая. Выхватил у княгини нож, хотел им же ее прикончить. Остановился, глаза выпучил.

– Стой... Я тебе другое... Свирька! Савка! – прокричал. – Бегом сюда, с мечами!

«И повеле ей руки и ноги отсеци, и в реку ввергоша ю».

О дальнейшей судьбе Юрия Святославича пишут разное.

Одни – что «побежа к Орде, не терпя горького своего безвременья и срама и безчестия». Где «по многом безумии» скончался и был погребен.

Другие – что после Орды бежал в Венгрию, где, «в войску будучи, под некоторым замком постреленый, умер».

Наконец, третьи – что, после скитаний «безымянно по чужим странам», остановился, наконец, в Венеции, в монастыре во имя святителя Николая Чудотворца. Там, «много сетуя и плача», покаялся и вскоре почил.

Тих городок Торжок. Да только весной 1407 года, через полгода после убийства, вскипел весь.

Шел некий крестьянин вдоль Тверцы, неподалеку от города. Глядь, белеет что-то в водах. Пригляделся и обмер. Тело женское в светлых одеяниях и с ангельским ликом против течения плывет, вдоль берега. «Мать честная! Иулиания...» – стянул шапку и перекрестился.

Прибыло на его зов духовенство, набежали прочие люди всякого звания.

«И взяша честное ее тело, и положиша в раку каменную, и принесоша е во град Торжок в соборную церковь, и погребоша святое тело в соборной церкви со псалмопением честно на правой стороне у полуденных дверей. И в той час от святого тела бысть многим людям исцеление...»

Через четыре столетия, на месте обветшавшего Преображенского собора, строенного новгородцами, был возведен новый. 2 июня 1819 года в нововозведенном соборе был устроен придел во имя Иулиании, а в 1906 году, по случаю пятисотлетия ее кончины, часовня была перестроена и освящена как церковь во имя святой княгини.

Еще через сто лет, 5 февраля 1919 года, рака с мощами святой была вскрыта представителями советской власти.

Через год, 25 августа 1920 года, Наркомат юстиции опубликовал особый циркуляр, коим предписывалось: «местные исполкомы при соответствующей агитации последовательно и планомерно проводят полную ликвидацию мощей».

В 1930 году Преображенский собор, где покоились мощи святой Иулиании, был закрыт, мощи исчезли. Собор с тех пор так и остается недействующим.

А Иулиания всё плывет по небесной реке, ни боли от ран, ни гнева на убийц своих не чувствуя. Да и какая боль может быть у нее, венец за верность и муки получившей?

«У кошки – боли, у собаки – боли! А у Уленьки – не боли, не боли!»

И улыбается, как в детстве, когда добрая и мягкая нянька качала ее на руках, и смеется...

Новостные страницы иеромонаха Михаила (СТОЛЯРОВА)

Новости печальные и радостные

Обзор епархиальных событий за первое полугодие 2019 года приходится начать с печальных новостей: в январе Ташкентская епархия простилась сразу с двумя дорогими для многих из нас людьми. 16 января на 81-м году жизни отошел ко Господу один из старейших священнослужителей Ташкентской епархии – митрофорный протоиерей Михаил Котляров. Спустя восемь дней, 24 января, после продолжительной болезни, на 71-м году жизни преставилась ко Господу настоятельница Свято-Покровского женского монастыря города Дустабада игуменья Манефа (Караваева).

Отец Михаил ушел из этой временной жизни в год, когда мы могли бы все вместе отметить 50-летний юбилей с начала его служения в священном сане.

Матушка Манефа возглавляла монастырь на протяжении почти двадцати лет. Многим она запомнилась своей добротой, такой, каким должен быть не только человек, принявший монашеский постриг, но и каждый православный христианин.

Вечная им память и Царство Небесное!

О других событиях.

3 января, в день почитания памяти святителя Петра, митрополита Киевского, Московского и всея Руси, чудотворца, глава Среднеазиатского митрополичьего округа митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий в сослужении епископа Душанбинского и Таджикистанского Питирима, духовенства Душанбинской и Ташкентской епархий совершил Великий чин освящения храма в честь Иверской иконы Божией Матери города Бустона (бывш. Чкаловск).

Новыми иконами украсился иконостас храма святителя Луки (Войно-Ясенецкого) при Ташкентской духовной семинарии. **9 февраля** перед началом Божественной литургии митрополит Викентий освятил иконы.

17 февраля в Алма-Ате митрополит Астанайский и Казахстанский Александр и митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий провели рабочее совещание по вопросам подготовки к празднованию 150-летия учреждения Туркестан-

ской епархии, которое будет отмечаться в 2021 году. В программе проведения юбилея запланированы торжественные богослужения в памятные дни, выставки, концерты, научные конференции и «круглые столы», экскурсии для учащихся воскресных школ по местам, связанным с подвигами новомучеников и исповедников, выпуск и демонстрация документальных фильмов и книг и многое другое.

26–27 апреля паломники Среднеазиатского митрополичьего округа во главе с митрополитом Викентием совершили традиционную паломническую поездку на Святую Землю за Благодатным огнем.

3 мая Ташкентскую епархию посетил министр иностранных дел Российской Федерации Сергей Лавров. В Духовно-административном центре Ташкентской епархии состоялась встреча министра иностранных дел РФ и главы Среднеазиатского митрополичьего округа, на которой обсуждались вопросы поддержки российских соотечественников, проживающих на территории Округа.

5 мая на территории Духовно-административного центра состоялся концерт, посвященный Дню Победы, гостями которого стали ветераны Великой Отечественной войны, а **9 мая** в Успенском кафедральном соборе по окончании Божественной литургии и панихиды по павшим воинам духовенство и прихожане собора приняли участие в акции «Бессмертный полк».

Об основных культурно-просветительских событиях.

29 марта в Музее искусств Узбекистана в Ташкенте была открыта выставка старинных икон – плод совместной работы руководства и коллектива Музея искусств, а также Ташкентской епархии. Посетители выставки имели возможность ознакомиться с произведениями иконописи (включая и старинные иконы XVI–XVII веков), большая часть которых находится в запасниках музея.

21 апреля, в праздник Входа Господня в Иерусалим, в конференц-зале Духовно-административного центра Ташкентской епархии состоялся концерт хора Сретенской духовной семинарии (Москва) под управлением регента диакона Александра Амерханова. Хор также пел за богослужениями в Свято-Успенском кафедральном соборе и Свято-Троицком Никольском женском монастыре.

С 29 апреля по 5 мая в Ташкентской епархии состоялась ежегодная Международная православная книжная выставка-форум «Радость Слова». Торжественное открытие ее прошло в Национальной библиотеке Узбекистана имени Алишера Навои. В дни выставки-форума в Ташкент был принесен ковчег с мощами святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.

12 мая в Духовно-административном центре Ташкентской епархии прошла презентация монографии московского историка Ольги Борисовой «Гонимы, но не оставлены». Монография рассказывает о служении подвижников и исповедников

веры, с именами которых связана жизнь Ташкентской епархии в период с 1943 по 1961 годы**.

24 мая, в День славянской письменности, в Духовно-административном центре епархии прошли XII чтения «Просвещение–Православие–Восток», посвященные памяти святых равноапостольных Мефодия и Кирилла, учителей славянских. В Чтениях приняли участие представители научного сообщества Ташкента, национальных культурных центров, Россотрудничества в Узбекистане, преподаватели и студенты Ташкентской Духовной семинарии.

Другим научным форумом стали VI научно-практические чтения «Духовное наследие и вклад в медицину святителя Луки (Войно-Ясенецкого)», прошедшие в Ташкенте **11–12 июня**. В первый день мероприятия, которое было проведено в конференц-зале епархиального Духовно-административного центра, приняли участие митрополит Викентий, духовенство епархии, преподаватели и студенты ТПДС, сотрудники епархиального управления, представители общественности, национальных культурных центров, прихожане столичных храмов. 12 июня Чтения продолжились в здании Ташкентского медицинского института, одним из основателей которого являлся святитель Лука.

С 22 мая по 3 июня в Ташкентскую епархию из Костромы была доставлена Феодоровская икона Божией Матери. Кроме Ташкента, чудотворный образ Богородицы был принесен также в Самарканд, Бухару и Ургенч, где перед ним смогли помолиться сотни жителей этих городов.

17 июня, в день Святого Духа, состоялся семнадцатый выпуск студентов Ташкентской семинарии. В 2018–2019 учебном году завершили обучение двадцать человек очного и заочного секторов (пятнадцать выпускников пастырско-богословского отделения, три выпускницы катехизаторского отделения, две выпускницы регентско-певческого отделения).

И в заключение, как обычно, – о хиротониях. В Рождественский сочельник, 6 января 2019 года, в сан священника был рукоположен выпускник Ташкентской Духовной семинарии диакон Павел Былин. А 21 апреля, в праздник Входа Господня в Иерусалим, во священника был рукоположен диакон Свято-Успенского кафедрального собора Андрей Лин.

* Редакция «Востока Свыше» планирует в одном из ближайших номеров откликнуться на выход этой книги. (Прим. ВС.)

Жизнь и служение митрополита Гурия (Егорова)*

Благодаря приезду в Ташкент архиепископа Алексия (Палицына) в 1944 году архимандрит Гурий после длительного «подполья» получил возможность выйти на открытое служение. Это событие отразил в своих воспоминаниях митрополит Иоанн (Вендланд):

После этого [покаяния Брицкого] я выяснил, где остановился архиепископ Алексий, пошел к нему на прием и рассказал об отце Гурии. «В Фергане, – сказал я, – живет на покое уже одиннадцатый год архимандрит Гурий. Что ему делать?» – «Гурий безобразит?» – неожиданно спросил архиепископ. «Нет, – ответил я, – у него есть антиминс от покойного митрополита Арсения». «Пусть приезжает ко мне», – сказал владыка. Тотчас же я позвонил в Фергану. Отец Гурий пришел на телефонную станцию. «Слушайте новости, – сказал я ему, – приехал Алексий из Куйбышева и заставил Брицкого публично признать свои ошибки. Приезжайте к архиепископу на прием, он хочет видеть Вас». Отец Гурий приехал, и далее события в его жизни стали проходить с кинематографической быстротой¹.

Закончился период «покая» архимандрита Гурия – архиепископ Алексий назначил его настоятелем Покровского собора в Самарканде. Но недолго архимандрит Гурий пробыл на должности настоятеля этого храма – в ноябре того же 1944 года он уволился за штат по собственному желанию и вернулся в Фергану². Нигде в личных воспоминаниях не указана причина этого увольнения, но из отдельных документов можно предположить, что архимандрит Гурий сделал это по причине болезни. Первый документ – письмо протоиерея Григория Брицкого от 11 февраля 1945 года, в котором тот писал архимандриту Гурию: «О Вашей болезни я думаю, что Бог допустил по любви к Вам: для спасения души и тела. Потом увидите. Отдыхайте и поправляйтесь»³. Второй документ – это доклад в Патриархию в сентябре 1946 года, в котором епископ Гурий упоминал, что «будучи за штатом, болел в Фергане»⁴.

Но болезнь была не единственной причиной, по которой архимандрит Гурий покинул Самарканд. Уполномоченный по Узбекистану Степанов в отчете за 4-й

* Продолжение. Начало в № 4 (XLVIII), 2018; № 1 (XLIX), 2019. Журнальный вариант.

квартал 1944 года сообщал в Совет об увольнении священника Покровского собора Трофима Мороза решением Священного Синода от 4 сентября 1944 г. Степанов привел причину увольнения за штат бывшего обновленческого священника: «Склочник, восстановивший против себя духовенство Самарканда»⁵.

Его увольнение последовало после предоставления в Синод отзыва Ташкентского благочиннического совета. В этом отзыве за подписью протоиерея Григория Брицкого сообщалось о необоснованности жалобы Мороза, смещенного с должности настоятеля Покровского собора постановлением благочиннического совета и с санкции архиепископа Алексия (Палицына):

Ни благочиннический совет, ни Высокопреосвященнейший Алексий о[тца] Мороза не увольнял с настоятельства и не мог увольнять, т.к. о. Мороз не был настоятелем в соборе и занимал там место 2-го священника. Архимандрит Гурий был назначен на вакантное настоятельское место⁶.

Далее руководитель благочиннического совета привел биографические данные уволенного клирика. В частности он указал, что священник Мороз «водворился» в Покровском соборе в 1942 года, самовольно оставив свой прежний приход в Катта-Кургане. Временно управлявший обновленческой Ташкентской епархией протоиерей Григорий Брицкий, знавший Мороза более 30 лет, не утверждал его в должности настоятеля. Но в то же время и не препятствовал Морозу в священнослужении, так как в соборе продолжительное время не было настоятеля и не совершались богослужения. Прибывший в мае 1943 года на обновленческую Ташкентскую кафедру «епископ» Сергей Ларин священника Мороза возвел в сан протоиерея и утвердил в должности настоятеля Покровского собора. Но потом Ларин отменил свое решение: Мороз не выполнил своего обещания по внесению определенной суммы на содержание епархии. Настоятелем собора был назначен протоиерей Васильев, но тот столкнулся с интригами Мороза и его сторонниками в церковном совете. Васильев был переведен на другой приход, а настоятелем назначен протоиерей Мартынов. Но и новый настоятель долго не задержался по тем же причинам. Настоятельское место в Покровском соборе оставалось вакантным до мая 1944 года. Брицкий отметил в отзыве:

Кому оно не предлагалось, все решительно отказывались и лишь архимандрит Гурий как монах из послушания архиепископу Алексию пошел на подвиг настоятельства в Покровском соборе г. Самарканда. Это уже третий по счету настоятель в течение одного года. Но не прошло и 2-х недель, как от архимандрита Гурия благочиннический совет стал получать телеграммы с просьбой об увольнении его с должности настоятеля по невозможности служить с о. Мороз[ом]. Благочиннический совет вынужден был командировать своего члена протоиерея П. Медведева в Самарканд для производства на месте дознания, которое в настоящее время уже закончено и будет, если потребуется, представлено в Синод⁷.

В ноябре 1944 года группа прихожан Покровского собора написала заявление на имя благочинного Самаркандского округа, в котором указала, что уво-

ленный за штат священник Мороз пребывает в Самарканде «без определенного занятия» и через своих ставленников в церковном совете собора «путем различных интриг добивается своих личных интересов». Заявители сообщили благочинному:

За довольно короткий срок своей службы в Покровском соборе священником в обновленческой ориентации этот батюшка Мороз с присущей ему жадностью и нахальством при непосредственном участии его друзей из церковного совета смог выкинуть из Покровского собора и опачкать священника Агеева, настоятеля Васильева, настоятеля Мартынова и настоятеля архимандрита Гурия (Егорова). Словом, Покровский собор, несмотря на свою величественность и благолепие в храме, доведен <...> до порицающего состояния и остался без настоятеля. <...> Ведь если бы вы знали, сколько незаслуженных оскорблений пришлось выслушать бедному о. Гурию. Как они дерзко, грубо прямо третируют его. Где правда? Неужели Ташкент держится иных правил, чем Москва? <...> Итак, о. Гурий покидает нас. Допекли. Сердце разрывается на части от этого огорчения. И верно говорю, что он нам необходим как чистый воздух. Такого пастыря, как о. Гурий не было в стенах Покровского собора и не будет больше. Он словно яркий солнечный луч осветил и тепло согрел наши души, исстрадавшиеся за последнее время. <...> С приездом о. Гурия сюда народ стал значительно больше посещать Покровский собор. И все разрушилось...⁸.

Еще один документ свидетельствует о нездоровой обстановке в Самарканде в те годы. В 1948 году на совещании благочинных Ташкентской и Средне-Азиатской епархии разбирались многолетние проблемы внутри прихода Покровского собора в Самарканде. Были приведены следующие сведения:

К собору давно уже присосалась группа темных дельцов, которая многие годы хозяйничала в денежном ящике богатого Покровского собора, пьянствовала за церковный счет, ремонта не производила и всегда составляла денежный отчет так, что остатка денежных сумм не было. Сменилось немало настоятелей, некоторые из них были не в силах бороться с этой шайкой и уходили на другой приход с горьким чувством бессилия. Такими были протоиерей Мартынов, протоиерей Авсенов и архимандрит Гурий, ныне епископ Ташкентский⁹.

По словам Н.П. Гомолицкого, свидетеля событий тех лет, в Покровском соборе была «скандальная община» и архимандрита Гурия, когда он был настоятелем этого храма, «хотели побить камнями»¹⁰. Вместо архимандрита Гурия в Покровский собор назначили переведенного из Джамбула протоиерея Феодосия Авсенева. Архимандрит Гурий, вернувшись в Фергану, в декабре 1944 года председательствовал на общем собрании ферганской православной общины, на котором его избрали в церковный совет¹¹.

Тем временем, не пробыв и года на патриаршем престоле, патриарх Сергей 15 мая 1944 года почил. В должность Патриаршего Местоблюстителя, согласно завещанию почившего патриарха, вступил митрополит Алексей (Симанский).

В июле 1944 года решением Священного Синода на вдовствовавшую в течение

7 лет кафедре Ташкентской и Средне-Азиатской епархии был перемещен епископ Пензенский и Саранский Кирилл (Поспелов)¹², по оценке митрополита Иоанна (Вендланда), «человек очень оригинальный и, в своем роде, инициативный»¹³.

Епископ Кирилл (Поспелов Леонид Николаевич) родился в 1876 году в Пензенской губернии в семье псаломщика. В 1898 году окончил Пензенскую духовную семинарию и был рукоположен во диакона, в 1901 году – во иерея. Служил в Баку и Саратове, был законоучителем, в 1916 году возведен в сан протоиерея. В 1921 году был членом Саратовского губернского комитета помощи голодающим Поволжья (Помгол). В 1922 году уклонился в обновленческий раскол, некоторое время был членом обновленческого Саратовского Епархиального управления. В 1923 году принес покаяние и вернулся в Патриаршую Церковь. В 1934 году был осужден по статье 58 пп. 10-11 УК РСФСР на три года, наказание отбывал в Казахстане. В 1935 году вторично осужден по той же статье на 8 лет ИТЛ. В 1943 году был освобожден, жил в Актюбинске, где работал конюхом. Архиепископом Андреем (Комаровым) был представлен Патриарху Сергию как достойный кандидат на посвящение во епископа. В марте 1944 года был пострижен в монашество с именем Кирилл, в апреле хиротонисан во епископа Пензенского и Саранского¹⁴.

А.Э. Левитин-Краснов, лично знавший епископа Кирилла, вспоминал о нем:

15 мая в Москве умер Патриарх Сергей. Патриаршим Местоблюстителем стал митрополит Ленинградский Алексий. А в августе 1944 года в Ташкент, наконец, прибыл новый епископ Кирилл Поспелов. Его судьба тоже очень характерна для этого периода. В до-революционное время владыка служил в течение долгого времени священником соборного храма города Баку. Только перед самой революцией его перевели в город Саратов. Во время раскола в 1922 г. епископ занимал колеблющуюся позицию и, кажется, некоторое время тоже примыкал к Живой Церкви. Вскоре, однако, он приносит покаяние. В 30-е годы попадает в лагерь. В начале войны, освободившись из лагеря, он проживает в Оренбурге, где работает кухонным мужиком и уборщиком в местной больнице. Старому, больному человеку трудно приходится: надо носить тяжести, колоть дрова, выносить горшки. И вдруг неожиданная метаморфоза: после сентября 1943 года ввиду полного оскудения архиерейства начались рукоположения вдовых протоиереев в епископы. И вот об отце Леониде Поспелове (таково мирское имя владыки) вспоминает его старый друг епископ Днепропетровский Андрей. И вот, кухонный мужик Оренбургской больницы получает вызов в Москву. Здесь его экстренно постригают в монахи, с именем Кирилл, а затем рукополагают во епископа Ташкентского и Среднеазиатского. Итак, он во главе огромной епархии, на территории которой находится и город Оренбург. При приезде епископа в Оренбург весь горисполком вышел ему навстречу, эмгебисты (сотрудники МГБ, министерства госбезопасности – Д.П.) целовали ему руку. Конкордат был новостью, провинциальные деятели толком ничего не понимали – и по обыкновению пересаливали (не все ли им было равно, кому целовать руку!). К чести епископа надо сказать, что неожиданный поворот в его судьбе не вскружил ему голову. Все пережитое усилило в нем мистические настроения. Владыка иной раз постился целыми неделями, бывали дни, когда он совершенно отказывался от вкушения пищи. Он любил долго и много молиться. Устраивал ночные моления. По целым ночам молился в храме, переполненном народом. Интересны были его беседы с верующими. Он часто делился своим жизненным опытом, рассказывал о перипетиях своей обильной приключениями жизни. Было в нем

нечто от отца Савелия Туберозова из лесковских «Соборян». Отсутствие позы, искренняя религиозность, доброта¹⁵.

В воспоминаниях Левитина-Краснова присутствует ряд неточностей. Во-первых, протоиерей Леонид Поспелов после освобождения проживал в Актюбинске, а не в Оренбурге, и работал конюхом. Во-вторых, хиротония его состоялась в апреле 1944 года при Патриархе Сергии – во епископа Пензенского и Саранского. В-третьих, Оренбург (в 1938–1957 годах – Чкаловск) не входил в состав Ташкентской и Среднеазиатской епархии, была самостоятельная Чкаловская епархия. Из Пензенской епархии епископ Кирилл был переведен на Ташкентскую кафедру, и 3 сентября 1944 года прибыл в Ташкент. Что же касается «целования рук МГБистами», то это, скорее всего, плод фантазии автора.

По прибытии в Ташкент епископ Кирилл первоначально служил в Александро-Невском храме – небольшой кладбищенской церкви, единственной действующей в Ташкенте. Настоятелем этого храма являлся принесший покаяние протоиерей Григорий Брицкий. На тот момент в Ташкентскую епархию входило пять советских республик: Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан, общая площадь которых составляла 4 миллиона квадратных километров. На этой огромной территории епархии епископу Кириллу предстояло возрождать православные приходы, налаживать церковное управление, привлекать кадры. В тяжелые военные годы ощущалась крайняя нужда в церковной утвари, облачениях, богослужебных книгах. В своем годовом отчете в Патриархию епископ Кирилл писал:

Большое стеснение ощущается при совершении Божественных Литургий по приходам епархии из-за отсутствия антиминов. Приходится одним антимином пользоваться на несколько приходов¹⁶.

Не все действующие на тот момент храмы имели официальную регистрацию. Уполномоченный по Узбекской ССР А.И. Степанов отмечал:

В республике имеется 7 незарегистрированных молитвенных домов <...>, где группы верующих подали заявления об открытии молитвенных домов, которые, не ожидая решения по их ходатайствам, совершают богослужения. Правящий епископ [Кирилл], зная, что указанные молитвенные дома не зарегистрированы у уполномоченного Совета, равно как и совершающие там богослужения, не возражая по существу, заявляет священникам: «Служите, если местная власть не вмешивается в это дело; если же это случится, помочь вам ничем не смогу, вам придется уехать оттуда»¹⁷.

В то же время, ранее открытые (с 1943 года) и зарегистрированные в местных исполкомах молитвенные дома уполномоченные считали действующими и им не требовалось Постановление республиканского СНК для регистрации по линии Совета по делам РПЦ¹⁸.

Тем временем состоялся с 31 января по 2 февраля 1945 года Поместный Собор

Русской Православной Церкви. Собор принял «Положение об управлении Русской Православной Церкви» и избрал Патриархом Московского и всея Руси митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия (Симанского). Интронизация Патриарха состоялась 4 февраля 1945 года в Богоявленском кафедральном соборе¹⁹. Участники Поместного Собора 1945 года сделали заявление, которое ТАСС распространяло за границей:

Никогда в России православие не подвергалось систематическим преследованиям, никогда не было убийств христиан, как в древнем Риме. Ничего этого не было. Но предрассудок настолько живуч, что и сейчас мы слышим протестующий шепот. <...> Антирелигиозная работа никогда не получала непосредственной поддержки правительства (это еще один предрассудок). <...> Говорить о нетерпимости и преследованиях религии в СССР – это значит идти против истины²⁰.

Делегатами от Ташкентской епархии на Поместный Собор были правящий епископ Кирилл (Поспелов), протоиерей Павел Медведев и инженер на пенсии Сорокин²¹. Изначально вместо Медведева епископ Кирилл выдвигал кандидатом на Собор настоятеля Александро-Невского храма протоиерея Григория Брицкого, но последний в письменной форме просил правящего архиерея отклонить его кандидатуру. Дело Брицкого, как бывшего обновленца, рассматривалось Священным Синодом, но решение из Москвы к тому моменту еще не последовало. Проблемой стало выявленное второбрачие Брицкого, о чем докладывал архиепископ Алексий (Палицын), принимавший у него покаяние в Ташкенте.

Уполномоченный по Узбекистану А.И. Степанов писал в своем докладе за 1-й квартал 1945 года о реакции верующих на Поместный собор:

Открытие Поместного Собора в г. Москве произвело среди верующих г. Ташкента и [Узбекской] республики большое впечатление. Отмечались разговоры о том, как хорошо и тепло отзывалась государственная власть на удовлетворение назревших нужд верующих. Разыскивались и жадно прочитывались те номера «Правды» и «Известий», где были приведены постановления Поместного Собора. С нетерпением ожидалось возвращение делегации с Поместного Собора. <...> По возвращении делегации из Москвы в первое же воскресенье во время богослужения в Александро-Невском соборе г. Ташкента, епископом было сделано сообщение о деятельности Поместного Собора²².

Религиозная жизнь в Ташкентской епархии находилась на подъеме. Как отмечал А.И. Степанов:

Несмотря на открытие второго храма в г. Ташкенте, обе церкви даже в обычные воскресные дни переполнены. Отмечается нарастание удельного веса контингента молящихся в сторону молодежи. Так, если ранее основная масса молящихся состояла из стариков и старушек, в настоящее время можно видеть в церквях молодежь, состоящую из школьников даже старших классов, вузовцев, а также демобилизованных молодых бойцов и командиров Красной Армии²³.

В марте 1945 года с благословения епископа Кирилла вышло «Положение об епархиальном административном управлении Ташкентской и Средне-Азиатской

епархией», согласно которому Преосвященный Кирилл являлся полным начальником епархии. В помощь правящему архиерею был учрежден Епархиальный совет с правами и обязанностями бывшей духовной консистории, а также создан институт благочинных с делением епархии на пять благочиннических округов с центрами в следующих городах: Ташкенте, Сталинабаде (ныне Душанбе), Фрунзе, Семипалатинске и Алма-Ате²⁴. Председателем Епархиального совета был назначен протоиерей Григорий Брицкий, казначеем – протоиерей Павел Медведев, секретарем – архимандрит Гурий²⁵.

Итак, вернемся к архимандриту Гурию. В автобиографии он указал, что после увольнения из Самарканда вернулся в Фергану²⁶. В своем отчете «О посещении г. Ферганы и о состоянии церковной жизни ферганской православной общины» (сохранился рукописный черновик отчета, датированный декабрем 1944 г. – январем 1945 г.) он так писал о своей деятельности в Фергане:

Мое личное участие в церковной жизни Ферганы заключалось в многократном служении и проповедях в храме, в патриотических молениях, в подготовке общего собрания прихожан 3 дек[абря] 1944 г. и председательстве на нем по единогласному выбору (общее собрание положило начало оживленной жизни в приходе и освободило настоятеля от гнета церковных дельцов), в подготовке и руководящей работе на заседаниях церк[овного] совета, в хлопотах о получении икон и облачений, утвари из театра, в хлопотах о налаживании и оформлении церковной отчетности и церк[овных] документов, о выдаче всему штату церкви организованным порядком хлебных карточек, в разборе вопроса о новом религиозном течении²⁷.

По всей видимости, участие архимандрита Гурия в организационных мероприятиях ферганской общины и нормализации приходской жизни не было его личным решением – на тот момент Ташкентской и Среднеазиатской епархией уже управлял епископ Кирилл, который мог официально командировать своего клирика в Фергану. Вероятнее всего, по итогам инспекции отчет был направлен в Ташкент епископу Кириллу. В документе были приведены сведения, что настоятелем образованной в июне 1943 года ферганской общины являлся архимандрит Евстафий (Бодылевский), вторым священником был Вячеслав Попов, псаломщиком – И.П. Дубовицкий, регентом хора – бывший обновленческий диакон В.И. Попов. Богослужения совершались в часовне на местном кладбище. Архимандрит Гурий сообщал, что «кладбищенская часовня <...> находится в 2 километрах от окраины города, вмещает не более 30 человек и не может быть отапливаема по техническим причинам»²⁸.

Настоятель и староста Н.Н. Куренов, по словам архимандрита Гурия, осуществляли «усиленные хлопоты» о предоставлении ферганской православной общине более удобного помещения в самом городе. В общине велась патриотическая работа: духовенство произносило патриотические проповеди, призывало к пожертвованиям на оборону страны и семьям погибших фронтовиков (на 1 января 1945 г. было собрано более 32 тыс. рублей), совершало патриотические молебны. Ферган-

ской общине удалось получить из местного музея и театра одно архиерейское и около 30 священнических облачений, 150 икон, несколько пар свадебных венцов и другую церковную утварь.

Должно отметить большую религиозность православного населения г. Ферганы и окрестностей. При морозе в -20 градусов люди стоят часами кругом часовни, слушая во время всенощной и литургии едва доносящееся до них пение и чтение. Многие в случае ремонта нового помещения изъявляют готовность помочь материально и своим трудом. Все ждут того дня, когда дадут иное помещение. Поэтому понятно, почему на общем собрании прихожан 3 дек[абря] 1944 г. единогласно признали неудовлетворительной работу бывшего церк[овного] совета, который не желал переходить куда бы то ни было с кладбища²⁹.

Архимандрит Гурий указал на малообразованность настоятеля – архимандрита Евстафия и поведение духовенства: грубость в обращении с народом и «излишнюю корыстность в требованиях». Сообщил он об усилении работы баптистов и о наличии в Фергане секты «хлыстов»*. Более подробные сведения были приведены в приложении к отчету:

Несколько лет тому назад в г. Фергане жил некто Василий, которого многие называли «отец Василий». Этот старик ходил в юбке, постоянно сидел у ворот на базаре, собирал подавание и тут же поучал, пророчествовал и приобретал новых последователей. Сам он похвалялся, что вел борьбу с православным духовенством еще до 1917 года. Он умер года два тому назад и похоронен по его желанию не на православном, а на мусульманском кладбище. Последователи его собираются на домах и на его могиле и поют искаженные церковные песнопения и канты. В житейских трудностях и недоумениях они идут на его могилу «побеседовать» с ним. Они верят, что Василий воскреснет через три года. Последователи Василия именуют себя «истинно православными», ходят в церковь. При Василии была близкая ему девица Матрена, хотя и малограмотная, но очень бойкая и сообразительная. В настоящее время она стоит во главе этого течения. Я имел с ней долгую беседу в присутствии о[тца] архим[андрита] Евстафия. Она сама изложила так свои взгляды: на небесах пусто, Бог – на земле, в каждом человек. Иисус Христос не возносился на небо с плотью, а пребывает в людях, «отец Василий» – особый пророк, ему «все тайны открыты», его силою «священство было посрамлено» за последние десятилетия³⁰.

Архимандрит Евстафий молился вместе с ними и нередко брал Матрену с собой на требы. Слова предупреждения настоятеля об опасной близости с такими людьми не достигли цели, в связи с чем архимандрит Гурий заключил:

Значит, о. Евстафий молится с единомышленниками еретика, а по апост[ольскому] 45-му правилу священник, молящийся с еретиками, запрещается в богослужении. Такое молитвенное и житейское общение с православным священником очень выгодно для сектантов, так как защищает их от обвинения в неправославии. Но о. Евстафий делает нехорошо, покрывая их. Похоже, что он делает это ради своих житейских удобств, по материальным соображениям³¹.

* Подробнее о ферганских «хлыстах» и столкновении с ними архим. Гурия см. статью Р.В. Дорофеева «Архимандрит Гурий и ферганские «васильевцы» (1944–1953 годы)» этом номере.

Архимандрит Евстафий (Бодылевский) скончался в августе 1945 года. По всей видимости, после упокоения настоятеля ферганская православная община за подписью 120 верующих направила прошения на имя правящего архиерея:

Просим Вас, Ваше Преосвященство, назначить нам в настоятели нашей общины отца архимандрита Гурия Егорова, уважаемого всеми православными гражданами г. Ферганы и ее окрестностей, и как молитвенника за нас перед Господом, и хорошего проповедника, и наставника в вере православной³².

Но епископ Кирилл распорядился по-другому: в апреле 1945 года он назначил архимандрита Гурия секретарем вновь созданного Епархиального совета с введением в причт Александро-Невского храма в Ташкенте³³. Позднее, в 1956 году, архиепископ Гурий вспоминал о событиях того времени:

В 1944 году (по всей видимости, здесь присутствует авторская ошибка в дате – это назначение произошло в 1945 г. – Д.П.) летом к нам в калитку в Беш-Бале постучался какой-то человек. Очень вежливо он осведомился, здесь ли живет Егоров, и пригласил его к 7 часам вечера прийти в Горсовет для выяснения какого-то вопроса. Все переполошились, уговаривали меня не ходить. Но я говорю: “Все в воле Божией. Как Господь хочет, так и устроит”. В назначенное время я был в Горсовете, на другом конце города. Приходивший утром человек уже ждал меня. Издали за мной следовали матушка Серафима (Н.С. Яковлева. – Д.П.) и матушка Евлалия (сведений о ней найти не удалось. – Д.П.). Из Горсовета меня повели в другое здание. А спутницы мои стояли на улице и прятались за деревьями, чтобы стража их не видела. Время шло. Уже полночь. Час ночи. Они все ждут. И теряют уже надежду увидеть меня. Печально пошли они домой через безлюдные поля, по пустынной дороге, которая вела к нашему дому. Пришли домой, зажгли лампадку и стали молиться о мне, читать акафист. А не успели они уйти, как меня выпустили. И около половины второго ночи я постучался в калитку. Какова же была их радость, когда они увидели, что я цел и невредим! На другой день я уехал в Ташкент, где был назначен секретарем епископа Кирилла³⁴.

По поводу нового назначения архимандрита Гурия митрополит Иоанн (Вендланд) писал в своих воспоминаниях:

Епископ Кирилл привлек отца Гурия в свой Епархиальный совет и поручил ему секретарскую работу. Отец Гурий с радостью принял поручение и со свойственной ему сноровкой быстро навел порядок в делах, организовал правильную епархиальную канцелярию³⁵.

Как позже отметил протоиерей Григорий Брицкий, «организатором Управления Ташкентской епархии был досточтимейший о. архимандрит Гурий»³⁶. В епархиальной канцелярии появился делопроизводитель, была приобретена пишущая машинка, было назначено жалованье членам Епархиального совета, была заведена кассовая книга.

В июне 1945 года постановлением Священного Синода была воссоздана самостоятельная Алма-Атинская и Казахстанская епархия, управляющим которой назначили пребывавшего на покое архиепископа Николая (Могилевского)³⁷. В ноябре 1945 года Священный Синод принял решение о границах Ташкентской

и Средне-Азиатской епархии, оставив в ее составе четыре среднеазиатские республики³⁸. Таким образом, епархия обрела четкие границы, а епископ Кирилл утратил архиерейскую власть над 11 приходами Казахской ССР³⁹. К концу 1946 года количество приходов в Алма-Атинской и Казахстанской епархии выросло до 33⁴⁰.

Уполномоченный Степанов в своем отчете за 1945 год приводил факты из письма некоего «священника Г.П.» о том, что неожиданно для своего окружения епископ Кирилл не смирился с изменением границ Средне-Азиатской епархии и послал Патриарху Алексею по этому поводу протестующую телеграмму и рапорт. Со слов этого анонимного священника Степанов сообщал, что члены Епархиального совета протоиерей Григорий Брицкий и архимандрит Гурий отговаривали епископа от этого шага, но тот упорно твердил, «что он “будет бороться с Патриархом”, что он “победит”, что он “не позволит” так обращаться с Кириллом, что он “не какой-либо замухрышка-архиерей”»⁴¹. И епископ Кирилл, якобы получив обстоятельный ответ от Патриарха, все же послал копию своего протеста уполномоченному по Казахской ССР с надеждой на его поддержку.

Данному факту не удалось обнаружить подтверждение. Напротив, существует рапорт епископа Кирилла Патриарху Алексею, написанный 12 мая 1945 года:

Как известно Вашему Святейшеству, в состав Ташкентской и Среднеазиатской епархии входят 5 республик: Казахская, Киргизская, Узбекская, Таджикская и Туркменская. В каждой из этих республик имеются уполномоченные по делам Русской Православной Церкви при Совнаркомах, с которыми епархиальному епископу приходится согласовывать работу. Со стороны каждого из них при установлении епархиально-административного управления (организации благочиннических округов) отмечаются настойчивые требования в отношении сохранения республиканских границ. С этой целью мне приходится самому лично объезжать свою епархию. <...> Остается только одна республика, и самая обширная по территории – Казахская, в которой я посетил только некоторые церковные точки, но всей территории этой республики не объехал. <...> Центром Казахской республики является г. Алма-Ата. При посещении этого города, в беседе с уполномоченным я пришел к глубокому убеждению, что для этой республики необходим епископ, если на первых порах не епархиальный, то непременно викарный, с постоянным пребыванием в г. Алма-Ата⁴².

Примерно через полгода с момента заступления на Ташкентскую кафедру епископа Кирилла начали появляться негативные отзывы о нем и о его деятельности. Первые их отзвуки проявились в отчете уполномоченного по Узбекистану А.И. Степанова за 1-й квартал 1945 года в Совет по делам РПЦ. В частности, Степанов отмечал:

Вообще, авторитетом правящий епископ среди духовенства не пользуется. Его, не стесняясь, называют «мямля», «Кирюша», «у него семь пятниц на неделе», «епископ – фарисей», говорит лишь о том, какой он молитвенник, какое близкое общение он имеет с богом⁴³.

Тенденция эта продолжилась и в последующие месяцы. В отчете за 2-й квартал 1945 года Степанов дал оценку правящему епископу уже в развернутом виде, с приведением конкретных фактов.

Отсутствие административных навыков и способностей правящего епископа (Кирилла Поспелова), потеря им всякого авторитета у верующих и духовенства приводит к развалу епархии. Развал это принимает серьезный характер. Например, неприятие мер по отношению к непослушным, склочным священникам привело к тому, что зарегистрированные приходы в селе Троицком и в г. Самарканде (Покровский собор) – накануне полного разложения⁴⁴.

В Покровском соборе в Самарканде, по сведениям Степанова, помимо постоянных склок имели место кражи, крупные хищения церковных сумм и принявшие большие размеры растраты. Сам же епископ Кирилл, как сообщал уполномоченный, «будучи в Самарканде и, “разобрав” дело, оставил воров на месте, чем вызвал большие нарекания верующих и раздражение духовенства всех трех церквей Самарканда»⁴⁵. Степанов привел сведения, что священник самаркандского Покровского собора Трофим Мороз постановлением Священного Синода был уволен за штат за «неуживчивый характер». По словам уполномоченного, епископ Кирилл заявил уволенному клирику и его сторонникам, что «он считает Мороза прекрасным священником и не сделал бы так, как сделал Свящ[енный] Синод. <...> и предоставит ему лучший приход в своей епархии»⁴⁶.

Ташкентский уполномоченный давал нелицеприятную характеристику епископу Кириллу:

Слабость епископа, неумение руководить епархией, неумение заставить подчиниться его воле духовенство разлагает последнее. Часты случаи неподчинения его распоряжениям и невыполнение его указов духовенством <...> Созданный при епископе Епархиальный совет совершенно <...> обезличен. Контакта в работе нет абсолютно. Состоя из авторитетнейших лиц, совет мог бы и пытался неоднократно оказывать помощь епископу в деле управления епархией. Однако епископ, совершенно не считаясь с советом, все вопросы решает самолично, отчего происходят у него грубые ошибки. <...> При своих служебных поездках по епархии епископ Кирилл никаких установок и указаний местам не дает. Проповедей на патриотические темы не произносит, говоря только о себе, какой он молитвенник, как его встречают и принимают. <...> Безавторитетности епископа способствуют и его личные качества: 1) недалекость, граничащая с “наивностью” <...>; 2) самовластие епископа <...>; 3) недальновидность и ограниченный кругозор⁴⁷.

Для аргументации своих оценок уполномоченный Степанов использовал слова анонимного (но, по всей видимости, хорошо знакомого ему) «священника Г.П.»:

Тяжело отражается на жизни епархии склонность епископа часто перебрасывать духовенство из одного прихода в другой. К счастью, мешает этому институт уполномоченных. Духовенство ропщет на епископа, но не может добиться правды, потому что епископ всегда отвечает многоречиво призывом к миролюбию и жалости. Но фактически он жалеет и благоволит только к крикунам и бесцеремонным, скромных же и честных он не поддерживает. Даже члены Епархиального совета не имеют никакого веса перед ним и, чтобы они не говорили, он совершенно не считается с их мнением. <...> Алчность к деньгам у Кирилла огромная. Более чем за полгода своего архиерейства в Ташкенте все суммы, присылаемые на Патриархию и на епархию, он клал на свое имя в сберкассе. Лицо, исполнявшее его поручения в сберкассе, говорило, что сумма давно перевалила

за сто тысяч. Он сам признавался, что скопил 53 тысячи рублей на покупку легкового автомобиля. А на днях заявил, что за автомобиль он заплатит из этих своих средств, а затем будет получать частями из поступающих ныне на патриархию и епархию. Такое бесцеремонное обращение с общественными деньгами создало в настоящее время такое положение, что у епархии нет средств для отправки очередных взносов на Патриархию и духовно-учебные заведения. Кроме того, епископ Кирилл сразу по увольнении б[ывшего] протоиерея Лозового (в сентябре прошлого года) присвоил себе долю Лозового из братской кружки и не пожелал отдать ее архимандриту Гурию, вызванному из Ферганы для работы в Епархиальном совете, и согласился лишь на скудную оплату его труда из епархиальных средств. <...> Очень многие верующие недовольны епископом и порицают его за проповеди. Все его проповеди гласят о себе, о том, как он постничает, сколько кладет поклонов, сколько раздает нуждающимся (добавлю, из епархиальных средств); нет ни одной проповеди без восхваления себя. Все близко стоящие к епископу отмечают его жесткость, скупость, эгоизм. Эти свойства, соединенные с неограниченным самомнением и упрямством, создали то, что сейчас не только духовенство, но и многие из мирян говорят: «Хоть бы скорее взяли его из Ташкента. Ехал бы он в Семипалатинск, о котором так хлопочет». Быть может, епископ Кирилл был хорошим священником, но епископом он оказался плохим. Причины: неумение управлять, руководствуется не соображениями пользы для дела, а личными настроениями и желаниями. По той же причине в нем проявляется нежелание считаться с канонами церкви. Всякое упоминание о канонах его огорчает, ибо это связывает его произвол⁴⁸.

В том же письме анонимный священник сослался на слова «одного мудрого протоиерея»: «Тяжелое наследие останется преемнику епископа Кирилла»⁴⁹.

В качестве этого преемника Степанов предлагал архимандрита Гурия:

Необходимо, возможно быстрее, освободив епископа Кирилла от занимаемой им кафедры, назначить в нашу епархию более сильного иерарха. В случае затруднения подыскать такого в ближайшее время, мы рекомендовали бы на эту должность члена Епархиального совета Ср[едне]-Аз[иатской] епархии архимандрита Гурия Егорова, окончившего духовную академию, деятельного администратора, вполне лояльного к Советской власти, весьма авторитетного как среди верующих, так и среди духовенства. Насколько мне известно, его знает как сам патриарх, так и митрополит Николай, личный секретарь патриарха и другие церковные иерархи⁵⁰.

В этом же отчете Степанов отметил качества предлагаемого кандидата:

Секретарь Епархиального совета архимандрит Гурий – академик, большая умница, высоко лояльный по отношению к Сов[етской] власти человек⁵¹.

Заинтересованность в этом вопросе ташкентского уполномоченного вызвала негативную реакцию в Совете по делам РПЦ, и на свой доклад Степанов получил резолюцию от члена Совета И.И. Иванова от 14 июля 1945 года:

Т[оварищу] Степанову лично указано на неправильную позицию в отношении церкви и епископа и предложено в дальнейшем изучать церковное движение, но не вмешиваться в вопросы, о которых должен беспокоиться епископ, а не уполномоченный (беспокойство о развале епархии и непристойном поведении духовенства)⁵².

Но эти замечания из Москвы не остановили уполномоченного по Узбекской ССР. В отчете за 3-й квартал 1945 года Степанов продолжил докладывать в том же духе:

Полное бездействие Епархиального совета. По заявлению членов совета, епископ решает дела без должной подготовки таковых Епархиальным советом и даже, как правило, не информирует совет о принятых решениях⁵³.

И в дальнейших отчетах уполномоченный Степанов продолжил доводить до своего московского руководства мысль о непригодности епископа Кирилла для занимаемой им должности. На что член Совета по делам РПЦ С.К. Бельшев сделал замечание уполномоченному по Узбекской ССР, что в его квартальном отчете значительное место отведено действиям епископа Кирилла, но недостаточно освещена его работа и церковная жизнь в республике. «Это третий отчет, – отметил Бельшев, – в котором Вы так много места уделяете епископу»⁵⁴.

В оценке епископа Кирилла Степанову вторил его коллега – уполномоченный по Киргизии А.М. Соловьев. Он отмечал в своем отчете за 4-й квартал 1945 года, что правящий архиерей не наказывает провинившихся священников, реагируя на подобные явления «в духе христианского всепрощения».

Епископ Кирилл <...> по-видимому, не особенно интересуется состоянием вверенной ему епархии, будучи в большей степени озабочен своевременными поступлениями взносов с облагаемых им приходов на содержание епархии. По словам священников, имевших возможность наблюдать внутреннюю жизнь епархиального управления, – епископ Кирилл сильно занят «спасением своей души», делами же епархии ведает совет в лице Брицкого и Медведева⁵⁵.

Не обошлось без конфликта епископа Кирилла и с секретарем Епархиального совета. 14 мая 1945 года архимандрит Гурий написал рапорт на имя настоятеля Александро-Невской церкви протоиерея Григория Брицкого, описывая следующий инцидент (аналогичный рапорт был подан и на имя епископа Кирилла). Священник Константин Сливоченко из Алимкента (Ангрен) просил у епископа Кирилла разрешения послужить в Александро-Невском храме на Пасхальной седмице с произнесением проповеди. Епископ Кирилл просил архимандрита Гурия проверить предварительное содержание проповеди, что последний и сделал. Но фактически произнесенная указанным священником проповедь совершенно не совпала с тем содержанием, которого он обещал держаться. При этом епископ Кирилл высказался в разговоре, что он предвидел это, потому и поручил вопрос цензуры текста проповеди архимандриту Гурию. Последний выразил в своем рапорте недоумение – зачем правящий архиерей разрешил проповедовать с амвона храма «сомнительному лицу». Получилось, что епископ Кирилл, предвидя нежелательное выступление, не помешал ему. Он всего лишь принял меры, чтобы ответственность легла на другого человека. И закончил архимандрит Гурий свой рапорт словами, что это – «действия, не подходящие высокому архиерейскому званию»⁵⁶. Здесь стоит отметить еще один факт – рапорт архимандрита Гурия на имя про-

тоиерея Григория Брицкого в итоге оказался в руках уполномоченного Степанова, который приложил его к своему отчету, где и описал эту ситуацию.

Тем временем, осенью 1945 года Патриарх Алексей вызвал архимандрита Гурия в Москву для подготовки к открытию Троице-Сергиевой Лавры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Иоанн (Вендланд), митр. Князь Федор (Черный). Митрополит Гурий (Егоров). Исторические очерки. – Ярославль: ДИА-пресс, 1999. С. 126-127.
- ² Автобиография епископа Ташкентского и Средне-Азиатского Гурия (Егорова) // Личное дело митрополита Гурия (Егорова). См.: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 6991. Оп. 7. Д. 145. Л. 6.
- ³ Архив Ташкентского Епархиального управления (АТЕУ). Оп. 1 л/д. Д. 47. Л. 5.
- ⁴ Там же. Л. 51.
- ⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 12. Л. 85.
- ⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 9. Л. 108.
- ⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 9. Л. 108об.
- ⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 12. Л. 94-95.
- ⁹ Там же. Д. 15. Л. 40.
- ¹⁰ Мы жили удивительной жизнью // Слово жизни. Март 2012. № 3 (308). С. 8.
- ¹¹ АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 1.
- ¹² Назначения на архиерейские кафедры // Журнал Московской Патриархии. 1944. № 8. С. 3.
- ¹³ Иоанн (Вендланд), митр. Цит. соч. С. 127.
- ¹⁴ Мраморнов А.И. Кирилл (Поспелов Леонид Николаевич, 1876–1953), архиепископ Пензенский и Саранский // Православная энциклопедия. – М.: ЦНЦ Православная энциклопедия, 2014. Т. 34. С. 522-523; ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 68.
- ¹⁵ Левитин-Краснов А.Э. Рук Твоих жар (1941–1956). – Тель-Авив: Круг, 1979. С. 142-143.
- ¹⁶ Цит. по: Патрахин Л., прот., Лай П., прот. По стопам Апостола Фомы. – Воронеж: [б.и.], 2009. С. 177.
- ¹⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 68. Л. 9.
- ¹⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 52. Л. 150.
- ¹⁹ О Поместном Соборе Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. 1945. № 2. С. 1-2.
- ²⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 32. Л. 28.
- ²¹ В оригинале списка участников Поместного собора наряду с епископом Кириллом и протоиереем Павлом Медведевым фигурирует другой третий член делегации: «гр. Пирогов Н. – образование высшее, служащий». См.: ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 32. Л. 142.
- ²² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 52. Л. 146.
- ²³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 109. Л. 35.
- ²⁴ Там же. Л. 153.
- ²⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 52. Л. 147.
- ²⁶ Автобиография епископа Гурия (Егорова). Л. 6.
- ²⁷ АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 8–8об.
- ²⁸ АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 5.
- ²⁹ АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 6об–7.
- ³⁰ АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 10–11.
- ³¹ АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 14–14об.
- ³² АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 15–17.
- ³³ Автобиография епископа Ташкентского и Средне-Азиатского Гурия... Л. 6.
- ³⁴ Цит. по: Зегжда С.А. Александро-Невское братство. – Набережные Челны: ИД Новости мира, 2009. С. 159.
- ³⁵ Иоанн (Вендланд), митр. Цит. соч. С. 127.
- ³⁶ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 47. Л. 23об.
- ³⁷ Церковная жизнь. Хроника // Журнал Московской Патриархии. 1945. № 7. С. 10.
- ³⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 34а. Л. 34.
- ³⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 56. Л. 132.
- ⁴⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 112. Л. 51.
- ⁴¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 53. Л. 82-82об.
- ⁴² Королева В.В. Святитель Николай митрополит Алма-Атинский и Казахстанский. – М.: Паломник, 2000. С. 58-60.
- ⁴³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 52. Л. 149.
- ⁴⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 53. Л. 65.
- ⁴⁵ Там же. Л. 66.
- ⁴⁶ Там же. Л. 82.
- ⁴⁷ Там же. Л. 66, 68-69.
- ⁴⁸ Там же. Л. 82об.
- ⁴⁹ Там же. Л. 82.
- ⁵⁰ Там же. Л. 70.
- ⁵¹ Там же. Л. 68.
- ⁵² Там же. Л. 65.
- ⁵³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 55. Л. 57.
- ⁵⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 61. Л. 108.
- ⁵⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 61. Л. 97.
- ⁵⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 53. Л. 81.

Архимандрит Гурий и ферганские «васильевцы» (1944–1953 годы)

Ферганские «хлысты» до сих пор оставались вне поля зрения специалистов, изучающих вопросы сектантства в Среднеазиатском регионе. В отличие от других сектантов мистического толка, о них нет четких документальных следов в государственных архивах. В этом смысле им не так «повезло», как, скажем, скопцам станицы Софийской¹ или «конногвардейским» «хлыстам»-уваровцам².

Связную историю «хлыстовского» течения в Фергане пока едва ли возможно написать. Большинство из его участников не оставили после себя каких-либо письменных свидетельств, а политические и социальные изменения трех последних десятилетий настолько перекроили этническую карту Ферганской области, что поиск возможных потомков местных «хлыстов» представляется сегодня делом практически безнадежным.

По счастливой случайности некоторые свидетельства о ферганских «хлыстах» все-таки сохранились в архиве Ташкентского Епархиального Управления (далее – АТЕУ). Однако и эти свидетельства отрывочны и носят односторонний характер. Имеющаяся по интересующей нас теме информация в основном относится не к самим «хлыстам», а скорее к тем конфликтам, которые разгорались вокруг отдельных представителей этого течения внутри ферганского православного прихода. Но для изучения русского религиозного сектантства в Средней Азии эти сообщения имеют огромное значение, поскольку только из них мы можем получить более или менее подробную информацию о присутствии в Ферганской области в советскую эпоху течений, близких к христоверия, и об их связях с православным духовенством в локальном пространстве города Ферганы.

Российское христоверие: вопрос происхождения и типологии

«Хлыстовство», или, иначе, *христоверие*, представляет собой явление, принадлежащее почти исключительно к миру российских религиозных дви-

жений, участие в которых помимо собственно русских принимали, пожалуй, только представители финно-угорских народов. «Мистические секты», а именно так классифицировали в царское время христоверов и родственные им течения начиная примерно с конца XVII века, становятся неотъемлемой частью религиозного пространства России, а в последней трети XIX столетия – предметом пристального научного изучения. Примерно в это время академические мужи впервые начинают задаваться вопросом: а каким, собственно, образом возникли на Руси эти тайные секты с их «христами», «пророками» и экстатическими радениями?

Согласно версиям конца XIX – начала XX веков, христоверие могло сохранить в себе остатки языческого мировоззрения (Н.И. Барсов), происходить от финско-славянского/христианско-языческого двоеверия (А.П. Щапов), от западноевропейских еретических течений (И.М. Добротворский, Н.В. Реутский, В.Н. Перетц, С.А. Зеньковский), от балканского богумильства (П.И. Мельников-Печерский, А.Н. Веселовский), или являться рудиментом древнего христианского гностицизма (К.К. Грасс).

Из современных исследователей, как представляется, наиболее убедительное объяснение происхождения христоверия дает петербургский филолог и этнограф А.А. Панченко. «Хлыстовщина», как полагает исследователь, вышла из среды, тесно связанной со старообрядческим движением (учение старца Капитона Даниловского, секта «подрешетников», «духомольцы» и «лжехристомужии» второй половины XVII века); но если основные направления старообрядчества (поповство и беспоповство) в целом остались вполне идентичными православному христианству, то христоверие постепенно трансформировалось в совершенно самобытное религиозно-мистическое направление. На первое место у «хлыстов» выдвинулись особая практика приобретения харизмы и авторитет сакральных лидеров («христов», пророков и «богородиц»)³.

Развивая тезис А.А. Панченко о связи радельной практики христоверов с традицией русского исихазма (препископ Нил Сорский и «заволжские» старцы)⁴, А.Г. Берман выдвинул предположение о том, что «хлыстовщина», возможно, представляет собой выродившуюся духовную традицию «заволжских» исихастов XV–XVI веков⁵. При этом он вновь, вслед за П.И. Мельниковым-Печерским и А.Н. Веселовским, поднимает вопрос о влиянии на первоначальное христоверие (при посредстве исихастской традиции) византийского мессалианства и болгарского богумильства⁶.

Заслуживают внимания и те параллели, которые А.Г. Берман проводит между российским христоверием и еврейским движением саббатиан, связанным с личностью лжемессии Саббатай/Шабтая Цви (1626–1676)⁷. Сравнивая «хлыстовщину» и саббатианство, он обнаруживает немаловажное, на наш взгляд, обстоятельство: оба течения зародились в качестве религиозной реакции на широкий национальный кризис. Для западно- и восточноевропейской еврейской диаспоры XVI–XVII веков таким кризисом было изгнание сефардов из Испании и Португалии, а также еврейские погромы в Польско-Литовском государстве, имевшие место во время восстания Богдана Хмельницкого. Соответственно, для русского

народа и Русской Церкви кризисными оказались XVII–XVIII века, ознаменовавшие обрядовой реформой патриарха Никона и царя Алексея Михайловича, а также той жесткой деформацией национальных традиций и религиозного мировоззрения, которая стала неизбежным следствием Петровской вестернизации Московского царства⁸.

Казалось бы, вопрос генезиса христоверия и его типологические связи с сабатианством не имеют прямого отношения к теме этой статьи. Однако он важен для адекватного осмысления того, чем именно являлось «хлыстовское» движение, имевшее место в Фергане в период примерно с 1942–45-го по 1948–53 годы. Также станет ясным, почему по отношению к членам этого движения мы заключаем в кавычки деноминационное наименование «хлысты», придавая ему характер некоторой условности.

Отчет архимандрита Гурия (Егорова): 1945 год

Приступим к изложению документальных свидетельств. Основным информатором на первом этапе для нас выступает архимандрит Гурий (Егоров), будущий епископ Ташкентский и Среднеазиатский, с именем которого связана большая часть имеющихся сообщений о ферганских «хлыстах» в архиве ТЕУ. В 1933 году он, после заключения в лагере, перебрался в Среднюю Азию, где жил сначала в Ташкенте, затем (в 1938 году) переехал в Ферганскую долину. Здесь, в местечке Беш-Бала под Ферганой, он собрал вокруг себя небольшую неофициальную православную общину (начало этой «общинки» было положено еще в Ташкенте).

По всей видимости, архимандрит Гурий впервые узнал о местных «хлыстах», еще проживая в Фергане как частное лицо, но где-то в начале 1945 года он решил уведомить епархиальное начальство об их существовании и связях внутри ферганского прихода. К этому времени религиозная обстановка в советской Средней Азии заметно изменилась. Весной 1944 года к Русской Православной Церкви были присоединены среднеазиатские обновленцы, а затем на Ташкентскую кафедру получил назначение канонически-легитимный архиерей – епископ Кирилл (Поспелов).

К моменту назначения епископа Кирилла архимандрит Гурий был вызван из Ферганы в Ташкент и приступил к легальному служению. Видимо, вскоре после приезда в Ташкент епископ Кирилл назначил о. Гурия на должность секретаря Епархиального совета, в обязанности которого, скорее всего, входило и ведение епархиальной документации.

Здесь необходимо сделать небольшое разъяснение. Судя по биографии, написанной митрополитом Иоанном (Вендландом), архимандрита Гурия «в конце 1944 года, то есть до окончания войны, вызвали в Москву и назначили наместником Троице-Сергиевой лавры...»⁹. Однако сохранившиеся документы свидетельствуют, что декабрь 1944 – январь 1945 года архимандрит Гурий провел в Фергане, куда, по всей видимости, был командирован епархиальным начальством. В центральном городе Ферганской долины он занимался нормализацией приход-

ской жизни в местной православной общине. В частности, о. Гурий провел общее собрание прихода, на котором был переизбран церковный совет (3 декабря 1944 года), и присутствовал (фактически возглавлял) по крайней мере на двух заседаниях нового церковного совета (7 декабря 1944 и 9 января 1945 годов)¹⁰.

В связи с этой командировкой им и было поднято дело о ферганских «хлыстах».

Из всех документов, сохранившихся от ферганской поездки архимандрита Гурия, особенный интерес для нас представляет «Отчет о посещении города Ферганы и о состоянии церковной жизни ферганской православной церковной общины (декабрь 1944 года – январь 1945 года)»¹¹. Документ черновой, написан с некоторым количеством помарок и исправлений, грифельным карандашом на небольших листах грубой светло-коричневой бумаги. Он явно был подготовительным перед составлением «белового» документа, предназначенного для передачи вышестоящему начальству¹². Адресатом «Отчета» мог быть только представитель руководства епархии: епископ Кирилл (Поспелов) или председатель Епархиального совета протоиерей Григорий Брицкий.

Хотя «Отчет» не подписан, с большой долей уверенности можно предполагать, что автором его является сам архимандрит Гурий.

Во-первых, автор отчета говорит о себе:

Мое личное участие в церковных делах города Ферганы заключалось в многократном служении и проповедях в храме, в патриотических молениях, в подготовке общего собрания прихожан 3 дек[абря] 1944 года и председательстве на нем по единогласному выбору (это собрание положило начало оживлению жизни в приходе и освободило настоятеля от гнета церковных дельцов), в подготовке и руководящей работе на заседаниях церк[овного] совета, в налаживании и оформлении церковной отчетности и церк[овных] документов, в хлопотах о получении икон и церк[овной] утвари из театра, в хлопотах о выдаче всему штату церкви организованным порядком хлебных карточек, и в разборе вопроса о новом религиозном течении¹³.

Подобным образом, занимая явно начальственную позицию над приходским духовенством, может действовать только полномочный представитель диоцезиального начальства, а именно посланный на приход епархиальный чиновник, каким являлся в тот период архимандрит Гурий. К тому же, визуальное сравнение документа с имеющимися в архиве автографами епископа Гурия показывает большое сходство почерков.

Вернемся к нашей основной теме – к ферганским «хлыстам». В самом «Отчете» архимандрит Гурий лаконично замечает: «В Фергане усиливается работа баптистов. Считаю долгом отметить наличие религиозного течения типа "хлыстов"»¹⁴. В «Приложении» к своему отчету¹⁵ он несколько более подробно описывает это явление околоцерковного ферганского бытия.

В первую очередь архимандрит Гурий дает довольно яркую характеристику основателю (и, возможно, «пророку») местной «хлыстовщины»:

Несколько лет тому назад [отчет, по-видимому, составлялся в январе 1945 года – Р.Д.] в городе Фергане жил некто Василий, которого многие называли «отец Василий». Этот

старик ходил в юбке, постоянно сидел у ворот на базаре, собирал подаяние и тут же поучал, пророчествовал и приобретал новых последователей. Сам он похвалялся, что вел борьбу с православным духовенством еще до 1917 года. Он умер года два тому назад [примерно в 1942 или в 1943 году – Р.Д.] и похоронен не на православном, а на мусульманском кладбище¹⁶.

Обращает на себя внимание, что «отец Василий» во многом действует как классический юродивый: ходит в не соответствующей полу одежде, ведет жизнь нищего, при этом произносит пророчества и поучения¹⁷. Возможно, Василий старательно воспроизводил понятный православно-верующим стереотип юродивого или искренне считал себя таковым. Даже странное для христианина погребение на мусульманском кладбище можно рассматривать как акт юродства, возможно, совершенный в исполнение завещания самого «отца» Василия.

К 1945 году, то есть ко времени командировки архимандрита Гурия, лидером ферганских «хлыстов» (далее мы их условно будем называть «васильевцами») была ученица покойного Василия, некая Матрёна¹⁸. Как характеризует ее сам о. архимандрит, «девица... хотя и малограмотная, но очень бойкая и сообразительная»¹⁹. По крайней мере один раз о. Гурий беседовал с нею лично. Во время этой беседы Матрёна следующим образом изложила свои религиозные взгляды (возможно, основные пункты вероучения сторонников Василия):

...на небесах пусто, Бог – на земле, в каждом человеке; Иисус Христос не возносился на небо с плотью, а пребывает в людях; «отец» Василий – особый пророк, ему «все тайны открыты», его силою «священство было посрамлено» за последние десятилетия²⁰.

Как пишет далее архимандрит Гурий, «васильевцы» посещали церковь (то есть богослужения в православной общине), но при этом именовали себя «истинно православными» и собирались на отдельные молитвенные собрания (моления). Для ферганских «хлыстов» было характерно почитание Василия как праведника (возможно, как «пророка»): «В житейских трудностях и недоумениях они идут на его могилу “побеседовать” с ним. Они верят, что Василий воскреснет через три года»²¹. По всей видимости, они ходили молиться к месту погребения своего учителя, ожидая от него какой-то помощи. А такие представления, как и паломничества к могилам праведников, все же близки к православному сознанию и православной сакральной практике.

Однако упоминаемое далее о. Гурием ожидание ферганскими «хлыстами» реального воскресения «пророка» в близком будущем (примерно в 1947 году) совершенно не вписывается в православное мировоззрение. Для православных христиан несомненно воскресшим из мертвых прежде всеобщего воскресения умерших является только Иисус Христос. Сообщение архимандрита Гурия о том, что Матрёна считает Василия «особым пророком», который должен воскреснуть так же, как мы ждем Христа во втором пришествии»²², никак не прояснено им и только запутывает и без того не особо ясную картину сектантской «василиологии».

Точного числа «васильевцев» о. Гурий определить не смог, но заметил: «имеются все основания думать, что их – немало». Свою принадлежность к этой груп-

пе «хлыстов» они чаще выявляли тем, что, приглашая на дом для требоисправления настоятеля ферганской общины архимандрита Евстафия (Бодылевского), просили его привести с собой еще и Матрёну²³.

Судя по «Приложению к отчету», лидеры ферганских «хлыстов» практиковали ритуалы, не вписывающиеся в нормативную православную обрядность.

Во время своих молений (в отчете не уточнено, на всех ли молитвенных собраниях или только по особым случаям) Василий и Матрёна надевали белые просторные одежды («балахоны») с вышитыми на спине изображениями «Духа Святаго»²⁴ и начальными буквами некоторых молитв, а на головы – красные шапки с изображением херувимов. Оба по очереди совершали служения, во время которых причащали своих последователей просфорой, виноградным соком и медом. Из текста можно сделать вывод, что такое «причащение» проводилось и после смерти Василия.

Молитвы (возможно, и общие моления, и частные молитвы) «васильевцы» всегда начинали с пения пасхального тропаря «Христос воскрес из мертвых», а в некоторые православные молитвы вносили произвольные изменения. Сам Василий внес «поправку» в Никео-Цареградский символ веры: так, во фразе «И в Господа Иисуса Христа... воплотившегося от Духа Свята и Марии Девы» он имя Богоматери заменял на «...от приснодевы Матрёны» (или, возможно: «...от Матрёны девы»); также он исключал из Символа слова «распятого же за ны». Молитва же «Богородице Дево радуйся» использовалась «васильевцами» с замещением слов «благодатная Мария» на – «Царица Небесная»²⁵.

Архимандрит Гурий в этих искажениях видел указание на то, что Василий считал Матрёну «богородицей» (титул «обоготворенной» пророчицы у хлыстов). Первое искажение в Символе веры может говорить о том, что «пророк» мог признавать за Матрёной достоинство «богородицы». Изменение в богородичной молитве также может быть истолковано в этом смысле, так как «Богородице Дево...» – одно из самых известных и часто повторяемых православных молитвословий, и в нем под эпитетом «Царица Небесная» вполне можно скрыть признание «новой богородицы» – Матрёны.

Со вторым изменением, внесенным Василием в Символ веры, дело может обстоять несколько сложнее. Опускание в тексте слов «распятого же за ны» («распятого за нас») может означать либо то обстоятельство, что Василий не верил в реальность крестных мук Спасителя, что маловероятно; либо – указывать на то, что «пророк» самого себя считал «христом», которому помогла явиться на свет «в Духе Святом» «богородица» Матрёна. Естественно предположить, что если Василий возводил себя в ранг «христа», то при возможном отсутствии в его биографии событий, которые можно было бы истолковать как аналог распятия, вышеуказанные слова были удалены из текста, так сказать, «за ненужностью»²⁶.

Впрочем, следует оговориться, что все это за отсутствием фактологического материала остается гипотезой. Из слов Матрёны, как они приводятся в тексте «Приложения к отчету» (см. выше), можно только заключить, что она придавала своему наставнику статус пророка. То есть, расценивала его скорее не как «христа», а как человека, наделенного даром пророчества и чудотворения.

Особое место в «Приложении» уделяется взаимоотношениям между Матрёной и настоятелем ферганской православной общины архимандритом Евстафием (Бодылевским)²⁷. Архимандрит Гурий пишет, что о. Евстафий занимал отдельную комнату в доме одной из «васильевок», некой Анисьи Иосифовны Галкиной²⁸. В этом же доме проживала и Матрёна на правах помощницы по хозяйству. Архимандрит Гурий объясняет это соседство с хлыстовской наставницей не религиозными, а бытовыми причинами. Он указывает, что Галкина не брала с о. Евстафия плату за проживание и еду, что могла себе позволить, так как содержала сравнительно большое хозяйство и не испытывала недостатка в продуктах питания²⁹.

Столь тесные контакты настоятеля прихода с «хлыстами», по всей видимости, вызывали неодобрение и ропот какой-то части ферганских прихожан. Архимандрит Гурий говорит об этом на страницах «Приложения к отчету»:

...еще месяца четыре назад [то есть в сентябре-октябре 1944 года – *Р.Д., Т.С.*] и много раз потом предупреждали отца Евстафия и я, и многие богомольцы о соблазне для верующих от его близости с людьми сомнительного православия³⁰.

Однако эти предупреждения не возымели воздействия, и отец архимандрит не порвал с «васильевцами».

Как уже было сказано, во время своей ферганской командировки архимандрит Гурий имел длительную беседу с Матрёной. Она состоялась скорее всего в январе 1945 года, в присутствии архимандрита Бодылевского и, видимо, в доме А.И. Галкиной, где проживали и Матрёна, и настоятель общины³¹. К сожалению, подробной записи беседы обнаружить не удалось; возможно, что архимандрит Гурий не делал заметок ни во время разговора, ни после него. Судя по информации, содержащейся в «Приложении», о. Гурий пытался уговорить Матрёну отказаться от явно неправославных взглядов:

В беседе с Матрёной я советовал ей, если она хочет быть православной, признать заблуждениями мнения Василия о том, что Иисус Христос не возносился, что на небесах пусто, осудить кощунственное искажение Символа веры³².

Однако беседа ни к чему не привела: Матрёна не захотела отказываться от учения своего наставника, мотивируя это тем, что Василий «не мог ошибаться»³³.

Вскоре после этой беседы, 17 января 1945 года, архимандрит Гурий был вынужден вручить о. Евстафию письменный запрос, в котором просил сообщить его мнение по поводу православности Матрёны³⁴. В письменном ответе (он был дан уже 19 января 1945 года) Бодылевский полностью ее оправдывал. Он писал, что Матрёна произвела на него:

...впечатление темного, безграмотного человека, пристрастившегося в свое время к своему наставнику, так же темному и безграмотному, а непризнания священников и нехождение (так в тексте – *Р.Д.*) в храм Божий оне [Матрёна] опасались, чтобы не попасть в обновленчество, а когда Вы [то есть архим. Гурий] приехали из Ташкента и прошел слух, что Вы

будете служить, оне с того времени начали посещать храм и молиться со всеми людьми православными, и я, живя седьмой месяц [в доме А.И. Галкиной]³⁵, не вижу никакого уклона от православия: читая утренния и вечерния молитвы, а также акафисты Божией Матери, Св. пророку и Крестителю Иоанну и Св. Николаю и Евангелие на каждый день, Галкина Анисия Иосифовна с дочерью Анной Ив[ановной] и двумя внуками и девица Матрона молятся так, как подобает молиться православному христианину, ходят в церков[ь], исповедываются, причащаются Св. Христовых Таинств, что и свидетельствую...³⁶

Фактически в своем ответе о. Евстафий предпринял попытку снять с Матрёны обвинение в неправомыслии. Вопрос об ортодоксальности Матрёны он явно переносит из догматической плоскости в область обрядового благочестия. По логике о. архимандрита получается, что если Матрёна и семья Галкиных регулярно молятся вместе с ним во время «келейной», домашней молитвы, то и никакого «уклона от православия» в них не замечается. Сложно сказать, насколько искренне архимандрит Евстафий заблуждался относительно правоверия своих благодетелей, но по крайней мере в одном пункте своего «апологета» он несколько слукавил.

В «Приложении» архимандрит Гурий приводит факт, опровергающий утверждение о. Евстафия о том, что Галкины и Матрёна регулярно участвуют в церковных таинствах. О. Гурий пишет, что как-то он должен был причастить (видимо, серьезно заболевшую) А.И. Галкину на дому, но в последний момент она отказалась от причастия по причине противодействия со стороны Матрёны, считавшей, что «после смерти “отца” Василия не осталось истинных священников на земле»³⁷. Здесь чувствуется некая антиклерикальная позиция, но ее мотивация не приводится в документе в полном виде.

Эта позиция не была последовательной – Матрёна и Галкины в какой-то мере признавали священство архимандрита Евстафия, участвуя вместе с ним в домашней молитве. Возможно, признавали его и другие «васильевцы», поскольку приглашали его на требы вместе со своей наставницей. Это можно объяснить причинами вполне практическими. Как пишет архимандрит Гурий: «Такое молитвенное и житейское общение с православным священником очень выгодно для сектантов, так как защищает их от обвинения в неправославии»³⁸.

Причины симпатий к «васильевцам» самого о. Евстафия архимандрит Гурий также определяет как вполне прагматические: «Похоже, что он делает это ради своих житейских удобств, по меркантильным соображениям»³⁹.

Нам трудно судить о личности архимандрита Евстафия, да и сохранившиеся документы не дают о нем достаточно полного представления. В тексте «Отчета» о. Гурий отмечает малую образованность о. Евстафия и излишнюю корыстность ферганского духовенства вообще⁴⁰. Все это, видимо, и подтолкнуло настоятеля к «партнерству» с «васильевцами».

Чем закончилось поднятое архимандритом Гурием дело о ферганских «хлыстах» и какие меры принял епископ Кирилл (Поспелов), не ясно. Документов, которые могли бы пролить свет на исход этого дела, ни в личном деле архимандрита Евстафия, ни в надзорном деле ферганского прихода нет. Однако некоторые косвенные данные позволяют нам высказать ряд предположений.

В сохранившихся письмах протоиерея Григория Брицкого⁴¹ архимандриту Гурию содержатся сведения о напряженных взаимоотношениях внутри Ташкентского Епархиального совета в 1944–1946 годы между ним и ставленниками правящего архиерея епископа Кирилла (Поспелова). Епископ стремился избавиться от «опеки» со стороны протоиерея Брицкого как бывшего обновленца, пользовавшегося расположением местных властей и имевшего крепкие связи в «компетентных органах». Однако, судя по тексту писем, архимандрит Гурий состоял с опальным протоиереем в дружеских отношениях, причем настолько теплых и доверительных, что протоиерей Григорий обращается к нему как к единомышленнику. Иначе говоря, в качестве секретаря Епархиального совета архимандрит Гурий поддерживал отнюдь не правящего архиерея. И можно предположить, что сложившаяся в Ташкенте ситуация повлияла и на исход дела о ферганских «хлыстах». По этой ли причине или по какой-то иной, но донесение архимандрита Гурия было проигнорировано властью Кириллом или, если все же было расследовано, то разрешено в пользу Матрёны и архимандрита Евстафия (Бодылевского).

О вероятности подобного исхода можно сделать вывод из более позднего источника – письма протоиерея Александра Дмитриева патриарху Алексию (Симанскому)*. О. Александр пишет о том, что епископ Кирилл проверил Матрёну и «не нашел в ней хлыстовства и разрешил держать ее сторожикой при церкви»⁴². Вероятнее всего, это событие могло состояться в марте 1945 года, когда, согласно некоторым данным, владыка Поспелов посещал ферганский приход⁴³. Но дополнительные данные, способные подтвердить или опровергнуть наши предположения, к сожалению, отсутствуют.

Каковы бы ни были практические следствия из «Отчета» архимандрита Гурия, два события 1945 года подводят под ними хронологическую черту. Первое – смерть архимандрита Евстафия (Бодылевского), случившаяся в Фергане 10 августа⁴⁴. Второе – перевод архимандрита Гурия (Егорова) в Москву на должность наместника Свято-Троице-Сергиевой лавры, состоявшийся примерно в начале сентября того же года. Почти на два года проблема «васильевцев» потеряла свою актуальность.

Дело протоиерея Александра Дмитриева: 1947–1948 годы

Вопрос о «хлыстах» в ферганском приходе снова возник в 1947–1948 годах в связи с делом нового его настоятеля – протоиерея Александра Дмитриева⁴⁵. К этому времени архимандрит Гурий был рукоположен в сан епископа и принял управление Среднеазиатской епархией. Одной из первоочередных его задач стала нормализация приходской жизни. Наследство ему досталось тяжелое: среди священнослужителей попадались люди, скрывавшие факт своего рукоположения от обновленческих и григорианских архиереев, или второбрачные, или откровенно корыстные. Не соответствующее сану поведение части духовенства вызывало многочисленные жалобы верующих.

* Подробнее об этом документе и о самом прот. А. Дмитриеве см. ниже.

К 1948 году принятые властью меры, видимо, несколько выправили ситуацию, и жалобы в епархиальное управление поступали редко⁴⁶. Одним из немногих, на кого роптали прихожане, был благочинный Ферганского округа и настоятель ферганской Сергиевской церкви⁴⁷ протоиерей Александр Иванович Дмитриев.

По складу личности о. Александр был человеком совершенно иного типа, чем покойный архимандрит Евстафий. В характеристиках, находящихся в его личном деле, говорится:

Имеет благолепный вид. Ласковым обращением и приветствованием всех встречаемых на улице приобрел расположение прихожан и, в особенности, детей⁴⁸.

...о протоиерее Александре Дмитриевском (так в тексте – Р.Д.) я могу сказать только хорошее: он – неплохой проповедник, хорошо служит, приветливо обращается с прихожанами; в Фергане большинство прихожан любило его⁴⁹.

Однако в епархиальное управление поступали жалобы на него от церковного совета, с которым он периодически конфликтовал. Кроме того, епископ Гурий отмечал халатность о. Александра по отношению к своим обязанностям благочинного (он почти не объезжал приходы своего округа и не следил за порядком в нем), а также равнодушие к обустройству церковного здания. Например, по стенам церкви вместо икон висели простенькие бумажные иконки или картинки на библейские темы⁵⁰.

В 1948 году тяжелая обстановка при ферганской церкви вынудила епископа Гурия сообщить о. Александру о его переводе в другую общину. Тот сначала согласился с требованием епископа, но затем решил оставить за собой «выгодный» ферганский приход. Добиться этого он пытался главным образом через организацию коллективных петиций от ферганских прихожан к самому епископу Гурию, к святейшему патриарху Алексию I, а также к уполномоченному Совета по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме УзССР А.И. Степанову. Вопрос о поведении прот. Дмитриева обсуждался на проходившем в Ташкенте 10–12 августа 1948 года Съезде благочинных, после чего он покаялся перед епархиальным архиереем и принял настоятельство в молитвенном доме при железнодорожной станции Милютинская (близ Самарканда)⁵¹.

В связи с этим делом в документах архива ТЕУ вновь начинают фигурировать ферганские «хлысты».

Из разных свидетельств выясняется, что Матрёна после смерти архимандрита Евстафия наладила вполне мирные отношения с новым настоятелем, протоиереем Александром.

Так, в одном из своих писем к протоиерею Дмитриеву епископ Гурий пишет:

Случайно я узнал, что в комнатке при храме живут мать Мария⁵² и Матрёша. Вы отлично знаете, что Матрёша – в тяжком заблуждении, но до сих пор держите ее сторожихой. Будьте добры, дайте распоряжение, чтобы Матрёша не жила при храме и не обслуживала его. Если этого Вы не сделаете, я не смогу совершить в Вашем храме ни одной службы⁵³.

Данных о том, как отреагировал на требование епископа протоиерей Дмитриев, нет; он, вероятнее всего, временно или совсем удалил Матрёну с должности сторожа. Однако, как будет показано далее, личного общения с нею не прерывал.

В августе-сентябре 1947 года к епископу Гурию пришли два письма из Ферганы. Одно было от членов ферганского церковного совета (не имеет даты, но, видимо, написано в конце августа), второе – лично от старосты Никифора Никифоровича Курынова⁵⁴ (от 1 сентября 1947 года)⁵⁵. В обоих письмах сообщается о том, что, несмотря на полученное от архиерея предупреждение о хлыстовской принадлежности Матрёны, протоиерей Дмитриев не прервал общения с ней.

Обратимся к содержанию писем. Члены церковного совета и Н.Н. Курынов сообщают епископу Гурию, что 29 августа 1947 года протоиерей Дмитриев по просьбе Матрёны служил в доме у А.И. Галкиной «всеночну»⁵⁶ об упокоении ее наставника Василия, а на следующий день – 30 августа – после литургии вместе с регентом хора В.И. Носовым отслужил панихиду на могиле «пророка». Затем о. Александр и Носов отправились «в Ярмазар, к матрешиним приближенным», где присутствовали на поминальном обеде по Василию. Причем отдельно отмечается, что во время трапезы о. Александр произнес речь, в которой «Матрешу очень возвысил во всех благодеяниях ея перед присутствующими»⁵⁷.

Налицо было нарушение церковной дисциплины, когда настоятель, не считаясь с мнением епархиального архиерея, не только продолжает общение с местными «хлыстами» в частном порядке, но и проводит поминальное богослужение по одному из их «пророков».

Реакция епископа Гурия была достаточно мягкой: владыка послал о. Александру письменный выговор, в котором указывал, что православный священник не имеет права совершать заупокойные моления об умерших вне общения с Церковью еретиках и сектантах:

...Вы должны были отказаться от домашней молитвы на квартире хлыстов и тем более от заупокойной трапезы с ними. Как понимать Ваш поступок: как слабость только («зовут, мол, как не пойти»), или «неудобно отказать благодетелям»), или – это сознательное небрежение к велениям Церкви и ясным указаниям своего епископа? Не хочется думать, что Вы это сделали обдуманно...⁵⁸.

В ответном письме (от 29 сентября 1947 года) прот. Дмитриев оправдывался:

...Я действовал не злонамеренно, пренебрегая веления церкви или указания своего епископа, а просто, как Вы справедливо выразились «позвали и пошел», не рассуждая, как могут из этого <быть> последствия. Тем более, что звали не к Матроне, а, хотя и к близким ей людям, но всё же отдельно живущим от нея. Приглашали помянуть не Василия хлыста, а своих родственников, в списке которых первым числится покойный О[тец] Архимандрит Евстафий⁵⁹.

Ни одного из очевидцев панихиды по «хлыстовскому пророку» давно нет в живых, и установить, кто же слукавил в своих посланиях к епископу – Н.Н. Куры-

нов или протоиерей Дмитриев, – сейчас невозможно. Однако информация Курьнова была воспринята епископом Гурием с полным доверием и позднее фигурировала в качестве одного из обвинений, выдвинутых против о. Александра на Ташкентском съезде благочинных 1948 года⁶⁰. Что же касается прот. Дмитриева, то (как мы увидим далее) впоследствии он не отрицал факта служения панихиды, но мотивы своего поступка объяснял несколько иначе*.

Впрочем, даже после инцидента с «хлыстовской панихидой» Матрёна не исчезает из переписки между епископом и настоятелем ферганской общины. Среди найденных нами документов имеется адресованный епископу Гурию рапорт о. Александра от 3 февраля 1948 года. Отец протоиерей информирует епископа о том, что провел с Матрёной разговор и поставил ее в известность, что больше не будет совершать требы в ее присутствии (то есть, фактически в домах «васильевцев», куда священника звали только вместе с Матрёной), а также, что вплоть до полного покаяния отказывается благословлять ее в церкви «при целовании иконы или Евангелия»⁶¹. На рапорт наложена положительная резолюция, в которой епископ Гурий благословляет действия о. Дмитриева⁶². Судя по этому документу, о. Александр действительно дистанцировался от Матрёны и применил к ней некоторые меры дисциплинарного характера. Однако не ясно, как восприняла эти действия о. Александра сама Матрёна и согласилась ли отречься от своих «хлыстовских» воззрений. К сожалению, дальнейшая судьба наставницы ферганских «васильевцев» в документах не прослеживается.

Последним документом из обнаруженных в данный момент в архиве ТЕУ, касающимся ферганских «хлыстов», является письмо протоиерея А. Дмитриева от 31 декабря 1948 года на имя патриарха Алексия I, в котором он объясняет свои контакты с «хлыстами» следующим образом:

...Пятое⁶³: я присутствовал на поминках по известном епископу хлысте. Но, во первых, меня позвали не в дом усопшего хлыста, а в дом посторонний. Позвали не для поминовения одного хлыста, а и своих родственников. Затем, этого «хлыста» отпевал церковным погребением предшественник мой Архимандрит Евстафий. Епископ Кирилл, проверив ближайшую доверенную хлыста женщину, не нашел в ней хлыстовства и разрешил держать ее сторожихой при церкви, к каковой ее приставил тот же Архимандрит Евстафий. Хлыст не воскрес, как обещался через 3⁶⁴ года, а поминки были именно через 3 года, значит друзья его признали его за такого же грешника, как и все другие люди, нуждающиеся во св[ятых] молитвах церкви. Христос и язычникам помогал и исцеляше вся. Смеею доложить, что после поминок прошел целый год, и я уже не благословляю главную виновицу смуты, за что получил благословение епископа. Значит, дело было покончено, к чему оно выплыло, не знаю⁶⁵.

Возможно, прот. Александр успокаивал себя благочестивыми мыслями (что Христос помогал даже язычникам и исцелял всех приходящих к Нему), когда совершал панихиду по хлыстовском «пророке». Однако он не мог не учитывать негативного отношения к верхушке «васильевцев» со стороны правящего архиерея, некогда публично отказавшегося благословлять Матрёну.

* См. ниже.

Кроме того, там, где речь идет о совершении архимандритом Евстафием отпевания над Василием, протоиерей Дмитриев скорее всего ошибается: архимандрит Бодылевский был назначен в Фергану в мае 1944 года⁶⁶, а Василий, по всей видимости, скончался в августе 1942 или 1943 года, поэтому о. Евстафий не мог совершить чин погребения над его телом. Впрочем, вполне возможно, что отпевание было проведено «заочно»⁶⁷, во время проживания о. архимандрита в доме А.И. Галкиной.

Письмом прот. Дмитриева к патр. Алексию I завершается перечень документальных свидетельств, обнаруженных в архиве ТЕУ. Помимо фактологического материала по ферганскому «хлыстовству», они касаются важной проблемы взаимоотношений между канонической ортодоксией и гетеродоксальными течениями внутри Русской Православной Церкви.

«Хлыстовская» составляющая конфликта между епископом Гурием и протоиереем Дмитриевым отражает разные взгляды на христоверие, бытовавшие в среде русско-православного духовенства. Исходя из содержания документов, можно сделать вывод, что епископ и настоятель находятся на противоположных позициях по отношению к активным представителям ферганской «хлыстовщины».

Позиция епископа Гурия была достаточно жесткой: он отказывает Матрёне в личном благословении, требует ее удаления от должности при церкви, одобряет меры, принятые против нее о. Александром. В бытность еще секретарем Епархиального совета он идентифицирует «васильевцев» как разновидность «хлыстовщины» и с тех пор не допускает никакой возможности компромисса с ними.

Такая позиция не является следствием какой-то нетерпимости; скорее здесь проявление особенной ментальности, свойственной, как нам кажется, епископу Гурию. Это выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии, представитель ученого монашества – весьма специфической прослойки академических или ученых монахов, принимавших постриг во время обучения в духовных академиях и углубленно изучавших теологические дисциплины и каноническое право. Кроме того, епископ Гурий свое служение начинал в качестве миссионера и проповедника среди наиболее деклассированной части петроградских рабочих.

С теологических и канонических позиций хлыстовство представляет собой гетеродоксальную, еретическую традицию, искажающую историческое христианство; поэтому для епископа Гурия ферганские «хлысты» были, прежде всего, носителями опасных догматических заблуждений. Очевидно, что из этих предпосылок исходила жесткая позиция епископа по отношению к Матрёне и его стремление изолировать ее от настоятеля прихода и остальных верующих.

Позиция протоиерея Дмитриева видится как более конформистская. Он держит Матрёну на должности при церкви и, по-видимому, нимало не сомневаясь, совершает заупокойные службы по умершему хлыстовскому «пророку». При этом нельзя сказать, что о. Александр был человеком малограмотным и не понимал, с кем имеет дело. Он окончил полный курс Самарской Духовной семинарии, то есть имел достаточное для дореволюционного священника среднее образование⁶⁸. Кроме того, документы не упоминают о каком-либо его корыстном интересе в «хлыстовском вопросе».

Возможное разрешение этого вопроса может дать упоминавшийся нами выше послужной список прот. Дмитриева, согласно которому он значительную часть своей священнической биографии – с момента рукоположения в 1899 году и до ссылки в Казахстан в 1935 году – прослужил сельским священником на приходах Самарской губернии. С 1899 года – в селе Архангельские Городищи Ставропольского уезда; затем, с 1903 года – в селе Березовка, а с 1910 года – в селе Новая Майна (оба села находились в Ставропольском уезде); в 1933 году был перемещен в село Борское Самарского уезда той же губернии.

В наше время Ставропольский уезд называется, естественно, районом и входит в состав Самарской области. Центром района является Тольятти, до 1917 года носивший название Ставрополь или Ставрополь-на-Волге. Согласно материалам, собранным самарским исследователем Кириллом Серебренитским, христоверы («Старый Израиль») появились в Ставропольском уезде еще в 30–40-х годах XVIII в., а в XIX веке крупная хлыстовская община была в селе Кирилловка того же уезда. Также на территории Самарской губернии/области в XIX–XX вв. были распространены и другие направления христоверия или родственные секты⁶⁹.

Таким образом, до своего появления в Средней Азии прот. Дмитриев служил в губернии, где христоверие было широко распространено. Вполне можно допустить, что в прежней пастырской практике он как-то «пересекался» с «хлыстами» и его опыт общения с ними отнюдь не был отрицательным. Христоверы внутри своего круга относились к православному духовенству отрицательно, но внешним образом оказывали священникам сугубый почет и уважение. Дореволюционный сектовед прот. Тимофей Буткевич пишет:

Будучи по внешности благочестивыми, хлысты чаще других становятся друзьями дома своих приходских священников, – и последние нередко только на судебном следствии узнают, кто были их друзья, кого они уважали за благочестие и считали лучшими христианами в приходе. Богатые хлысты часто бывают щедрыми благотворителями храмов Божьих. Иногда они занимают должности церковных попечителей, строителей, старост, – и священники восхваляют их усердие и заботливость⁷⁰.

На сельском приходе, где доходы у духовенства всегда были невысокими, христоверы могли оказаться основными благотворителями для храма и священнослужителя. В этих условиях священнику либо приходилось закрывать глаза на сектантскую принадлежность постоянных жертвователей, либо успокаивать свою совесть разными благочестивыми соображениями⁷¹.

Интересно, что о. Александр в письме к патриарху оправдывает проведение панихиды по Василию именно таким благочестивым аргументом. Можно предположить, что терпимое отношение к христоверам на прежних своих сельских приходах он перенес и на ферганских «васильевцев». Вероятно, и Матрёну о. Дмитриев рассматривал как «благодетельницу» и по возможности игнорировал предупреждения со стороны архиерея о ее неправоверии. Вообще, судя по тексту письма к патриарху, о. протоиерей искренне не понимал, зачем епископ Гурию понадобилось создавать историю из «панихиды по хлысту», в совершении которой он ничего особо предосудительного не находил.

Итак, богословско-каноническая позиция епископа требовала отказа от общения с лидерами «васильевцев» вплоть до их полного покаяния в неправоверии; приходская же практика о. протоиерея предполагала сосуществование и даже сотрудничество с ними на бытовом уровне. Разумеется, с церковно-канонической точки зрения позиция епископа Гурия была более оправданной.

Однако были ли ферганские «васильевцы» действительно «хлыстами»?

Вновь обратимся к документам. В качестве обоснования своего отождествления архимандрит Гурий, как уже указывалось выше, приводит прокомментированную выдержку из энциклопедической статьи:

К сожалению, у меня нет под руками иной литературы о хлыстах, кроме «Большой Энциклопедии», изд[ание] това[рищества] «Просвещение». Там, в 19ом томе, <стр. 589-591>, говорится так о хлыстовщине: «Хлысты полагают, что Бог... может воплощаться в людей неопределенное число раз; Иисус один из Христов. У хлыстов запрещается есть мясо, требуется соблюдение строгих постов (это строго соблюдает Матрёна). Руководитель именуется «учителем, пророком, христом», кроме него бывают еще «пророчица, богородица». На собрании хлысты надевают особые белые рубахи. Поют обыкновенно молитвы, прежде всего «Христос Воскресе»».

Эта справка ясно говорит о том, что и в данном случае налицо – хлыстовщина⁷².

В принципе, аргументация архимандрита Гурия вполне обоснованна, так как между «васильевцами» и «классическими» хлыстами есть вполне определенное *типологическое* сходство. Но, как нам представляется, такого сходства все же недостаточно для того, чтобы причислить «васильевцев» однозначно к разряду христоверов.

В «Приложении к отчету» архимандрит Гурий указывает, что ферганские «хлысты» сами себя называли «истинно православными»⁷³. Это весьма важное обстоятельство, которое указывает, что «васильевцы» могли причислять себя отнюдь не к христоверческому толку. «Классические» «хлысты» не использовали подобное самоназвание. Себя они именовали обычно «людьми Божиими» или, по сообщениям дореволюционных сектоведов, присваивали себе наименования «рода Израильского», «земного виноградника», «стада Христова», «птиц Христовых», «белых голубей», «светлых» и т.д.; в более поздних христоверческих толках или в движениях, близких к «хлыстовщине», использовались менее замысловатые самоназвания – «постники», «трезвенники», «братцы» или «воздерженцы»⁷⁴.

Самоназвание «истинно-православные» или «истинно-православные христиане» в XX веке стали использовать так называемые «катакомбники», то есть участники течений внутри российского православия, которые с 1920 года принципиально не признали легитимность сначала Священного Синода, во главе которого стоял митрополит Сергей (Страгородский), а затем и Русской Православной Церкви Московского Патриархата⁷⁵. Так что возможно, что «васильевцы» заимствовали свое самоназвание не у христоверов, а у одного из радикальных эсхатологически*

* То есть, ожидавших скорого конца света (от др.-греч. *σῴη* – «спасение», «конечный», «последний» + *λόγος* – «слово», «знание»).

настроенных течений «истинно-православных» христиан (катакомбников) 1920–1930-х годов.

Выше мы говорили о том, что ритуальная практика ферганских «васильевцев» включала в себя еще и оригинальные обряды. Архимандрит Гурий, по всей видимости с чужих слов, пишет об отдельных молениях, возможно, проводимых на дому у кого-то из «васильевцев». Во время этих собраний Василий и Матрёна якобы надевали особые облачения (шапки и балахоны с сакральными изображениями) и причащали своих сторонников просфорами, виноградным соком и медом⁷⁶.

Нам кажется, что отсылка архимандрита Гурия к хлыстовским «радельным рубахам» – белым длинным одеяниям, в которых христоверы радели на своих молениях, здесь не вполне верна. На хлыстовских радениях белые рубахи надевали все присутствующие – и лидеры, и рядовые верующие⁷⁷. Но во время молений «васильевцев» особые одеяния, по-видимому, надевали *только* лидеры общины, тогда как о какой-либо общей ритуальной одежде для верующих не упоминается вообще.

Можно предположить, что ритуальное одеяние «васильевских» лидеров, как описывали его архимандриту Гурию⁷⁸, – это не радельная одежда, а скорее псевдосакральная замена облачений православных священнослужителей. Так, «красная шапка с херувимом впереди» могла иметь своим прообразом патриарший куколь, также украшенный спереди изображением херувимов, или архиерейскую митру. Что же касается «балахонов», то их описание заставляет вспомнить такую часть епископского облачения, как саккос, на спине которого могут помещаться вышитые иконы с изображением Спасителя или Богоматери.

По всей видимости, во время «васильевских» молений сакральный лидер и его ученица воспринимались участниками как *совершители* таинства, имевшие право носить облачения, аналогичные тем, в которых совершает богослужение православный священнослужитель (архиерей или священник). Если хлыстовский «пророк» на радении «Божьего корабля» должен был отличаться от более-менее одинаково с ним одетых членов общины по большей части *степенью* своей харизмы (пророчествами, силой «хождения в Духе»), то «пророк» Василий, видимо, имел внешние атрибуты своего харизматического, по сути дела, «сана»: «облачения», расшитые по примеру церковных.

К тому же, ни «Приложение к отчету» архимандрита Гурия, ни другие изученные нами документы ничего не говорят о наличии в ритуальной практике «васильевцев» такого явления, как «радение», считавшееся основным сакральным действием христоверческого ритуала. «Радение» представляло собой ритуальное действие, центральное место в котором занимала так называемая «баня духовная» – комплекс «кружений» и особого рода плясок, посредством которых хлысты доводили себя до экстатического состояния⁷⁹.

Моления «васильевцев», в отображении архимандрита Гурия, принципиально не похожи на радения «классических» христоверов. Судя по всему, они представляли собой род «народной евхаристии», то есть являлись воспроизведением таинства причащения, но совершаемого без согласия с литургической традицией

Православной Церкви. Если руководствоваться сообщениями «Приложения к отчету», то во время молитв «васильевцы» сначала пели «Христос воскрес», затем – молитвы и канты, а после них, постоянно или время от времени, совершали собственный вариант причащения.

По сообщению архимандрита Гурия, Василий или Матрёна причащали верующих, но делали это не по евангельской традиции – хлебом и вином, а – просфорой, виноградным соком и медом⁸⁰. Чем была продиктована эта замена и какую смысловую нагрузку она несла, трудно сказать. Чем вообще руководствовались лидеры «васильевцев», причащая своих последователей? Возможно, они пытались воспроизвести церковную евхаристию, а возможно – просто принимали просфору вместе с доступными в Средней Азии виноградным соком и медом как ритуально благословленную «святыню» (вроде антидора или артоса). В любом случае, квази-евхаристические обряды, которые имели место на начальных этапах зафиксированной истории христоверов (начало XVIII века) и, как предполагает А.А. Панченко, были переняты из беспоповской практики вкушения вместо причастия «богородичного хлеба» и кваса⁸¹, примерно к 1760-м годам исчезают из «хлыстовской» обрядности⁸². Поэтому указанные формы замены церковного причастия у ферганских «васильевцев» не могли быть заимствованы из христоверческого ритуала.

Но, на наш взгляд, более основательная типологическая параллель существовала не между «васильевцами» и христоверами, а между «васильевцами» и упомянутыми выше «эсхатологистами» 1920–1930-х годов. Мы согласны с мнением А.Л. Беглова, который характеризует движения федоровцев, серафимовцев, ильинцев, иоаннитов, иннокентьевцев, михайловцев, мордовских николаевцев, чердашников и прочих «эсхатологистов» как *новое хлыстовство*.

Не исключено, что на формирование этих движений повлияла хлыстовская идея о возможности воплощения Христа и Богородицы в конкретном человеке, тем более, что в ряде случаев регионы распространения этих движений и хлыстовства совпадали. Как секты «хлыстовской разновидности» воспринимали некоторые из этих групп и их современники. Вместе с тем было бы неправильно говорить о перечисленных движениях как о напрямую восходящих к хлыстовству, тем самым уподобляя их скопчеству, вышедшему из христовщины в конце XVIII в. Скорее здесь имеет место типологическое сходство, обусловленное тем, что на рубеже XVII–XVIII вв. и в начале XX в. в действие были приведены одинаковые механизмы народной религиозности.

Как показывают новейшие исследования христовщины, центральным моментом в ее генезисе стал переход от массовых эсхатологических ожиданий к эсхатологическим движениям, чьи лидеры играли ключевую роль в осмыслении и ритуализации эсхатологических настроений своих последователей. Центральной стратегией этого осмысления и ритуализации было *религиозное самозванство*, то есть отождествление лидеров этих движений с центральными персонажами священной истории: Спасителем, Богородицей, великими святыми. Мы видели, что переход от эсхатологических ожиданий к эсхатологическим движениям имел место в первой трети XX в. и что религиозное самозванство также было непременным атрибутом этих движений. <...>

Типологические параллели между хлыстовством и эсхатологическими движениями XX в. касаются и других аспектов их религиозной жизни. Например, в обоих случаях мы

встречаемся с экстатическими пророчествами, а молитвенные ритуалы и тех, и других групп, как правило, представляют собой переосмысленные и редуцированные элементы церковного богослужения. Тем самым мы можем обозначить федоровцев, иоаннитов, стефановцев и подобные им группы как *новое хлыстовство*. «Новое» – поскольку генетическая их связь со «старой» христовщиной не прослеживается. Но, учитывая типологическое сходство перечисленных движений с русскими мистическими сектами прошлого, термин «хлыстовство» представляется наиболее оправданным⁸³.

На наш взгляд, ферганские «васильевцы» как нельзя лучше подходят под это определение. Генетические связи этого движения с собственно христоверами по документам не прослеживаются; основатель течения, скорее всего, носил титул «пророка» и не претендовал на самообожествление; обрядность «васильевцев» далека от хлыстовской. Поэтому последователей «отца» Василия резоннее будет отождествлять не с «классическими» христоверами, а с группой новохлыстовских (по терминологии А.Л. Беглова) движений, возникших в 1920–1930-х годах.

Против такой идентификации может свидетельствовать лишь молчание наших источников об акцентированном эсхатологизме учения «васильевцев» или вообще апокалиптической направленности. Однако этот факт вполне может быть объясним тем обстоятельством, что Василий действовал в Фергане в первой половине 1940-х годов, и к этому времени для него, по неясной для нас причине, мог утратить актуальность апокалиптический настрой 1920-х. Возможно, «пророк» первоначально (в 1920–1930-е годы) был участником какого-либо из эсхатологических движений, имевших место в России, а затем перебрался в центр Ферганской долины, где создал свой вариант новой хлыстовщины. Здесь, в ферганской общине, он и произвел отмеченные А.Л. Бегловым переосмысление и ритуализацию местных эсхатологических ожиданий, переведя их в конкретное русло самосакрализации и стяжав в итоге «пророческий» статус.

Типологический подход очень важен в изучении возникновения и развития тех религиозных течений, в которых первоначально доминирующая апокалиптика (эсхатологизм) постепенно конвертируется в мессианство. Так, ряд катастроф в сефардской и ашкеназской диаспорах XVI–XVII веков вызвали к жизни саббатизм; слом русского национального сознания в XVII–XVIII вв. породил христоверие, а насильственная трансформация российского государства в начале XX века стала отправным толчком для появления нового хлыстовства. Во всех этих движениях ощущение вселенской катастрофы постепенно трансформируется в почитание сакрального лидера (*машаха*, мессии, эсхатологического «христа»).

В случае с ферганскими «хлыстами» этот образ приобрел актуализированное воплощение в реальном нищем-«юрое» Василии, ставшем для своих учеников и последователей «особым пророком», которому «открыты все тайны». Впоследствии сторонники этого «пророка» не раз осложняли нормальную жизнь ферганского прихода, пока не были вытеснены на периферию приходской жизни.

В любом случае, в «деле» ферганских «васильевцев» остается много белых пятен. Так и осталось невыясненным, откуда прибыл «отец» Василий в Фергану; как широко были распространены «васильевцы» в этом городе; какова была

дальнейшая судьба Матрёны; куда делись «васильевцы» с религиозной карты Ферганы в 1960–1970-е годы – ассимилировались в местной православной среде или растворились в новых религиозных движениях... Но на эти вопросы, к сожалению, пока ответов нет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Литвинов П.П. Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Елец: ЕГПИ, 1996. С. 98; Кнауэр Н.Х. Христианские секты в Туркестане // К истории христианства в Средней Азии (XIX–XX вв.). – Ташкент: Ўзбекистон, 1998. С. 250–251; Дорофеев Р.В. Дело о секте скопцов, обнаруженной в станице Софийской в 1868 году. Эпизод из истории западного сектантства в Туркестанском крае // [Первые] Востокведческие чтения памяти Н.П. Остроумова. Сборник материалов. – Ташкент: Издание Ташкентской и Среднеазиатской епархии, 2008. С. 276–288.

² См.: Айвазов И.Г. Материалы для исследования русских мистических сект. Выпуск первый: Христовщина. Т. II. – Петроград, 1915. Кнауэр Н.Х. Указ. соч. С. 252.

³ См.: Панченко А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. – М.: ОГИ, 2004. С. 103–145.

⁴ Там же. С. 141–144.

⁵ См.: Берман А., свящ. Религиозные движения в Византии и на Руси в Средние века и генезис русского мистического сектантства. [<http://www.baznica.info/pagesid-1390.html>].

⁶ Там же.

⁷ О саббатизме см.: Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. – Иерусалим: Гешарим, Москва: Мосты культуры. 2007. С. 359–397.

⁸ См.: Берман А., свящ. Саббатизм и русская хлыстовщина. К вопросу русского и еврейского апокалипсического мессианства [<http://www.krotov.info/history/19/55/berman.htm>].

⁹ Иоанн (Вендланд), митр. Князь Федор (Черный). Митрополит Гурий (Егоров). Исторические очерки. – Ярославль: ДИА-пресс, 1999. С. 127.

¹⁰ АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 1–3об.

¹¹ АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 4–14об.

¹² Беловой вариант отчета в фондах архива ТЕУ не обнаружен.

¹³ АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 8–8об.

¹⁴ АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 7.

¹⁵ Далее – «Приложение к отчету», или просто «Приложение». АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 10–14об.

¹⁶ АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 10.

¹⁷ Подробнее о феномене юродства см.: Очерки по истории русской святости. /Составил Иоанн Кологринов, иеромонах [SJ]. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1961. С. 239–250; Лихачев Д.С., Панченко А.М. «Смеховой мир» Древней Руси. – Ленинград: Наука, 1976. С. 93–191.

¹⁸ По всей видимости, в св. крещении она получила имя Матрона, которое в простонародном русском языке произносится как Матрёна. В некоторых местах «Приложения к отчету» архим. Гурия, так же, как и в части документов, касающихся ферганского «хлыстовства», ее имя приводится в уменьшительно-ласкательном виде – Матрёша.

¹⁹ АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 10об.

²⁰ АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 10об.–11.

²¹ АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 10–10об.

²² АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 11об.

²³ АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 12об.

²⁴ То есть скорее всего изображениями голубя или голубя в окружении огненных языков: в том виде, в каком принято изображать Св. Дух на православных иконах.

²⁵ АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 11–11об.

²⁶ К примеру, в биографии основателя скопческого движения Кондратия Селиванова, которого его сторонники считали «богом-искупителем», в качестве такого аналога выступает публичное наказание кнутом, которому его подвергли в селе Сосновка, находившемся недалеко от г. Моршанска. См.: «Похождения» и «Страды» Кондратия Селиванова // Панченко А. Указ. соч. С. 490–492.

²⁷ *Евстафий* (Бодылевский Евдоким Федорович; 1880–1945), архимандрит. Родился в Черниговской губернии. Образование имел самое элементарное – два класса училища Министерства народного образования. В 1905 году был пострижен в монахи на горе Афон (Греция). В 1908 году рукоположен в сан иеродиакона и в сан иеромонаха. Обе хиротонии совершил митрополит Нил Карпатский и Касский. В 1929 году возведен в сан игумена. 7 апреля 1933 года – в сан архимандрита. Оба возведения совершил викарный епископ Ейский Николай. 10 сентября 1933 года осужден «тройкой» Полномочного представительства ОГПУ Северо-Кавказского края и Дагестанской АССР на десять лет исправительно-трудовых лагерей с поражением в правах по ст. 58, пп.10–11 УК РСФСР. Наказание отбывал в Сибирском исправительно-трудовом лагере НКВД (Сиблаг). В 1943 году освобожден из заключения. 16 мая 1944 года архиепископом Алексием (Палицыным) был назначен в Фергану настоятелем Никольского храма (на кладбище). Скончался и был погребен в Фергане.

²⁸ В доступных нам документах из всех «васильевцев» только А.И. Галкина и только один раз называется по фамилии, имени и отчеству; ее дочь Анна Ивановна – по имени и отчеству. Остальные «хлысты» – либо по

имени (Василий, Матрёна), либо остаются анонимными.

²⁹ АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 13.

³⁰ АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 13–13об.

³¹ АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 10об., 18–19.

³² АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 12об.

³³ АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 12об.

³⁴ АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 19.

³⁵ То есть получается, что архим. Евстафий переехал в этот дом примерно в июле 1944 года.

³⁶ АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 18. (Пояснения в квадратных скобках – Р. Дорофеева.)

³⁷ АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 13об.–14. Точная датировка эпизода не представляется возможной.

³⁸ АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 14–14об.

³⁹ АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 14об. (Пояснения в квадратных скобках – Р. Дорофеева.)

⁴⁰ АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 7об. Говоря о ферганском духовенстве, архим. Гурий подразумевает о. Евстафия и второго ферганского священника – о. Вячеслава Попова.

⁴¹ Письма хранятся в личном деле прот. Григория Брицкого (АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 43). Публикация писем: Дорофеев Р. «Последний бой» протоиерея Брицкого // Восток Свыше. № 3 (XLI), 2016. С. 59–74. № 4-1 (XLII), 2016–2017. С. 30–64.

⁴² АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 106. Л. 96об.

⁴³ Во время поездки намечалось освящение Сергиевской церкви, но оно сорвалось из-за неудачно выбранных великопостных дней, не рекомендованных для проведения подобного рода священнодействий. АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 47. Л. 36.

⁴⁴ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 42. Л. 10, 12.

⁴⁵ *Дмитриев Александр Иванович* (1878 – после 1952), протоиерей. Родился в с. Пискалы Ставропольского района Самарской области в семье псаломщика. В 1899 году окончил полный курс Самарской Духовной семинарии. 3 сентября 1899 года рукоположен в сан священника епископом Самарским Гурием (Буртасовским). С 1899 по 1910 годы состоял священником на приходах Ставропольского уезда Самарской губернии (Архангельское Городище, Березовка, Новая Майна). С 1929 года – священник 1-го Градо-Мелекесского округа Ульяновской епархии. В 1931-м – настоятель храма в с. Высокий Колок Киштинского благочиннического округа Ульяновской епархии. В 1933 году назначен в с. Борское Самарского уезда. В этом же году возведен в сан протоиерея. В 1935 году сослан в Казахстан. В 1936 году архиепископом Ташкентским Борисом (Шипулиным) назначен на приход при станции Джусалы в поселке Кармакчи Кызыл-Ординской области. В 1938 году осужден по 59 статье УК РСФСР на 10 лет в ИТЛ. Наказание отбывал в Илийских лагерях Алма-Атинской области. В 1943 году освобожден досрочно. В 1944 году патриархом Сергием (Страгородским) назначен священником Марие-Магдалининской церкви города Ленинабад (Ходжент) в Таджикской ССР. В 1945 году

епископом Ташкентским Кириллом (Поспеловым) перемещен настоятелем православной общины Ферганы, назначен благочинным Ферганской области. В 1948 году перемещен настоятелем прихода на ст. Милютинская (Галляарал) Самаркандской области. В 1949 году – второй священник молитвенного дома Коканда. В 1952 году перевелся в Ульяновскую епархию. Дальнейшая судьба неизвестна.

⁴⁶ Епископ Гурий [Егоров]. Отчет по Средне-Азиатской епархии за 1948 год. С. 25. (АТЕУ. Оп. 1. Д. 18).

⁴⁷ При жизни архим. Евстафия (Бодылевского) приходской церковью фактически являлась часовня, расположенная на русском кладбище. В 1946 году православному приходу было передано здание бывшей лютеранской кирхи, которое было переоборудовано с учетом требований православного богослужения. Новый молитвенный дом был посвящен покровительству преп. Сергия Радонежского.

⁴⁸ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 106. Л. 189.

⁴⁹ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 106. Л. 35.

⁵⁰ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 105. Л. 127–130. АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 106. Л. 73–74. Неустроенность внутреннего убранства Свято-Сергиевской церкви епископ Гурий имел возможность лично видеть во время визита на ферганский приход в январе 1948 года. См.: Михей [Хархаров], иеродиак. Поездка преосвященного Гурия в Фергану // Информация по Средне-Азиатской епархии. № 6, 1948. С. 39 (АТЕУ. Оп. 1. Д. 12).

⁵¹ Ныне город Галляарал в Джизакской области.

⁵² Неизвестное лицо, возможно монахиня.

⁵³ АТЕУ. Оп. 2. Д. 157. Л. 73. Воспроизводится по копии; оригинал письма в деле отсутствует. Авторство определено по визуальному сходству почерка с несомненными автографами епископа Гурия, а также по тому факту, что текст письма содержит такие распоряжения по будущему освящению храма, которые мог дать только архиерей.

⁵⁴ Фамилия старосты фигурирует в документах в двух написаниях: «Куренов» и «Курынов». Судя по подписи самого Никифора Никифоровича, ближе к фонетическому произношению его фамилии был второй из этих вариантов.

⁵⁵ Письмо к епископу Гурию от Н.Н. Курынова (АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 105. Л. 37–37об.). Письмо к епископу Гурию от ферганского церковного совета (АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 85–86). Текст обоих писем практически идентичен.

⁵⁶ Имеется в виду так называемый «парастас» – вечернее богослужение (всенощная) в память об умерших. От обычной всенощной парастас отличается добавлением в чинопоследование особых «заупокойных» богослужебных вставок. В принципе может служить и вне храма, на дому. В настоящее время на территории Среднеазиатской епархии чин парастаса в богослужебном обиходе практически не употребляется. [Разъяснение знатока Церковного устава, ныне покойного иеромонаха Варфоломея (Гречушкина). Свято-Успенский кафедральный собор г. Ташкента].

⁵⁷ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 105. Л. 37. АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 85.

⁵⁸ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 105. Т. 1. Л. 39.

⁵⁹ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 105. Т. 1. Л. 40–40об. (Пояснения в квадратных скобках – Р. Дорофеева, Т. Стекловой.)

⁶⁰ Съезд благочинных Среднеазиатской епархии, проходивший 10–12 августа 1948 года в г. Ташкенте // Информации по Средне-Азиатской епархии. № 10, 1948. С. 39–41. (АТЕУ. Оп. 1. Д. 15.)

⁶¹ АТЕУ. Оп. 2. Д. 157. Т. 2. Л. 5.

⁶² Там же.

⁶³ В письме прот. Дмитриев подробно разбирает все обвинения, выдвинутые против него на Ташкентском съезде благочинных, распределив их по отдельным пунктам.

⁶⁴ Подчеркнуто автором письма.

⁶⁵ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 106. Т. 2. Л. 96–96об. (Пояснения в квадратных скобках – Р. Дорофеева.)

⁶⁶ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 42. Л. 3. Архим. Евстафий был назначен в Никольский храм. Никольским храмом до передачи ферганской православной общине здания Сергиевской церкви называлась часовня на русском кладбище, в которой с 1944 по 1946 гг. проводились богослужения.

⁶⁷ «Заочное» отпевание представляет собой обычный чин погребения мирян (отпевание), но совершаемый в отсутствие покойника. То есть священник совершает отпевание в церкви перед конуном/панихидным столом по одному или нескольким умершим; в заключение священнодействия он освящает землю и передает ее родственникам умершего или умерших для того, чтобы они рассыпали ее на могиле. Такой тип отпевания может совершаться как в день похорон, так и значительно позже них. Предполагается, что подобный, немыслимый до 1917 года, способ отпевания вошел в приходской обиход Русской Православной Церкви в 1930–1940-х годах, когда религия в СССР подвергалась репрессиям и приносить покойников в церковь для «очного» погребения было делом невозможным – либо из-за прямого запрета властей, либо из-за почти повсеместной ликвидации православных храмов.

⁶⁸ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 106. Т. Л. 119об.

⁶⁹ См.: Вероисповедания русского населения Самарской области. /По материалам К.И. Серебренитского [http://www.uic.ssu.samara.ru/povolzje/russkie_relig_sam.htm]

⁷⁰ Буткевич. Т., прот. Обзор русских сект и их толков. – Петроград: Издание В.Л. Тузова, 1915. С. 56.

⁷¹ В романе П.И. Мельникова (Андрея Печерского) «На горах» описываются взаимоотношения сельского батюшки отца Прохора и лидера местной хлыстовской общины богатого помещика Луповицкого. Материально зависимый от Луповицкого священник допускает помещика и его родных до причастия, благословляет трапезу во время празднований, но одновременно занимает позицию тихого противления. К примеру, помогает сбежать из имения Луповицких главной героине романа Дуне Смолокуровой. См.: Мельников П.И. (Андрей Печерский). На горах. Кн. 2-я. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956.

⁷² АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 110б–12.

⁷³ АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 100б.

⁷⁴ См.: Реутский Н.В. Люди Божьи и скопцы: Историческое исследование. – М.: Типография Грачева и Ко., 1872. С. 75; Буткевич Т., прот. Цит. соч. С. 26.

⁷⁵ Подробный очерк «катакомбного» движения см.: Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. – М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, Арфа. 2008; также см.: Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. С. 314–330.

⁷⁶ АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 11.

⁷⁷ См.: Добротворский И. Люди Божьи. Русская секта так называемых духовных христиан. – Казань: Университетская типография, 1869. С. 44–45; Буткевич Т., прот. Цит. соч. С. 26. Добротворский и Буткевич упоминают, что радельные рубахи хлыстовских старшин в деталях отличались от рубах рядовых христоверов, но не говорят о том, что они настолько напоминали православное богослужебное облачение, как это мы видим у ферганских «васильевцев».

⁷⁸ «При молениях Василий и Матрёна одевали балахоны с вышитым на спине “Духом Святым” и первыми буквами некоторых молитв. На голову они надевали красную шапку с херувимом спереди». АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 11.

⁷⁹ Описание радения и анализ «хлыстовских» ритуалов см.: Панченко А. Христовщина и скопчество. С. 237–271.

⁸⁰ АТЕУ. Оп. 2. Д. 156. Л. 11.

⁸¹ См.: Панченко А. Указ. соч. С. 128–131.

⁸² Там же. С. 242–245.

⁸³ Беглов А. Цит. соч. С. 212–213.

О свободе. О святости

О свободе

Однажды приведены в устройство небо, солнце, луна, земля, и не в них благоволил Господь; напротив того, не могут они выйти из того состояния, в каком созданы, и не имеют воли. А ты создан по образу и подобию Божию; потому что, как Бог свободен и творит, что хочет, так свободен и ты.

Устроив спасение, Господь хочет, чтобы желающие спаслись, но никого не принуждает.

Прп. Макарий Великий (ок. 300–391)

Воля в нас всегда свободная, но не всегда добрая.

Блж. Августин Аврелий (354–430)

Не может быть дарована свобода человеку, пока он желает чего-либо, принадлежащего миру.

Прп. Исаия Отшельник (втор. пол. V в. – пер. пол. VI в.)

Свобода означает ответственность. Вот почему большинство людей боится ее.

Бернард Шоу (1856–1950)

Всем научились пользоваться люди, только не научились пользоваться свободой. ... В нужде люди закаляются и живут мечтой о свободе. Но вот приходит свобода, и люди не знают, что с ней делать.

Михаил Пришвин (1873–1954)

Общее во всех искушениях дьявола (хлеб, чудо, власть – плоти, души, духа) – они тонки, не грубы: нет искушений обычными человеческими соблазнами, нет речи о явном, грубом грехе. Но все три отрицают свободу, т.е. веру и любовь к Истине.

Поклонение кресту, позорному орудию казни, отобрало христианству самых внутренне свободных людей.

Послушание не убивает, а усиливает духовную волю человека.

Иерей Александр Ельчанинов (1881–1934)

Выхожу в сад свой. Светло-синее небо, цветы. На деревьях малые бабочки, пчелы и еще что-то летящее, живущее. Тепло, никакого шума, только еле слышные звуки, шорохи. Что-то есть райское в твоей свободе. Свобода человека очищена от всего не-райского. Она есть начало ничем не нарушаемого мира, дыхания и тишины сердца. Так бы жить вечно.

Здесь начинается удивление.

История – таинственнейшее единение Божьей воли и свободы человеческой. Программируется будущее настоящим.

Верующие во Христа – *алкоголики свободы*. А мир думает, что они «напились сладкого вина» (Деян. 11,13).

«Если Сын освободит вас, воистину свободны будете». Всё в этом *если*.

Грех манит тем, что он «похож на свободу»; он «вроде благодати».

Мнимая свобода, неверная радость, ложный простор. Человек обманывает себя. Это и есть грех.

Иоанн Сан-Францисский (Шаховской) (1902–1989)

Свободен тот, кто может не лгать.

Альбер Камю (1913–1960)

Христос – единственный истинно свободный человек, ибо Он был послушен Отцу до конца и следовал лишь Его воле. Стать членом Церкви означает стать послушным Христу и найти в этом поистине божественную свободу.

Прот. Александр Шмеман (1921–1983)

О святости

Верх святости и совершенство состоят не в совершении чудес, но в чистоте любви.

Преп. Иоанн Кассиан Римлянин (ок. 360 – ок. 435)

Во время весны прорастают листья и цветы трав и деревьев и появляются вовне, и этими листьями и цветами травы и деревья одеваются и становятся прекрасными. Так в Воскресении в телах святых явится их красота, которая ныне пребывает сокровенной в их душах, и этой красотой, как прекрасной ризой, оденутся ожившие тела их. Ибо они будут сообразны прославленному Телу Спасителя нашего.

Свт. Тихон Задонский (1724–1783)

Чужими грехами свят не будешь.

Антон Чехов (1860–1904)

Не обязательно быть ангелом, чтобы стать святым.

Альберт Швейцер (1875–1965)

Отчего так важно чтение житий святых? – Среди бесконечного спектра путей к Богу, раскрытого в различных житиях, мы можем найти свой путь, получить помощь и указание, как из дебрей нашей человеческой запутанной греховности выйти на путь к свету.

«Нервность» в каком-то смысле есть психофизическое условие святости. Тело уточненное, трансформированное слезами, постом, болезнями, трудами, делается более способным к воздействию духовных благодатных сил. Но оно же делается болезненно чувствительным к грубому вещественно плотскому миру, и реакция его на мир – есть нервность.

Святой, минус его святость, есть невропат (крылатое слово одного доктора, посетившего Афон: «Ну, они все там неврастеники»).

Святой, павший и потерявший свою святость, становится легкой добычей бесов; вот почему отцы Церкви утверждают, что возвращение обратно от духовного пути опаснее, чем состояние вне-религиозное. Вот чем опасны пост и аскетизм, не регулируемые опытным лицом и лишенные молитвенного наполнения.

Иерей Александр Ельчанинов

В тот момент, когда осознаешь свою святость, надо остановиться.

Генри Миллер (1891–1980)

Святые будут судить мир. Это значит, что они обличат нас своей жизнью.

Многие попытаются оправдать себя, но святые скажут: «И мы жили на Земле, и у нас были страсти, трудные характеры, но мы трудились, и победили и страсти, и характер...»

Архим. Борис (Холчев) (1895–1971)

Мы должны жить так, чтобы, если все Евангелия будут утеряны, люди могли бы их прочесть по нашим лицам.

Митр. Антоний Сурожский (1914–2003)

Для первохристианства Церковь – общество святых, и святость – норма ее жизни. Получивший белую одежду крещения должен сохранить ее белой в своей жизни. Всякий грех переживается как глубокая ненормальность, как мучительное противоречие. «Разве вы не знаете, что тела ваши суть храм живущего в них Духа, и что вы не свои?» – спрашивает ап. Павел, и все его учение, все призывы основаны на этом напоминании: вы уже освящены, вы уже спасены, вы уже получили новую жизнь, – живите сообразно с этим даром. Христиане должны быть святыми, потому что они освящены Св. Духом, соединены со Христом. <...> Святость не означает безгрешности: один Бог безгрешен. Но она означает сознание всецелой принадлежности – душою и телом – Христу, «включение» в Его жизнь. <...> Грех недостойн святых, вот сознание раннего христианства, глубоко отличное от нашего – в котором святость мыслится уже как исключение, как почти «ненормальность». Согрешивший должен покаяться, но само покаяние только потому и возможно, что оно есть возвращение к уже полученному, восстановление нарушенной грехом жизни. Ранняя Церковь святостью мерит всю жизнь христианина, в ней одной видит норму церковности.

Прот. Александр Шмеман

Преодолеть соблазны тьмы

Быть христианином непросто. Быть христианином – это и труд, и образ жизни. Причем такой образ жизни, который входит в противоречие со взглядами обычного человека из мира вне Церкви. Антагонизм между требованиями веры и соблазнами светского образа жизни, необходимость сделать выбор между ними нередко приводит человека к внутреннему кризису. Становится невозможным балансировать между верой и неверием, между миром и Церковью, между нравственными нормами Евангелия и стремлением «жить как все нормальные люди».

Такое положение вещей не уникально для сегодняшнего дня. Необходимость выбора всегда стояла перед человеком, ищущим свои пути к Абсолюту. Но даже когда выбор был сделан, перед ним возникала иная задача – как жить в окружении иных нравственных ценностей и убеждений? При ее решении не раз возникает соблазнительная мысль: «А что если позволить себе немного отступить, немножечко попробовать такого соблазнительного на вид ядовитого зелья? От того, что немного попробуешь, ничего ведь не случится. А так хочется!». И если позволить этой мысли захватить наши думы, то мы неотвратимо вступаем на путь Евы, которой когда-то сказал древний змей: «...Подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?...». Слова змея сеют в сердце сомнение. А дальнейший сценарий, увы, известен до мелких подробностей и вариаций. И падения по этому сценарию сопровождают всю обозримую историю человечества.

Но когда на историческую сцену вошло христианство, человечеству были сказаны новые слова. Эти слова не только покушаются на традиционные устои, но жестко ломают в сознании человека прежние модели привычной жизни, показывая, что выход из замкнутого круга все-таки есть!

Апостол предостерегает

Никто да не обольщает вас пустыми словами, ибо за это приходит гнев Божий на сынов противления; итак, не будьте сообщниками их. Вы были некогда тьма, а теперь – свет в Господе: поступайте, как чада света, потому что плод Духа состоит во всякой благодати, праведности и истине.

Испытывайте, что благоугодно Богу, и не участвуйте в бесплодных делах тьмы, но и обличайте. Ибо о том, что они делают тайно, стыдно и говорить. Все же обнаруживаемое делается явным от света, ибо все, делающееся явным, свет есть. Посему сказано: «встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос».

Итак, смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы. Итак, не будьте нерассудительны, но познавайте, что есть воля Божия. И не упивайтесь вином, от которого бывает распутство; но исполняйтесь Духом, назидая самих себя псалмами и славословиями и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах ваших Господу, благодаря всегда за все Бога и Отца, во имя Господа нашего Иисуса Христа, повинувшись друг другу в страхе Божием (Еф. 5, 6-20).

Так поучал апостол Павел новых учеников Христовых, у которых первый, неопитский, восторг от обретенной веры затмевал все остальные «мелочи жизни». Но эти мелочи уже впоследствии, когда у нового христианина ослабевала первичная увлеченность Церковью, могли вовсе загасить огонь столь ярко вспыхнувшей веры. Вспомним, как много в жизни у каждого из нас было светлых идей и планов, но дьявол, который, как известно, прячется в деталях, очень часто разрушал или просто не давал воплотить задуманное из-за этих самых мелочей.

Сам приведенный отрывок из послания к ефесским христианам дает немало тем для размышления. Но главная среди них – ответ на один важный вопрос: как жить в современном мире, как строить свою жизнь в окружении тех, кто рядом физически и одновременно далек духовно? И как противостоять соблазнам, которые эти люди предлагают?

Если внимательнее прочитать текст послания к ефессянам, то становится очевидным, что его автор предлагает нам решать эту проблему последовательно, шаг за шагом.

Шаг первый: «Думай!»

Для начала Павел предлагает... включить критическое мышление. *Никто да не обольщает вас пустыми словами...* Апостол призывает задуматься над тем, что предлагают тебе окружающие люди, насколько обоснованны их слова и доводы.

Как в древности, так и сейчас мы можем услышать призыв пойти на сторону тьмы, причем не в чем-то масштабном, а в предельно обыденных вещах.

- Ну, обмани немного! Ну, своруй чуть-чуть. Все ведь так делают.
- Отомсти врагу за все обиды. Иначе он еще раз захочет тебя унижить.
- Пойди, сделай аборт. Зачем плодить нищету? Надо сначала пожить для себя.
- Ну, если вы интересны друг другу, живите вместе. Печать в паспорте не обязательна. Надо узнать друг друга. Да и для здоровья полезно.

Что страшнее, нередко такие фразы звучат и в церковной среде. Оправдываются они при этом одним «железным» аргументом – «все так живут». Хотя именно когда мы пытаемся уподобиться «всем», тогда получаем крушение своих планов,

разрушенные надежды, загубленные жизни и сломанные судьбы и очень часто – тоскливое одиночество до конца своего земного бытия.

Возникает вопрос, а как же жить среди *таких* людей? Сложно обличать всех людей, заранее враждебно настроенных по отношению к Евангелию. Их озлобленность вызвана последствиями греха и свербящим голосом совести, что часто приводит к иррациональной вражде по отношению к святыне, которую они не могут объяснить даже сами для себя. В таком случае лучше следовать библейской поговорке: «Не обличай безумного, чтоб не возненавидел тебя, обличай же мудрого, и возлюбит тебя».

Но есть более узкое сообщество, в котором мы живем и вращаемся, – это православные христиане. Но и среди них есть те, кто во многом разделяют ценности светской жизни. В общении с ними возникает соблазн польстить этим людям, пойти на компромисс: «Да, брат (или сестра), ты прав в том, что ты делаешь так, потому что все так живут, а по-другому сделать нельзя». Но Христос не позволял даже намек на компромиссы, а требовал жить по Евангелию, которое говорит нам о невозможности служить и Богу, и маммоне.

Поэтому апостол предлагает не обольщаться словами «доброжелателей». Если мы, став христианами, выходим из тьмы к Свету, то нельзя останавливаться на полпути, пытаясь укрыться где-то в теневом пространстве, разделяясь между грехом и праведностью, между дьяволом и Небесным Отцом. Разум нам дан, чтобы думать и *сознательно* выбирать, а не слепо идти на поводу у кого-либо.

Шаг второй: «Исследуй»

Исследование предполагает выяснение всех сторон и обстоятельств дела. Если нам делают какое-то предложение, нужно для начала задуматься, взвесить его. Если есть сомнения, тогда проводят эксперимент – пробуют в самой малости сделать то, что предлагают. И смотрят на результат. То же самое предлагает апостол – испытывать предложенное на соответствие заповедям Божиим: *Испытайте, что благоугодно Богу...* Не слишком сложно поставить мысленный опыт и просчитать – насколько поданная нам мысль соответствует духу Евангелия и заповедям Христовым. Критерий очень простой, но крайне эффективный. Жизнь христианская не представляет непреодолимых трудностей. Нужно просто правильно настроиться на нее.

Не надо искать иносказание в словах, сказанных Спасителем и его апостолами буквально. В Послании к ефесянам сказано не участвовать в бесплодных делах тьмы. Это требование очень сильно расходится с современным лозунгом: «Надо в жизни попробовать все!». Часто даже среди христиан звучит мысль: «Пусть погуляет и порадует жизни, пока молодой». «Проба» греха сравнима с пальцем, протянутым хищному зверю: ухватив за палец, тот затягивает к себе всего человека. Можно привести аналогию из современности. «Пробу» греха уместно сравнить с первой пробой синтетических наркотиков, когда даже с одного раза становишься законченным наркоманом. Бывает, что с первого раза лишаются психического

или физического здоровья. Иногда лишаются и самой жизни... А потому, наверное, стоит сначала исследовать со всех сторон то, что нам предлагают, чтобы не быть разорванным тьмой.

Шаг третий: «Обличай!»

Но вот исследование завершено; в свете Евангелия дела тьмы становятся очевидными. И теперь мы встаем перед новой проблемой – что делать с полученным знанием? Пусть даже мы не участвуем в этих делах. Но ведь участвуют другие. И если тебя не соблазнили, то это не значит, что не введут в соблазн другого человека.

Стоит ли «молчать в тряпочку» или пройти равнодушно мимо, под предлогом неосуждения? Ответ для нас прописан – зло надо обличать. *Не участвуйте в бесплодных делах тьмы, но и обличайте...* Пусть о тайных деяниях поборников тьмы даже говорить стыдно, но говорить открыто в лицо об их неправоте нужно обязательно.

И еще один вопрос, который часто задают в таком случае. А если человек не слышит обличения, продолжая творить беззаконие, – что делать в таком случае? И на это есть ответ, данный Самим Господом: обличай с глазу на глаз, при двух свидетелях, а потом расскажи всей церкви, то есть всему собранию верных. Щадить самолюбие грешника – значит позволять ему и дальше духовно убивать себя. Все становится явным при обличающем свете.

Порой мы стесняемся своих близких в бытовых проблемах, а уж когда речь заходит о соответствии заповедям Христа, мы боимся нарваться на крик: «Я сам с Богом разберусь!». И пасуем, хотя у христианина такого не должно быть. Предельно мягко, предельно корректно, но нужно человеку указать на его согрешения. Если же один, два, три раза не послушал, лучше тогда уже отойти и оставить человека наедине с Богом.

Господь установил закон – человек воспитывается и учится исключительно через человека. А если это было бы не так, то не нужны были бы апостолы, не нужна была бы проповедь Евангелия, и Церковь должна была бы распространяться по мановению некоей волшебной палочки, и вера и знания мгновенно проникали и захватывали бы личность человека. Но такого никогда не было. Апостолы проповедовали многие годы, претерпевали многие мучения и смерть, но ради этого они удостоились венцов Небесных.

И в нашем случае действует это правило. Обличи и научи брата или сестру. Соверши свой подвиг, поскольку обличение чаще всего связано с малоприятными последствиями. Но до этого мы должны прочувствовать, что мы имеем на себе этот долг, долг христианского обличения. Кто бы ни был наш собеседник: будь он незнакомцем или нашим соседом; близким, дальним; будь то священник или выше, – нет никакой разницы. Следует обличать, не осуждая «за глаза», не злорадуясь. Обличать «с глазу на глаз», в лицо человеку или в его присутствии – это больно и для тебя и для собеседника. Но по-другому нельзя. Эта исцеляющая боль

помогает приблизиться к Божиему Царству. И если мы нарываемся на негативную реакцию, встречаем агрессию, то следует считать это своего рода формой собственного мученичества.

Но в обличающем пафосе мы должны помнить и о себе. Обличать мы имеем право только в том случае, когда сами придерживаемся хотя бы «нижней границы» тех Евангельских норм, о которых говорил Христос. Если я, например, постоянно потребляю алкоголь, но – увидел другого пьющего и накинулся на него с обличениями, то это будет смотреться очень странно. Если мы сами совершаем грех, то у нас нет морального права обличать в нем других. Если же ведем борьбу со грехом, тогда, понимая всю неспособность своей человеческой природы и сложность преодоления греховной тяги, мы можем с любовью сказать другому: «Брат, пора выходить из этого состояния. Давай попробуем из этой ямы выбраться вместе».

Шаг четвертый: «Рассуждай!»

Можно несколько перефразировать дальнейшие слова автора Послания к ефессянам, адаптируя их к современному пониманию. «Будьте осторожны в своих поступках, не живите как неразумные, но будьте разумны, как те, кто пользуются любой возможностью творить добро, потому что время сейчас не доброе. И не будьте глупцами, а постигайте волю Господню».

К рассудительности призывает апостол древних и современных христиан; рассудительность же основана как раз на критическом мышлении. В христианстве его еще называют трезвомыслием – способностью не допустить свой разум быть опьяненным посулами и мечтаниями. И опять он призывает познавать, в чем проявляется воля Божия и что Всевышний ждет от нас.

А требование не упиваться вином, или, немного расширив мысль, – не одурманивать себя спиртным, наркотиками и им подобным, является тем же призывом сохранять здравый рассудок, чтобы не позволить себя захватить той самой тьме. От опьянения происходят многочисленные нравственные падения, среди которых апостол назвал самый распространенный – плотский разврат. Применительно к современности – не нужно искать развлечений, и не только в пресловутой «выпивке», но и в новых видах пьянства – негативных информационных потоках, уходе от реальности в виртуальный мир или мир электронных игр. Не стоит соучаствовать в каких-то неправильных действиях, зрелищах, мероприятиях, – во всем том, что в конце концов ведет ко греху, что вроде бы развлекает, вроде бы поднимает нам настроение, но в конце концов приводит к краху, внутреннему и внешнему.

Для трезвости и рассудительности Павел предлагает нам наполняться Божиим Духом через назидание от библейских текстов, через прославление Бога, через сердечное пение Ему славы за все Его дела. Апостол Христов говорит об элементарных нормах благочестия – пусть не развлечения этого мира станут нормой нашей жизни и способом утешения, а то, что соприкасается с Высшим. «Вдохновляйте псалмами, гимнами, духовными песнями». Можно еще добавить –

и обычным духовным разговором, когда мы говорим не о мирском, когда назидаем, утешаем друг друга, опираясь на само Евангелие. Пойте и воспевайте Господа в сердцах ваших!

Шаг пятый: «Благодари!»

И в заключение нельзя не выделить, пожалуй, главную рекомендацию апостола Павла – благодарность. ...*Благодари всегда за все Бога и Отца, во имя Господа нашего Иисуса Христа*, – эту мысль можно назвать самым универсальным рецептом на все случаи жизни и во все времена.

Действительно, Всевышнему Творцу не нужны наши материальные жертвы. Не потреблял Он на самом деле в древности дым от жертвенных костров. Не нужны Ему и наши деньги. Не питается Он сегодня нашими свечками в храмах. Все это нужно было и нужно сейчас только для одного – чтобы мы помнили о Нем. И в перечне всех жертв, которые мы можем посвятить Богу, самой большей будет жертва нашей благодарности Ему за все. Не только за благоприятные обстоятельства, но и за то, что нам не нравится и причиняет боль. В хорошем Господь нас поддерживает, а через неприятности Он нас воспитывает, каждый раз напоминая, как лучше идти по жизни. Проникнувшись пониманием этой стороны промысла Божия, мы можем придать своей благодарности такую силу, что сможет преобразить все стороны нашей жизни. Чувство благодарности само по себе способно заставить нас помнить о Боге. А когда мы помним о Нем, нам легче противостоять соблазнам тьмы.

Две проповеди на Праздник Сретения Господня св. Исихия Иерусалимского

Перевод с греческого, предисловие и комментарии Алексея Пернбаума

Ниже публикуется перевод двух проповедей на праздник Сретения Господня*, автором которых считается священник Исихий Иерусалимский.

Согласно краткому Синаксарю** на 28 марта, помещенному в Месяцеслове императора Василия II, Исихий Иерусалимский учился в Константинополе у свт. Григория Богослова (ок. 325 – ок. 389). После монашеского пострига и священнического рукоположения он некоторое время проводил иноческую жизнь в пустыне. Там он посещал святых мужей, получая от них различные поучения, затем жил в Иерусалиме при храме Гроба Господня, получив известность как толкователь Священного Писания***.

За авторством св. Исихия Иерусалимского сохранились три проповеди на праздник Сретения – две на греческом (проповеди I и II) и одна на грузинском языке****. В 1978–1980 годах о. М. Обино составил сборник в двух частях из восстановленного корпуса праздничных проповедей Исихия Иерусалимского, с которого и был сделан наш перевод*****.

* CPG 6565 – PG 93, 1468–1478; CPG 6566.

** Синаксарь (от греч. συνάγω – собираю) – собрание исторических сведений о празднике или о каком-либо святом. (Прим. ВС).

*** PG. 117. Col. 373D – 376A. Ткачёв Е.В. Исихий Иерусалимский // Православная энциклопедия. Т. 27. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2011. С. 257.

**** Опубликована с переводом на латинский язык: Garitte G. L'homélie géorgienne d'Hésychius de Jérusalem sur l'Hyrapante // Le Muséon. 1971. Т. 84. Р. 353–372.

***** Aubineau M. Les homélies festâles d'Hésychius de Jerusalem, vol. 1. Les homélies I–XV (Subsidia hagiographica 59) // Société des Bollandistes. 1978, LXXVI. Вторую проповедь прп. Исихия нам удалось обнаружить в славянском переводе в малоизвестной Лаврской рукописи 365 (1218), в которой подряд приведены три Слова на этот праздник различных авторов: Аврамия Эфесского, Кирилла Иерусалимского и Исихия Иерусалимского.

ПРОПОВЕДЬ I

Слово на Сретение Господа нашего Иисуса Христа

1. Хотя этот праздник и назван праздником очищений, но не погрешит, кто назовет его и праздником праздников¹, субботой суббот и святым из святых: он сокращенно вмещает (νακεφαλαίῳ ται) всё таинство воплощения Христова, он же описывает и всё присутствие (παράστασις) Единородного Сына. Ибо в этот праздник Христос был принесен как Младенец и признан как Бог; на руках Он был принесен [Отцу] и познан как сидящий на престоле Творец нашей природы, и [Сам] принес пару горлиц словесных в лице Симеона и Анны.

Проникнем же, если хотите, в сами Евангельские слова, так как там мы увидим полк Божий². Вот как Лука объяснил нам историю праздника: *И когда исполнились дни очищения их, согласно Закону Моисея, принесли Его в Иерусалим, чтобы представить пред Господом, как написано в Законе Господнем: всяк младенец мужеска полу, разверзая ложесна, свято Господеву наречется, чтобы принести жертву, по сказанному в Законе Господнем: пару горлиц или двух птенцов голубиных*³.

Было нужно, чтобы Тот, Кто стал рабом для нас, принес жертву очищения; Тот, Кто не щадил Своей собственной крови, не щадил и пару горлиц. Здесь Он действует согласно Закону, однако тем образом, который превосходит Закон, ибо Он Творец Закона, и, предоставляя [нам] Сам свободу Духа, тем не менее, не отвергает [для Себя] рабство Писания. Он не отменяет Моисея дабы в надлежащее время Ему Самому стать истиннейшим Свидетелем⁴.

2. *И когда исполнились дни очищения их по Закону Моисееву (ст. 22). Их:* о ком идет речь? Ибо ни Иосиф не был отцом и не был обязан [следовать] законам очищения, ни Мария, ни Младенец не нуждались в очищениях. Ибо Он Сам сказал: *жена, яже зачнет и родит мужеск пол, нечиста будет семь дней*⁵. Но Мария не приняла семя и, следовательно, не нуждалась в очищениях.

Жена, яже зачнет и родит мужеск пол, нечиста будет семь дней.

Почему? Потому что она ввела второго Адама в мир. *Аще же женск пол родит, нечиста будет четырнадцать дней*⁶. Почему Писание предписало в этом случае двойное число дней? Потому что новая Ева рождается от Евы, потому что жены производят на свет испорченное вместилище, немощный сосуд⁷, сокрушенную посуду горшечника, жезл прелести, руководительницу преслушания, пособницу змия.

Но так как ты услышал нарекания на Жену, узнай и благодеяния, которые происходят из нее. Жена привнесла Девственность⁸ в жизнь, вместила в своем чреве Бога, Которого не может вместить все творение; родила во плоти Того, Кто возобновил наш род. Она первая приняла Иисуса из мертвых, первая провозгласила Воскресение, первая возвестила радость ученикам.

*Всякая жена, говорит Писание, если она зачнет, приняв семя*⁹: Богородица была женою, но не как прочие женщины. Ибо Ее чрево не приняло мужского семени; поле Марии не видело плуга, девственный виноградник не был потревожен за-

ступом; а потому приношение не было ради Нее, но ради всего человеческого рода. Именно нас ради Христос обрезывается, нас ради крещается, нас ради исполняются очищения, предписанные Законом. Если Он плачет¹⁰, Он омывает природу; если Он заушается¹¹, Он нас освобождает от нашего плена; если Он несет крест, Он облегчает для нас иго греха; если Он переносит оплевание, Он освобождает Адама от плюновения проклятия.

3. *А когда исполнились дни очищения их, говорит Писание, принесли Его в Иерусалим, чтобы представить пред Господа, как предписано в законе Господнем, чтобы всякий младенец мужеского пола, разверзающий ложесна, был посвящен Господу* (ст. 22–23).

Именно это предписывает Закон. Но, как мы сказали, Христос как Законодатель исполнил Свой закон, Сам превосходя закон: Он не отверз, но оставил заключенными врата Девы; Он не нарушил печать природы, Он не причинил вреда Рождающей: для Нее Он оставил неповрежденный знак девства.

Если ты не веришь, то узнай то, что говорит Иезекииль: *И возврати мя на путь врат святых внешних, зрящих на востоки: и сия бяху затворенна. И рече Господь ко мне: сия врата заключенна будут, и не отверзутся, и никтоже пройдет ими: яко Господь Бог Израилев внидет и изыдет, и будут заключенна*¹².

Чтобы всякий младенец мужеского пола, разверзающий ложесна, был посвящен Господу. Однако Сей есть не только святой: ибо Он настолько превосходит святостью, насколько имеет преимущество Своим рождением и насколько превзошел предписание Закона. Тем не менее, Писание добавило: *чтобы принести в жертву, согласно тому, что сказано в законе Господнем, пару горлиц или двух молодых голубей* (ст. 24). А то, что Лука показал Закон несовершенным¹³, то вовсе не из-за неведения его, но руководствуясь и здесь премудростью. Закон говорил: *Агнца и птенца (голубиною)*¹⁴. Но когда приносящий не был богат, то он предписывал приносить *пару горлиц или двух птенцов голубиных, и семидал*¹⁵. Но Лука не исходил из приношения богатого: именно Этого Бедного он упомянул, Того, Кто ради нас добровольно обнищал¹⁶. Если он говорит, что для Него не было места для приюта, то как бы Он приобрел Себе агнца? Будучи спеленатым в яслях, как предложил бы Он овцу? Лучше сказать, Он вовсе не нуждался в агнце, так как Он Сам был *Агнцем Божиим*¹⁷, Сам был истинной Овцой. Он Сам Себя принес в жертву за мир, поэтому Лука с одной стороны познакомил нас с тем, что предписывал Закон, а с другой стороны он обозначил то, что Христос осуществляет в Своем Домостроительстве.

4. И после, вот то, что следует: *Тогда, говорит Писание, был человек во Иерусалиме, именем Симеон. Он был муж праведный и благочестивый, чающий утешения Израилева; и Дух Святый был на нем. Ему было предсказано Духом Святым, что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня* (ст. 25–26).

Велико богатство Симеона, разнообразно вооружение этого воеводы; дерево, усыпанное плодами; лоза, усыпанная гроздьями. Не только был человек, но еще он назывался Симеоном. Помимо этого, он был праведным; и не только был правед-

ным, но был *благочестивым*, еще искал *утешения Израиля*, еще и *Дух Святой* почивал на нем, но и то было показано ему, что он не увидит смерти прежде чем увидит Христа Господня.

Был человек. Где? В Иерусалиме. Речь, содержащая страх; слова, исполненные удивления: ибо говорит о человеке в том Иерусалиме, по поводу которого пророк Софония привел слова Самого Бога, говорящего: *Я посетую Иерусалим со светильником*¹⁸ и *никого не найду*¹⁹. Разве Свет пользуется светильником? Нет, не о том говорит Писание, но оно называет светильником Закон.

И был в Иерусалиме человек, именем Симеон. И какое значение указанного имени? «Слух»²⁰ Божий», из чего видно, что он обладал по домостроительству Духа именем, приличным своему образу жизни. Ибо где «слушание Бога», там и повиновение в Законе, соблюдение заповедей, течение благой жизни, попечение о спасении, приводящее к цели. Этими чертами и отличается настоящий человек²¹: потому и перечислены они Лукой в таком именно порядке.

5. Он был *муж праведный и благочестивый, чающий утешения Израилева*. Это – цель человека праведного: не искать своей собственной пользы²², но пользы другого и многих, заботиться об общем спасении, а не о своем собственном услаждении.

И *Дух Святой*, говорит Писание, был на нем. Симеон был колесницей Владыки, престолом Божиим, и именно за это он принял в свои руки Царя веков.

Ему было предсказано *Духом Святым*, что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня (ст. 25–26). Следовательно, было открыто ему в пророчестве – переселиться из жизни в жизнь, идти далее и далее (δε σαι)²³ от света к свету, от дня в день нескончаемый, не стареть, а обновляться, и во время всеобщего конца встретить новую молодость. И пришел он по вдохновению в храм (ст. 27). Источник [– Бог Дух] привел жаждущего к Источнику [– Богу Сыну].

И, когда родители принесли Младенца Иисуса, чтобы совершить над Ним законный обряд, он взял Его на руки (ст. 27–28).

Он нес в своих руках Того, Кто держит в руке Своей обитаемую и необитаемую землю, Того, Кто измерил горстью воду, и небо пядию, и всю землю горстью²⁴. Но как Симеон принес жертву, которая не относилась к его обязанностям? Он ведь не был священником, так как это не сказано в Писании, ни даже левитом, ни хранителем храма, так как эта служба назначена одному только колену Левия. Он не был священником, но был *праведным*: поскольку праведность имеет священство под своими ногами. Он не был левитом, но богобоязненный: а богобоязненный имеет помазание (χρ σμα) в самом себе.

6. И неся Младенца, он говорит: *Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром* (ст. 29).

Ныне отпускаешь – так как пришло время помилования, приблизилось искупление пленников, долгов разрешение. Рожден Царь, сущих в темницах освобождающий, сущих в узах вызволяющий, сущих в смерти к жизни призывающий, облегчающий бремя земли.

Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко. – Откуда ты это знаешь? – «Я вижу Владыку, – говорит он, – Который облекся в одежду раба. Не принял бы, будучи Владыкой, Он образ раба, если не намеревался раба облечь во образ Владыки. Не потряс бы порядка и не снизошел, будучи высок, если бы не восхотел возвести на высоту то, что низко».

Но как Ты *отпускаешь* его, *по слову Твоему, с миром*? – Так, если словом Ты произвел творение, то и словом Ты освобождаешь и венец творения [человека]. *С миром.* – С каким? – С [миром] Креста. Вот меч, которым обезглавил Он тирана [-дьявола] и дал мир тем, кто сражается вместе со Христом.

Ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал (ст. 30–31). Ибо они увидели то, что многие желали видеть и не видели²⁵, Бога во плоти, Солнце, во облаке светящее. *Видели очи мои спасение Твое*, то есть увидели Твое воплощение²⁶, которым Ты устроил спасение людей, и не видели чистого Божества, так как никто не узрит Бога таким, каким Он есть в Своей сущности. *Ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицом всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля* (ст. 30–32). Ибо эти блага общие и неделимы и для иудеев, и для язычников. Итак, пусть не завидует иудей, пусть не беспокоится фарисей, пусть не искушается книжник, пусть не боится за свое царство Ирод, пусть не опасаются за свое священство Анна и Каиафа. Ибо Пришедший всем дает, и ни от кого ничего не берет; нетщеславно и независтно, без меры Он всем дарует.

7. Но Иосиф и Матерь, слыша слова Симеона, дивились, как Христос решился стать Сыном человеческим²⁷. Мария дивилась, как женское лоно содержало Бога, как Она, раба [Божия], произвела на свет Свободителя создания.

Симеон же Ей говорит: *Сей лежит на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий* (ст. 34), *на падение* тех, кто нераскаянно пребывает в неверии, *на восстание* тех, кто переходит от неверия к вере. Христос был камнем²⁸ в основании строительства, но слепые претыкались глазами²⁹ о Него, блуждая здесь и там. Ему, следовательно, надо приписывать не *падение* упавших, но *восстание* [всех пожелавших]. Если бы они только пали, не поднимаясь, то с полным правом ты тогда мог бы Его считать причиной их *падения*. Но если среди тех, кто пали по беззаботности, есть те, кто желают подняться, то *падение* бывает от беспечности, *восстание* же – от Христа. Разве Иуда и Петр не оба пали, когда один сказал: *что вы дадите мне, если я вам предам Его?*³⁰, а другой: *я душу мою положу за Тебя*³¹? Ведь Петр должен был знать, что смертный не может отдать своей жизни за бессмертие [мира]³². Да еще [добавил]: *Хотя бы надлежало мне вместе с Тобою умереть, не отрекусь от Тебя*³³. Ему позволительно было бы сказать: «Если Ты меня утверждаешь, то я не отвергнусь от Тебя. Если Ты меня укрепляешь, хотя я слабый, то я не опасюсь кораблекрушения. Если Ты участвуешь в моем сражении, то я не опасюсь смерти». Но здесь[, в случае Петра,] был грех языка, а там[, в случае Иуды] – грех сердца. Поэтому Петр, упав, поднялся и стал вождем³⁴ других, которые упали. Другой же, путеводимый [грехом] из пропасти в пропасть, бросил серебро и, взяв веревку, удавился³⁵.

8. Это есть *знамение пререкаемо* – Крест: в то время как иудеи распинали [Христа], солнце³⁶ исчезало, синагога клеветала и земля потрясалась³⁷. Народ вопил: *Распи Его*, камни же, не вынося бремени кощунства, распадались³⁸. Священники и книжники говорили: *мы вспомнили, что обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: после трех дней воскресну*³⁹; сотник же возгласил: *Воистину Божий Сын был Сей*⁴⁰. Но до настоящего момента еще *слово о кресте для иудеев соблазн, а для еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, [представляет] Христа, Божию силу и Божию премудрость*⁴¹.

И Тебе Самой оружие пройдет душу, – да откроются помышления многих сердец (ст. 35). Он называет здесь мечом сомнение, ибо так же, как меч рассекает и разделяет тела, так и сомнение разделяет души и заставляет их сомневаться. Хотя Мария была Девой, но Она была также и Женой; хотя была Матерью Божией, Она была также нашего смещения.

Оружие пройдет Ее душу, *да откроются помышления многих сердец*. Какие помышления? – Сомнительные помышления о Христе во время Его страстей. [Помышления] тех, кто усматривал Его то как Пророка⁴², то как Избавителя⁴³ Израиля, и претерпевших большие сомнения из-за потрясения, вызванного страстями [Христовыми]. Так что ученики, направляющиеся с Клеопой, сказали Ему: *неужели Ты один из пришедших в Иерусалим не знаешь о происшедшем в нем в эти дни?* И после того, как Он их спросил: *о чем?* Они сказали Ему: *что было с Иисусом Назарянином, Который был пророк и прочее*⁴⁴.

Таким образом, они Его принимали за Пророка и Избавителя Израиля, но, после перенесенных Им страстей, им грозила опасность усомниться и в этом. Но всё это произошло не напрасно, но дабы показать, что *немудрое Божие премудрее человеков*⁴⁵. Ибо Крестной мукой все были тщательно просеяны и потрясены⁴⁶, не только простые ученики, но даже избранные и Его Мать. Это укрепило всю вселенную во Христе Иисусе Господе нашем, чрез Которого и с Которым слава Отцу, со Святым Духом, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

ПРОПОВЕДЬ II

Слово на Сретение Господа Нашего Иисуса Христа

1. Разве вы не знаете, что Дух избрал Симеона пророком и что именно ему предсказал в откровении, *что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа*⁴⁷? [И разве не Тот же Дух внушил ему произнести:] *ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, с миром* (ст. 29)? Разве не под водительством Духа Симеон благословил Иосифа и Марию? Разве не Его повелением Он обратился с речью к Марии: *се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле* (ст. 34)? Не Им ли была объята и Анна, чтобы быть ей пророчицей? Не была ли и она исполнена Им, когда возвещала об искуплении, грядущем через новорожденного Младенца?

2. Из этих [слов Писания о Святом Духе], по порядку, следовало бы соткать для вас [пространное о Нем] истолкование, но сейчас, чтобы поберечь ваше внимание, было бы уместно здесь лишь [кратко] рассудить и сократить нашу речь. Итак, если не тяжка эта речь для вас, ненасытных причастников трапезы священных слов, то следовало бы и нам начать с того места, откуда Евангелист начал для вас свой рассказ, и насколько возможно сократить наше [нынешнее] толкование, так чтобы наше приношение соответствовало и времени [праздника], и вашему желанию.

3. *Тогда был в Иерусалиме человек, именем Симеон* (ст. 25). Немалую похвалу Дух соткал в честь этого Симеона во вступлении: *И был в Иерусалиме*, говорит, человек, которого уже давно ожидали Пророки и которого желал Закон; искала его благодать и, найдя, в конце увенчала венцом. Из чего же был сей венец сплетён? Обрати внимание: *Он был муж праведный и благочестивый, чающий утешения Израилева* (ст. 25). Соревнуем же и мы Симеону и ублажим его, ибо он не только был праведным, но и благочестно воздерживался от всякого лукавства. И так как он ожидал утешение для Израиля, то не ослабевал ни в стяжании добродетели, ни в воздержании от зла.

4. *И Дух Святой был на нем*. Удивительно сие и вполне согласуется с тем, о чем мы сказали прежде: что Симеон был храмом, хранил чистым брачный чертог своей плоти и выметал из опочивальни своей души всякую житейскую паутину⁴⁸. Потому и привлек он к себе Дух [Святой], сделавшись его обиталищем.

И было ему предсказано Духом Святым, что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня (ст. 26). Видишь, какая великая честь быть храмом Божиим: ибо те, кто подвизаются в этом образе жизни, переселяются⁴⁹ от жизни [временной] в жизнь [вечную]⁵⁰. Тем же Симеону было дано пророчество, *что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня*, то есть прежде чем увидит Того, Кто уничтожит смерть; Того, Кто воскресит мертвых; Того, Кто превратит могилы в брачный чертог; Того, Кто даст ему отойти [в мир иной] свободным от страха.

5. *И пришел он по вдохновению в храм* (ст. 27)⁵¹. И это [свидетельство] также не должно нам опустить или пробежать поспешно: ибо оно подтверждает, что Симеон всегда действовал по указанию Духа, жившего в нем, и что без Него он не направлялся ни в какие собрания⁵², не устремлялся ни на какие предприятия; и когда он приходит в Храм, то не иначе, как под водительством Духа.

И, когда родители принесли Младенца Иисуса, чтобы совершить над Ним законный обряд, он взял Его на руки (ст. 27–28). Кто же ему указал на этого неведомого ему Младенца? Не иначе как живущий в нем и дающий откровения Дух, сказавший ему нечто подобное следующему: «Беги, старче, беги, поспешай, исхить скорее и для себя Его благословение⁵³, прежде чем воссияет Звезда, прежде чем явятся волхвы, дабы и мы, [иудеи,] не стали предметом насмешки [от опередивших нас в поклонении Младенцу язычников]. Ибо Свет от Меня [во откровение языков, указанный Звездой,] должен явиться прежде прибытия самой Звезды в Вифлеем (Мф. 2, 2); чтобы открылось [и им], что Мной управляется ее бег и что от Меня она за-

имствует свой блеск. Не позволяй же себе лишиться Его благословения, пусть даже необрезанные пожинают начаток (парх v) его».

6. *Он благословил Бога: Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром* (ст. 28–29). Он благословил Бога Отца с Сыном, Сына с Духом, так как Дух действовал через откровение, а сам он нес в своих руках Сына, Который соизволил явиться в теле и родиться Младенцем для нас; что же касается Отца, то Он также действовал в столь многочисленных и великих этих тайнах. Так Симеон к чести [всех Лиц единой Троицы равно] приносил свое благодарение.

Ныне, говорит, отпускаешь раба Твоего, Владыко; теперь я уже не боюсь смерти и с радостью отхожу к мертвым, чтобы и им сообщать о Жизни. Слова отпускаешь по слову Твоему, с миром, являются теми же самыми, что заимствовал у Тебя [Свя- тый Душе, и] пророк Давид: В мире вкупе усну и почию⁵⁴.

7. *Ибо видели очи мои спасение Твое, которое много пророков желали увидеть⁵⁵. Ныне же через собственный опыт (πειρ)⁵⁶ Ты представил роду человеческому Все- вышнего, Который для нас настолько смирился, чтобы стать Младенцем: ибо не- возможно горшечнику⁵⁷ спасти испорченную глину, не запятнавшись ею.*

Ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицом всех на- родов (ст. 30). Говорю *всех народов*, ибо, будучи Создателем всего, Ты всем явил и таинство Своего спасения. *Свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля* (ст. 32): ибо вначале просвещаются язычники и затем прославляется Из- раиль: рожден Тот, пред Кем последние стали первыми и первые – последними⁵⁸, и старшие [то есть иудеи] были лишены своих преимуществ из-за своего нера- дения.

8. *И отец Его и Матерь удивлялись тому, что говорилось о Нем.* Почему, о бла- говестник и писатель божественного родословия, ты называешь Иосифа Его от- цом? Ведь ты сам показал Гавриила, возвещающего Деве, как произойдет зачатие и каким образом Она родит: *Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя⁵⁹*. «Однако я вовсе не забыл своих слов, – говорит [Евангелист]. – Если бы я и забыл, то мне напомнил бы это Дух. Но Тот, Кто воплотился, хотел, чтобы Иосиф тогда был назван именно таким образом [то есть, отцом], чтобы ввести в заблуж- дение подстерегающих тайну нашего спасения».

Они же *дивились сказанному о Нем* (ст. 33), поскольку старец нес Младенца, но возвещал Божии хвалы. *И благословил их Симеон:* ибо требовалось благословить тех, кто послужил благословию для живущих под клятвой [Закона⁶⁰, то есть для иудеев].

9. *И сказал Марии, матери Его: се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле* (ст. 34): Он есть Тот, о Ком Петр, взяв [за основу] пророчество Исайи, на- пишет в своем послании Церквям: *вот, Я полагаю в Сионе камень краеугольный, избранный, драгоценный; и верующий в Него не постыдится.* Затем добавляет, тол- куя пророчество и говоря согласно с Симеоном: *Итак Он для вас, верующих, дра-*

гоценность, а для неверующих камень, который отвергли строители, но который сделался главою угла, камень преткновения и камень соблазна, о который они претыкаются, не покоряясь слову⁶¹. Таким образом Он был поставлен для падения неверующих и для восстания верующих: ибо первые, думая устоять в силу [данного им] Закона, по своему неверию низринулись; а вторые, по множеству грехов оказавшись среди павших, прибегли к жезлу веры и восставили себя.

10. *Се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий.* Что есть [этот предмет]? Крест. [Господь был] в предмет пререкания (дословно – *противоречий*), ибо в одно и то же время Он был исполнен и страданиями, и чудесами; был наг и затмевал солнце, был пронзен гвоздями и колебал скалы; имел бок, отверстый копьем, и отверзал могилы мертвых. Потому знамение Креста было пререкаемо: неверующие, не видя Его чудеса, взирали лишь на страдания; верующие же среди Его страстей созерцали чудеса. Толпа фарисеев высмеивала Его как обманщика, сотник же, поклонившись Ему, назвал Его Сыном Божиим.

11. Со всем этим согласно и следующее: *И тебе самой оружие пройдет душу*, – да откроются помышления многих сердец (ст. 35). *Оружие*, то есть сомнение⁶², *пройдет Твою душу* во время Распятия. Ибо Ты поразишься, видя распятым на кресте Того, Кто был рожден без истления, зачат без мужа, не разверзал ложа, и бесстрастным и нетленным образом устроил Свое рождение.

12. Что же последует отсюда? *Да откроются помышления многих сердец*, как прочих [людей], так и в особенности тех, кто был научен Господом, созерцал претерпеваемые Им страдания и творимые от Него чудеса, и вынес от того и другого бурю противоречивых мыслей.

Таков был Клеопа, после того, как Христос явился ему по дороге в Емаус. Спрошенный [Господом], почему у него помраченное лицо и потрясенное сердце, Клеопа, не ведая, Кому, отвечает, говорит о Христе незначительные вещи, исходя из сиюминутных обстоятельств: *А мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиль*⁶³, то есть, вышло все не так, как мы надеялись.

Откроются и немощные помышления Магдалины Марии, ибо она так ослабела [духом] от Распятия Христова, что сказала Ему[, когда Он явился ей воскресшим]: *Господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его*⁶⁴.

13. Пусть мой язык быстро пробежит по остатку евангельского рассказа: *Тут была также Анна пророчица, дочь Фануилова, от колена Асирова, достигшая глубокой старости, прожив с мужем от девства своего семь лет, вдова лет восьмидесяти четырех* (ст. 36–37).

Блистательно богатство Анны! Со всех сторон собирается ей сокровище благ. Во-первых, она была пророчицей; и хотя, как женщина, была сосудом немощным, очищала себя и привлекла к себе Дух Божий, чтобы Он жил в ней. Затем, будучи преклонных лет и состарившись телом, она не обветшала разумом. В-третьих, она была вдовой, и не просто вдовой, но, прожив семь лет с мужем [и после его

смерти] влача столько лет ярмо вдовства и дожив до старости, не допустила на свое ложе второго [мужа], но пребывала [в честном вдовстве] до восьмидесяти четырех лет.

14. Но так как Анна увидела Того, о Ком в 84-м Псалме ясно сообщил Дух, она старалась говорить о Нем подобно псалмопевцу Давиду: *Благоволил еси Господи, землю Твою; возвратил еси плен Иаковль; оставил еси беззакония людей Твоих; покрыл еси вся грехи их. Укротил еси весь гнев Твой, возвратился еси от гнева ярости Твоего. Истина от земли возсия, и правда с небесе приниче*⁶⁵.

В этих словах и указано *избавление в Иерусалиме* (ст. 38), которое эта жена, как об этом рассказывается, провозгласила и предсказала. Ибо, как говорит [Писание]: *она не отходила от храма* (ст. 37). Многие живут при храме, однако превозносятся этим, ибо живут не так, как жила при нем Анна, *постом и молитвою служа Богу день и ночь* (ст. 37). Постами она очищала свое тело, а молитвами окрыляла⁶⁶ разумную часть своей души; и, живя в храме, сама была храмом [Духа].

15. *И она в то время подошедши [славила Господа]* (ст. 38). Несомненно, это был Дух, который привел ее, как и Симеона, на прославление Младенца. Она *славила Бога*⁶⁷: не просто Его прославляла, но исповедовала⁶⁸, велегласно возглашала, подобно Симеону. *И говорила о Нем всем, ожидавшим избавления в Иерусалиме* (ст. 38). Что и как говорила? – «Не заблуждайтесь, видя тело[, а не Божество]; образом Раба не претыкайтесь; младенчеством Его не смущайтесь». Творящий младенцев является как Младенец; Отец веков⁶⁹ видится как Дитя: иначе мы не смогли бы вместить Искупителя, по иному мы не могли бы и принять Его. Нас ради Он смирился, нас ради Он сошел; щадя зрение наше, Он таит Свою славу, выставляет лишь смиренное».

Ему слава во века веков. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Пасха! Она у нас праздников праздник и торжество торжеств» (Григорий Богослов, свт. Слово 45,2 На Святую Пасху // Григорий Богослов, свт. Творения в 2-х тт. – М.: Сибирская Благовонница, 2007. Т. 1. С. 559).

² Быт. 32, 1–2. Трудно передаваемая игра слов: *παρεμβάλλειν* (занять позицию) и *παρεμβολή* (лагерь, поселение).

³ Лк. 2, 22–24; Исх. 13, 2; 12, 15.

⁴ «Ибо с самого начала как пришел Господь, воплощенный от Святой Девы, Он позаботился в Своей собственной плоти исполнить Закон, чтобы тем совершилось завершение его, и затем уже положить начало даянию Его Собственных даров благодати. Поскольку это действительно принадлежит всепремудрому Смотрению Бога, – взять на себя повеления Закона в Его собственной плоти, чтобы показать Закон как образ и тень Духа и благодати». Свт. Иоанн Златоуст (Sp.), Слово на Сретение (CPG 4756); по изданию: Bickersteth E. Edition with Translation of

a Nupapante Homily ascribed to John Chrysostom // OCP 32, 1966, P. 59.

⁵ Лев. 12, 2.

⁶ Лев. 12, 5.

⁷ 1 Петр. 3, 7.

⁸ Ср.: «Первая Дева есть чистая Троица» (Григорий Богослов, свт. Похвала девству // Григорий Богослов, свт. Творения... Т. 2. С. 49).

⁹ Лев. 12, 2.

¹⁰ Ин. 11, 35.

¹¹ Мк. 14, 65. Ин. 18, 22.

¹² Езек. 44, 1–2.

¹³ «Ежели есть другая какая Святость, кроме Духа, то пусть скажут, что под ней разуместь должно. А если сия самая, то можно ли не быть Ей от начала? Разве лучше для Бога быть некогда несовершенным (τελεε) и без Духа? Если Дух не от начала, то Он ставится наряду со

мной или немного выше меня, потому что временем отделяемся мы от Бога. Если ставится в один ряд со мной, то как Он меня делает богом или как соединяет с Божеством?» (Григорий Богослов, свт. Слово 31,4 о богословии пятое, о Святом Духе // Григорий Богослов, свт. Творения... Т. 1. С. 377).

¹⁴ Лев. 12, 6.

¹⁵ Грубая пшеничная мука; хлебное приношение.

¹⁶ *Весте бо благодать Господа нашего Иисуса Христа, яко вас ради обнища богаты сый, да вы нищетою Его обогатитесь* (2 Кор. 8, 9).

¹⁷ Ин. 1, 29, 36.

¹⁸ *Изыщу Иерусалима со светильником* (Соф. 1, 12).

¹⁹ Формулировки «никого не найду» нет в библейском тексте. Есть ли это неизвестный вариант или личное добавление Исихия? Думаем также о Диогене, с его лампой (λύχνος) зажженной в самый полдень, который напрасно ищет среди своих соотечественников «настоящего человека».

²⁰ ἀκοῇ θεοῦ. Согласно Быт. 29, 33, имя Симеон объясняется игрой слов Лии, дарующей Иакову второго сына: «Бог услышал».

²¹ Иов. 1,1.

²² 1 Кор. 13,5.

²³ «Но поелику для Благодати не довольно было упражняться только в созерцании Себя самой, а надлежало, чтобы благо разливалось (ἔδει χεῖρῖναι τὸ ἀγαθόν), шло далее и далее (δε σαι), чтобы число благодетельствованных было как можно большее (ибо сие свойственно высочайшей Благодати), то Бог измышляет, во-первых, ангельские и небесные силы». Григорий Богослов, свт. Слово 45, 5 / На святую Пасху // Григорий Богослов, свт. Творения... Т. 1. С. 561.

²⁴ Ис. 40, 12.

²⁵ Мф. 13, 17.

²⁶ См. Исихий: «О чем же он молится? О том, чтобы людям показана была милость Божия и явлено было спасение, т.е. чтобы Бог Слово явился во плоти (τὸν θεὸν λόγον σαρκὶ φαίνόμενον). А что Христос называется Спасителем, свидетель – Симеон» (Цит. по: [псевдо-]Иоанн Златоуст. На Псалом 84 // Собрание святого отца нашего Иоанна Златоуста [в 12 томах]. – СПб.: Издание С.-Петербургской духовной академии, 1895–1906. – Т. 10. Кн. 1. – 1904. С. 874; «Комментарий на Пс. 77–99 издан в PG. 55. Col. 711–784 под именем свт. Иоанна Златоуста» (Ткачев Е.В. Исихий Иерусалимский... С. 259).

²⁷ Мф. 8, 20.

²⁸ 1 Петр 2, 6. Ис. 28, 16.

²⁹ 1 Петр 2, 8. Рим. 9, 32–33. Ис. 8, 14.

³⁰ Мф. 26, 15.

³¹ Ин. 13, 37.

³² «Но не умолчено и о смерти Его; а напротив того, весьма ясно изображается она в божественных Писаниях. Не убоялись сказать и о причине смерти, а именно, что претерпит ее не ради Себя, но для бессмертия и спасения всех;... Подивись человеколюбию Слова! За нас терпит безчестие, чтобы мы сделали славны-

ми». Свт. Афанасий Великий. Слово о Вочеловечении Слова и явлении Его к нам в теле. (Афанасий Великий, свт. Творения в 3-х тт. Т. 1. – М.: Сибирская Благозвонница, 2015. С. 133).

³³ Мф. 26, 35; Мк. 14, 31.

³⁴ Ин. 21, 15–17.

³⁵ Мф. 27, 5.

³⁶ Мф. 27, 45. Мк. 15, 33. Лк. 23, 44–45.

³⁷ Мф. 27, 51, 54.

³⁸ Мф. 27, 51.

³⁹ Мф. 27, 63.

⁴⁰ Мф. 27, 54; Мк. 15, 39.

⁴¹ 1 Кор. 1, 18, 23–24.

⁴² Лк. 24, 19.

⁴³ Лк. 24, 21. *Мы надеемся, яко Сей есть хотяй избавити Израиля.*

⁴⁴ Ин. 24,18–19.

⁴⁵ 1 Кор. 1, 25.

⁴⁶ Лк. 22, 31.

⁴⁷ Лк. 2, 26.

⁴⁸ «Итак, если ты увидишь кого-нибудь облеченного блестящею одеждою и окруженного толпой телохранителей, то раскрой его совесть, – и ты найдешь внутри его много паутины и увидишь много нечистоты». Иоанн Златоуст, свт. Беседа 63 // Собрание святого отца нашего Иоанна Златоуста... Т. 7. Кн. 2. – 1901. С. 649.

⁴⁹ μετέρχονται – переходят, передаются.

⁵⁰ Ср. у свт. Иоанна Златоуста: «И зачем об этом много говорить? Еnoch перешел (ἐβαπτίσθη) с телом от жизни в жизнь, превзойдя верой смерть и старость и природу. Много и другого можно говорить о вере, но я ограничиваю слово, чтобы не вызвать излишества. Я знаю, что божественные слова служат для вашего христолюбивого слуха не к пресыщению, но к любви, однако возвращусь к предмету речи». Иоанн Златоуст, свт. О сотнике // Собрание святого отца нашего Иоанна Златоуста... Т. 10. Кн. 2. – 1904. С. 936.

⁵¹ Слав. *И прииде Духом.*

⁵² εἰς ἀγορὰς – в торжища.

⁵³ Ср. у свт. Григория Богослова: «Если можно, беги и торжища (φύγε καὶ τὴν ἀγορὰν) со своим добрым Сопутником. Подвяжи себе крылья орлиные или, точнее, голубиные, ибо что тебе до кесаря и принадлежащего кесарю, пока не почиешь там, где нет ни греха, ни очернения, ни змия, угрызающего на пути и препятствующего тебе шествовать по Бозе. Исхить душу свою (Ἀρπάσων τὴν σεαυτοῦ ψυχὴν) из мира, беги Содома, беги пожара, иди не озираясь» (Свт. Григорий Богослов. Слово 40, 19 / На святое крещение // Григорий Богослов, свт. Творения... Т. 1. С. 470).

⁵⁴ Пс. 4, 9.

⁵⁵ Мф. 13, 17.

⁵⁶ См. тему *опыта*, дорогую Исихию, в *Coll. Diff.*, 3: четыре вида γνώσις (знания): τῆς δι' ὁφθαλμοῦ (через зрение), τῆς διὰ προφητείας (через пророчество),

τῆς δι' ἀκοῆς (через слышание), τῆς διὰ πείρας (через опыт). «Адам и Ева не знали о добре и о зле знания об опыте» – PG 93, 1396 В. (См.: *Aubineau M. Op. cit.* P. 71).

⁵⁷ Прем. 15, 7; Иер. 18, 6.

⁵⁸ Мф. 19:30.

⁵⁹ Лк. 1, 35.

⁶⁰ Ср.: «Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою» (Гал. 3, 13).

⁶¹ 1 Петр 2, 7–8; Пс. 117, 22; Ис. 8, 14.

⁶² Ср.: Астерий Софист, Ном. XXV, 23: «Петр отрекся; ученики убегают; меч сомнения (ἀμφιβολία) проходит через душу Марии, Матери Его» (Цит. по: *Aubineau M. Op. cit.* P. 67).

⁶³ Лк. 24, 21.

⁶⁴ Ин. 20, 15.

⁶⁵ Пс. 84, 1–5; 11.

⁶⁶ «Итак, что же? Если не этого желаешь, то чего тебе хочется? Не хочешь ли стать богом – богом, то есть светоносно предстоять всевышнему Богу и ликовать с ангелами? Расширь же свои крыла, взвивайся в быстрой полете парении, несись в высоту; я очищу тебе крыла, дам тебе такое учение, которое поднимет тебя вверх, вознесу тебя в эфир, как легкокрылую птицу». (Григорий Богослов, свт. К душе своей // Григорий Богослов, свт. Творения... Т. 2. С. 320).

⁶⁷ *исповедашеся Господеву* (Лк. 2, 38).

⁶⁸ Исихий здесь усиливает выражение Луки, противопоставляя ἀνθροполоγεῖσθαι (исповедовать) и δοξολογεῖν (прославлять).

⁶⁹ Сказать о Христе, что Он «Отец веков», означает утверждать, что Он Творец, что Он Бог. (*Aubineau M. Op. cit.* P. 45 прим. 1).

«Нет никакого “христианского сектора” в литературе...»

На вопросы ВС отвечает критик и литературовед Екатерина ИВАНОВА

– Давайте начнем с «информационного повода» – вашего литературно-критического сборника «По обе стороны вымысла», вышедшего в прошлом году*. Исключительно интересного, на мой взгляд. И не только содержательно, но и тематически: большинство статей и интервью так или иначе связано с проблемами христианской веры, ее отражения в современной литературе. Это, кстати, был сознательный выбор при составлении сборника – или просто «так сложилось»? В самой книге это (возможно, умышленно) не проговорено.

– Конечно, это сознательный выбор, но сделан он был не в момент комплектации сборника, а намного раньше, в момент написания текстов. Я стараюсь, по мере возможности, соотносить реалии текста с камертоном христианства. Разговор о литературе – это прекрасный повод рассказать что-то о вере, о христианстве тем, кто «не в теме», избегая назидания. Хотя такая постановка вопроса может не встретить понимания в литературном сообществе. Бытует мнение, что литературный критик должен заниматься чисто литературой и «литературностью».

– «Чистой» литературой...

– Да, и эта «чистая литература» – не то чтобы фикция, но некий конструкт, скрывающий свою идеологическую составляющую. Критика, в отличие от литературоведения, не может существовать без «направления», без идеи, без аксиологической оси. Для меня такой осью является христианство.

К тому же, в каждом глубоком произведении искусства есть духовная составляющая, не обязательно осознаваемая автором как христианская, но в наших куль-

* Иванова Е. По обе стороны вымысла. Саратов: ПК ООО «Амирит», 2018. 256 с. (Здесь и далее – примечания ВС.)

турных реалиях всегда тяготеющая к ней или отталкивающаяся от нее же. Найти эту составляющую – значит разгадать тайну текста, понять судьбу автора. Считаю, что для критика это задача максимум. И, по мере своих сил, я старалась достигнуть этого максимума.

– А как вы сами пришли к этой теме? Судя по вашим первым статьям и рецензиям в «толстых» журналах, христианская тема в литературе была для вас актуальна уже тогда, в начале 2000-х.

– Да, начало 2000-х. Именно в это время я всерьез начала интересоваться христианством, еще не будучи крещеной, и в это же время состоялось мое знакомство с современной литературой, главным образом через Форум молодых писателей в Липках. Огромное влияние на меня в тот период оказали мои учителя. Прежде всего Светлана Кекова, не только выдающийся поэт, но и тонкий филолог, исследователь творчества Николая Заболоцкого и Арсения Тарковского. Она показала мне, что христианство в литературе не только и не столько «тема» или «мотив» (знаете, есть такие стандартные работы «Христианские мотивы в творчестве такого-то»), но нечто гораздо большее. Это универсальный смысловой код, который в XX веке претерпел катастрофические изменения, но все равно остался основой художественного, поэтического мышления. Нужно сказать, что первая моя попытка написать что-то о поэзии не в академическом, а в более свободном ключе и в связи с темой христианства как раз связана со стихами Светланы Васильевны. Попытка, конечно, не очень удачная. Потом я несколько раз возвращалась к ним, перепроверя себя, уточняя. Ее художественная мысль невероятно глубока.

– А кто еще?

– Огромное влияние оказал на меня Игорь Меламед и стихами, и статьями – «Отравленный источник», «Совершенство и самовыражение». На некоторое время его творчество стало для меня камертоном, по которому я сверяла свою жизнь. И что интересно, они (С. Кекова и И. Меламед. – ВС) совершенно не похожи ни по стилю мышления, ни по манере письма. Это абсолютно разные способы воплощения христианского мироощущения в слове, во многом противоположные по набору формальных приемов. Для меня это был важный урок: нет никакого специально отведенного «христианского сектора» в литературе, нет никакого «православного гетто», нет никаких правил, как нужно правильно «по-православному» писать стихи, или прозу, или критику. Есть художественная уникальность, сотворенная автором, который, в свою очередь, сотворен Богом.

Здесь, как мне кажется, и кроется ответ на изрядно набивший оскомину вопрос о том, что такое художественная новизна, новаторство, инновационность, «новый язык»... Ощущение новизны художественного высказывания есть следствие того, что оно сотворено уникальной личностью, которая нашла способ рассказать о своей неповторимости языком искусства. Все остальное – поиск новых метафор, сочетаний, слов, звуков – это путь в никуда.

– *Последние лет тридцать в русской литературе происходит все больше обращений к христианским темам, на самом разном уровне – идей, сюжетов, образов. Где, на ваш взгляд, за прошедшие годы произошел в этом большой прорыв – в прозе или в поэзии?*

– Мне кажется, и в прозе и в поэзии есть образцы очень глубокого, острого переживания религиозного чувства. Ирина Роднянская в известной новомирской статье 2011 года «Новое свидетельство» пишет о том, что современную поэзию характеризует духовная тревога. Прошло восемь лет, и эта тревога все еще жива в нас, хотя она и соседствует с тревогами другого характера и масштаба. Опять же, выражаться она может по-разному, в образах эпатажных, как у священника Сергея Круглова, или взволнованно-лирических, как у Марины Бирюковой, или медитативных, как у Светланы Кековой, или экстатических, как у Олеси Николаевой. Безусловно, знаковое явление в современной поэзии – творчество Игоря Меламеда. Более пронзительного, трагического и светлого рассказа о религиозном кризисе и преображении современного человека я не встречала.

– *А в прозе?*

– В прозе этот вектор тоже есть, но он, конечно, несколько расфокусирован по сравнению с поэзией. Для меня образцом такого напряженного и даже болезненного духовного поиска является проза Майи Кучерской, причем в первую очередь – «Бог дождя», а уже затем нашумевший «Современный патерик»: это фактически рассказ об уходе из Церкви, очень искренний, «свой», злой, местами несправедливый, такой, каким и должен быть крик страдающего человека. На фоне тех проблем, о которых писала Кучерская еще в 90-е годы, антиклерикальные откровения от создателей ахиллы.ру** кажутся детским садом.

И еще я хотела бы назвать имя – не прозаика, а критика Валерии Пустовой. Сейчас она работает на стыке критики и эссеистики, в свободном жанре, и здесь она находит необыкновенно глубокие и искренние слова для выражения своего религиозного чувства.

– *В вашей книге названы имена многих поэтов, обращающихся к духовной лирике: кроме прозвучавших сейчас, это Юрий Кублановский, Михаил Иверов, о. Константин Кравцов... А кого еще из интересных вам поэтов, работающих на этом же «поле», вы бы могли назвать?*

– Прежде всего, конечно, Олесю Николаеву. Думаю, это имя не нуждается в представлении. Мне не приходилось о ней писать, но я была и остаюсь благодарным читателем ее поэзии. Очень интересный крупный поэт Елена Лапшина. Ее недавно вышедшая книга «Сон златоглазки» получила большой резонанс среди критиков самых разных направлений. Вера – это не тема ее стихов, а воздух, которым дышит этот автор, поэтому религиозное осмысление получает любой «сюжет»,

* Антиклерикальный сайт «Ахилла» (<https://ahilla.ru/>), созданный в 2017 году бывшим священником РПЦ Алексеем Плужниковым.

возникающий в ее поэзии. Еще – Ольгу Иванову, поэта, если можно так сказать, жесткого письма, острых граней.

Андрей Нитченко, поэт, который очень ярко дебютировал в начале 2000-х годов со стихами религиозного смысла, немного странными, интровертными, если так можно сказать о стихах, в них отчетлива была видна внутренняя связь с ленинградской неподцензурной поэзией 80-х годов.

– Острая и сложная проблема: личная религиозность поэта. Особенно в начале прошлого столетия, в знаменитый «серебряный век» («серебро» которого, во многих смыслах, было ртутным...). Недавно натолкнулся на такую фразу из письма Марины Цветаевой Розанову: «Слушайте, я хочу сказать Вам одну вещь, для Вас, наверное, ужасную: я совсем не верю в существование Бога и загробной жизни». Вот и герой вашей монографии, Вадим Шершеневич, в своих «Листах имажиниста» называл христианство «суммой беспринципных афоризмов»... Не отталкивают ли вас такие высказывания от поэтов – и как читателя, и как исследователя поэзии? Или религиозность вы считаете сугубо личным делом поэта и не рассматриваете ее в одном контексте с его творчеством?

– Проблема, действительно, острая, и в двух словах ее не раскрыть. И тут стоит задаться вопросом: почему эта связь или ее отсутствие так болезненно беспокоит критиков, читателей? Почему точка соприкосновения творчества поэта и его веры – болевая? Как пишет Владимир Вейдле в своей книге «Умирание искусства», искусство – это язык религии. И там же показывает, как постепенно происходит его онемение. В поэзии связь искусства и религии видна особенно явственно. Но если поэзия – это язык религии, то кто такой тогда поэт, как не священник, совершающий таинство? Конечно, оно не религиозное, но подобное ему: таинство искусства, которое позволяет языку так преобразиться, чтобы статьместилищем божественных смыслов. Нас не очень волнует вопрос личной веры актера, играющего Иисуса Христа, но вопрос личной веры священника, который в некоторые моменты Литургии символически изображает Господа, не может нас не волновать.

Онтологическая связь поэзии и религиозного опыта видна и в творчестве авторов, далеких от религии, неверующих, страдающих от непомерного экзистенциального груза пустого неба и безблагодатного бытия. Иосиф Бродский. Верующий? Религиозный? Отнюдь, однако его поэзия вся погружена в религиозное, и еще точнее – в христианское пространство смыслов.

Иные эпатажные высказывания могут оттолкнуть меня чисто по-человечески. Критик имеет право быть избирательным, исследователь – нет. Но и по-человечески, я считаю, нельзя сразу отворачиваться от собеседника, если он говорит неприятные вещи о религии. Приведу пример не из поэзии, а из прозы. Владимир Тендряков – советский писатель, сделавший себе имя на антирелигиозной пропаганде. Цитаты можно найти соответствующие, от которых душа содрогнется. Но он же – писатель, показавший невероятную духовную боль советского атеиста, который лишен Бога, жаждет встречи с Ним и боится Его.

Что касается Вадима Шершеневича, я думаю, что для него вопросы духовного поиска в тот период, когда он был имажинистом, активно публиковался, участво-

вал в диспутах, были не особенно важны. Опять же, скажу осторожно: не важны как для автора. Если тексты не дают нам основания говорить о религиозности человека, то и не нужно об этом говорить. «Листы имажинизма» – это декларация, местами небезыntenесная, местами наполненная вторичной риторикой. Обращение к религиозным образам тут скорее дань моде того времени. В творчестве Шершеневича, на мой взгляд, нет ярко выраженного антиклерикального начала, и этим он отличается от Есенина и Мариенгофа. О кощунственных стихах Есенина замечательно сказал Владислав Ходасевич: «Он думал, что верует во Христа, а в действительности не веровал, но, отрекаясь от Него и кощунствуя, пережил всю муку и боль, как если бы веровал в самом деле». Совершенно иное у Мариенгофа – здесь прямая и личная ненависть к Христу, к Богородице, страшная в своей неприкрытости. От цитат воздержусь, потому что от них, что называется, коробится бумага и взрывается монитор. Совсем не понимаю тех восторгов, которые вызывает его творчество у иных современных литературных деятелей.

– *Еще одно имя из вашей книги – поэт Марина Бирюкова (с которой, кстати, мы беседовали в этой рубрике три года назад)*. Вас с ней связывают, насколько понимаю, еще и дружеские отношения, и работа в журнале «Православие и современность», издаваемом в Саратовской митрополии. Тогда Марина очень интересно рассказывала об этом издании, его концепции. Что-то изменилось в нем за прошедшие три года?*

– Журнал жив, журнал востребован. С Мариной мы друзья и коллеги. Сидим в одном кабинете и часто обсуждаем будущую судьбу этого издания: выживет ли? Надеюсь, что да...

– *Вы пишете в «Православии и современности» не только о литературе...*

– Не только и не столько о литературе. Мое появление в редакции журнала в 2015 году совпало с выходом номера, посвященного проблеме соотношения творчества и веры. Я побеседовала со Светланой Кековой, отцом Константином Кравцовым, передала вопросы для Олеси Николаевой и Виталия Каплана. Летала как на крыльях. Но, конечно, литература не является приоритетным направлением для журнала. В нем есть рубрика «Наше чтение», в которой мы высказываемся о художественной литературе, написанной не обязательно с христианских позиций. В этой рубрике мне удалось написать о романе Грэма Грина «Сила и слава», о творчестве Рэя Брэдбери.

– *А над чем сейчас работаете?*

– Сейчас я готовлю статью о книге воспоминаний Анатолия Степановича Дятлова. Он был заместителем главного инженера по эксплуатации 2-й очереди Чернобыльской АЭС на момент катастрофы. Советский суд возложил на него всю вину за свершившуюся трагедию, что, разумеется, неправда. Талант и сила духа этого человека, столь явно видные в его книге, буквально перевернули мне душу.

* «Был мой собственный путь...» На вопросы ВС отвечает поэт Марина Бирюкова // ВС. 2016. № 3 (XLI). С. 128–133.

«Нет никакого “христианского сектора” в литературе...»

– Будем ждать... В той же беседе с Мариной Бирюковой я задал вопрос: «Как сегодня живет поэт в Саратове?» А как живет и работает в Саратове литературному критику?

– Литературному критику в Саратове не хватает книг и времени на то, чтобы их читать. Работать приходится в две смены, и самая трудная – творческая – часть в моем рабочем графике начинается тогда, когда все нормальные люди уже спят.

В Саратове есть очень интересные авторы, но, к сожалению, жизнь устроена так, что мы редко собираемся вместе...

Игорь Меламед

* * *

Полутемная больница.
Медсестер пустые лица.
Санитаров пьяный бред.
Инвалидам сладко спится:
никому из них не снится
переломанный хребет.

Кружит девушка в коляске.
Ей, мужской не знавшей ласки,
хоть собой и хороша,
все бы, глупой, строить глазки,
выпавшей, как в страшной сказке,
со второго этажа.

Слез непролитые реки
здесь взорвать должны бы веки
бедных юношей. Но вот
странный, жуткий смех калеки,
затвердившего навеки
непристойный анекдот.

Нет надежды ниоткуда.
Тем в колясках и не худо,
этот сдался без борьбы,
этот верует покуда,
что его поднимет чудо
прежде ангельской трубы.

Боже праведный и славный,
если только разум здрав мой,
просьбу выполни мою:
всем, разбитым смертной травмой,
дай удел посмертный равный –
посели в Своем раю.

Исцеляющим составом
проведи по их суставам.
Не подвергни их суду.
Всем им, правым и неправым,
босиком по вечным травам
дай гулять в Твоем саду.

Светлана Кекова

Вершины деревьев пустынные и голы,
рябиновый куст – как отшельник в затворе,
который увидел высокие горы,
среди их подножий – великое море.

Я буду волною – и голос услышу,
что каменным гулом идет по ущелью:
о, Кто Он, устроивший небо, как крышу,
а землю соделавший нам колыбелью?

Что создано Словом – то сделалось светом,
что было молчаньем – молчит без усилия...
Он, жизнь подаривший различным предметам,
и рыбам – их перья, и птицам – их крылья,

и льву – его силу, и зяблику – слабость,
и иволге голос, и хобот тапиру,
земному созданию – плавучесть, крылатость
и дивную святость небесному миру,

где Он укрывается – в брачном чертоге
за видимой гранью закатного неба,
а может, стоит у тебя на пороге
и просит, как нищий, водицы и хлеба?

Как Господа славит содружество птичье –
кукушка на иве, кулик на болоте,
а Он улыбнется, скрывая величье
и свет Божества под покровами плоти.

И грянут, как молния, ангелов хоры:
«Великому счастью предшествует горе!»...
Внутри океана – высокие горы,
среди их подножий – великое море.

О. Сергей Круглов

ЗЕРКАЛЬЦЕ

Я – Твой образ, Господи, я –
Твое зеркальце.
Посмотрись в меня:
Эти тени под глазами,
Эти морщины,
Эта горечь, эта надежда.

Поднеси меня к губам, Господи,
Дохни на меня:
Пусть они убедятся, что Ты жив.

Елена Лапина

В бессилии слова, в молчании немоты,
когда холодеет воздух до ломоты
и тянутся длинные тени со всех тенет, –
он так обнимает меня, будто смерти нет.
Но все ж – разделенные смертною пеленой,
и я лишь на ощупь знаю, что он со мной.
И каждый из нас объят земным пленен,
и ночь – как стремнина, и мы в темноте плывем,
до боли ладони стиснув, разъяв умы.
И нам не спасти друг друга от этой тьмы,
где мы – в наготе, в бессилии, без прикрас,
где должен быть Кто-то Третий промежду нас...

«Царство Божие – здесь»

*Избранные записи в Фейсбуке последних лет**

– Как нелепо выглядит: выходит священник на исповедь или там литию отслужить – и тут же к нему метнется какая-нибудь тетенька, и коврик под ноги пихает!.. Смешно!

– Ну и зря смеетесь. Коврик – важное дело. Это – заземление, когда батюшке в голову благодать ударяет.

Сегодня с Саввой немного гуляли по лесу (грязь, снег еще, но пройти уже можно).

Я у него осторожно спросил:

– А что ты знаешь про «синих китов»?**

Он не очень заинтересованно и недоуменно пожал носом (это когда такжимают и очки приподнимаются):

– Ну, немного... Они самые крупные... Еще есть нарвалы там, полосатики, кашалоты...

Ну и слава Богу.

Еще: хотели покормить белок семечками, но не встретили; зато встретили жизнерадостного облого далматинца, хозяйка которого сказала, что он тоже семечки любит, оному и скормили.

– Батюшко, что делается!..

– А что?

– Апостасия...

– В смысле?

– А вы разве не знаете? Апостасия и экуменизм: нам в святцы вставили католического Патрика!.. Новоизобретенного!

* Продолжение. Начало в №№ 2–4 (XLIII–XLV), 2017; 1–4 (XLVI–XLVIII), 2018; 1 (XLIX), 2019. Все примечания – ВС.

** «Синий кит» (также «Тихий дом», «Красная сова», «Море китов», «Млечный путь» и другие названия) – якобы существующая среди подростков игра, целью которой является совершение самоубийства.

– С чего это Патрик – новоизобретенный? Он Ирландию-то крестил за полтыщи лет до крещения Руси, когда славяне еще под перунов стол пешком ходили.

– !!!

– Вот вам и «!!!» Никакого почтения к старшим, школота непросвещенная... эх, темпора и морес.

Сегодняшнее евангельское чтение на Литургии, от Марка:

Тогда подошли к Нему сыновья Зеведеевы Иаков и Иоанн и сказали: Учитель! мы желаем, чтобы Ты сделал нам, о чем попросим. Он сказал им: что хотите, чтобы Я сделал вам?

Они сказали Ему: дай нам сесть у Тебя, одному по правую сторону, а другому по левую в славе Твоей.

Но Иисус сказал им: не знаете, чего просите. Можете ли пить чашу, которую Я пью, и креститься крещением, которым Я крещусь?

Они отвечали: можем. Иисус же сказал им: чашу, которую Я пью, будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься; а дать сесть у Меня по правую сторону и по левую – не от Меня зависит, но кому уготовано.

Вот это последнее у, например, Кузнецовой звучит: «кому предназначено Богом», в переводе 2015 года под редакцией Кулаковых – «кому уготовано Отцом».

А мне больше по душе – как в синодальном переводе, или то же в церковнославянском переводе, и в редакции епископа Безобразова: «но кому уготовано».

Кем уготовано-то?

Ну вроде понятно – Богом, кем же еще.

Однако это присовокупление «Богом», к сожалению, нередко включает в трактующем этакий благочестивый фаталистический дискурс: на всё воля Божия, все под Богом ходим, без Бога ни до порога... А вот одной девушке (популярная в православной субкультуре история, не помню из которой книжки) предсказали, что она в колодце утонет, так ведь отец заколотил колодец, а она пришла, легла на него и все-таки умерла... Короче, Бог нас запрограммировал, и не дернешься ни вправо ни влево, etc.

Мне представляется, что ответ Иисуса ученикам: «не от Меня зависит, но кому уготовано» может означать: знаю, вы Меня любите, и пойдете за Мной, и всё, что Я переживу – горькую чашу и погружение в пучину смерти – переживете и вы, но что из этого выйдет, какое именно место вы обретете во славе Царства – зависит не от Меня, а от вас самих. «Кому уготовано» – указание на то, что люди-то все личности, все – разные, эта личностная разность – тайна (заложенная в человека Творцом, оно да, но реализуемая-то самим человеком, в той или иной степени синергии с Творцом), и пребывание в одинаковых условиях способно дать разным людям совершенно разные результаты.

В ленте второй раз встречается реклама страницы «Лечение алкоголизма»:

«Ищем православного СВЯЩЕННИКА (МОНАХА) РПЦ, с образованием психиатра (опыт в лечении зависимостей!), с возможностью свободно передвигаться в

границах ЕС, для создания терапевтической коммуны для русскоязычных зависимых и содомитов, на острове São Miguel (Açores, Portugal)».

Представил себе, как на острове уживаются русские алкоголики с содомитами... данс макабр*.

Благовещения было два.

Одно: *Не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнёшь во чреве, и родишь Сына, и наречёшь Ему имя: Иисус. Он будет велик и наречётся Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова во веки, и Царству Его не будет конца...***

Второе: *И тебе самой оружие пройдет душу****.

Для одного нужен был Ангел, для другого – человек.

Отвечала: *Се, раба Господня...*

И слагала всё в сердце Своем.

Приступит человек ли, Ангел, – глубоко Твоё сердце, Мария, благословенная в женах.

Вот тебе, бабушка, и Вербный день.

Приползаю со службы без задних ног – а тут, оказывается, семье счастье привалило.

Савва на улице нашел малюсенького котенка, ну и куда несчастного девать – домой принес.

Котенок трехцветный, звать пока никак, т.к. мы под хвост и в смартфон глядели, и в лупу, но не смогли пока стопроцентно определить, кот или кошка.

Басё нервничает и недоумевает пока что, не может понять, что за.

Покормил я этого... эту... молоком с пальца (само оно пока лакать не умеет, молоко в нос попадает, и чихает), теперь попищало, вылизалось и спит.

Ну, что теперь... раз Господь послал, пусть живет.

Савву оно избрало матерью, спокойно себя чувствует только с ним. Савва переживает о своей ответственности.

Ну а как иначе.

Не прошел мимо, нагнулся поднять – вот тебе и прочее прилагающееся!

А вот солидный парень Андрюша, скоро выпуск из школы, и в армию идти, и жениться ездит на каникулы в Сергиев Посад, и хвалят его яко взрослого, и всё такое.

И у них с мамой сейчас такой разговор, про то, как кошку назвать.

– Давайте назовем Люси!

Андр.: – С чего это?

– Ну, в «Нарнии» была Люси.

Андр.: – А она чо, тоже была трехцветная?!..

Назвали – Веснушка.

* Пляска смерти (фр.).

** Лк. 1, 30-33.

*** Лк. 2, 35.

Почему-то мы представляем *благоразумного* разбойника – плоским, как на иконе, и благоуветливым... и его слова считаем таким эталоном коричневопозлащенного постного раскаяния и пораженного радования вегетарианским скудным виноградом и томатам, изображаемым на иконах (а то он при жизни в саду не бывал, и слаще морковки ничего не ел)...

Мы представляем себе, что этот разбойник – *персонаж* (нашего личного благочестивого пасхального комикса).

А он – убийца, гопник и насильник.

На нем от партаков* живого места нету.

Что сказал человек, который оказался повешенным на кресте по правую руку от Иисуса?

Он сказал своему поделельнику, думается мне, где-то такое: «...Э, кореш, хайло завали уже.

Мы-то с тобой – погуляли, чо. Мы резали глотки старым богатым хрычам, мы насиловали молочных, как поросята, визжащих девок этих хрычей, мы грабили, мы в ус не дули, мы восстанавливали свою личную справедливость в мире, который нас зашиб несправедливостью, мы погуляли вволю... СИЛА и МОЩЬ содеянного нами такова, что сила вот этого крестного наказания ну сильна, но все равно... не так уж. Иэхххх, погуляли же!.. и мы не чувствуем себя опарафиненными, мы чувствуем в наказании: поймал – ну банкуй, мент, чо теперь, сила за силу, кровь за кровь, удаль за удаль, одна живем, судьба индейка и жысь копейка!.. Нас с тобой НЕ ОПУСТИЛИ, по крайней мере.

А вот Этот, посмотри.

Он стопудово – ни в чем не виноват.

И Его ТАК мучают – за что?!!! Я Его вижу ТАКОГО – и в моем мозгу картина мира трещит и переворачивается! Сволочи! гестаповцы! суки!..

Эй ты, Терпила! я не знаю, в чем Твоя правда – но чую, что она крута и правильна.

Раз Ты ТАК за нее умираешь.

Да волки ж вы позорные!.. чего Доходягу мучаете, козлы?! – а Ты, Доходяга, помяни и меня, когда придешь там в Царство Твое, или куда!..»

Что такое – обидеть Христа своими грехами?

Самое что ни на есть пакостное и ничем осмысленным не осмысляемое.

Представьте, что к вам тянется ручками полугодовалый малец – а вы его, чтоб не «мешал», хлесть кулаком по лицу.

Или на улице котенок недельный.

Представьте, что вы его подняли, сперва мимими – а потом головку в кулак и шею с хрустом свернули...

СЕБЯ в этой ситуации представьте.

И оно будет жалким отдаленным подобием того, что там было две с половиной тыщи лет назад...

* Партаки – наколки, татуировки.

Как Его вывели в Судные Врата. И водили по городу.
Таскали как забитого зверька на веревке.
И выкликали: кто заступится или выкупит!..
Да тот же Пилат (почитаемый у эфиопов как первый свидетель о Христе, и жена его тоже...).

И – никто.
НИКТО.
Никакая тварь не отзывалась.

Вообще, освящение народных куличей в субботу – это особая тема, можно книгу написать. В хорошем смысле.

Например, приходит средних лет молодая мама православного вида (ну, платочек и всё такое, крестится на храм), с ней, держась за руки и крайний – за длинную юбку матери, трое важных детей, аккуратно мал-мала меньше, так и видится, что сии вылезли друг из друга, как матрешки. Они вытащили из корзинки всего два кулича, но КАКИХ!.. каждый со средним арбузом. На каждом куличе разноцветными леденчиками и изюмом выложено ХВ, а под ХВ – разноцветным кремом, тщательно, но явно детской рукою, намалеваны: на одном – волк, а на другом – заяц из «Ну, погоди!», импортозамещение такое.

Или – старушка пришла. Постоянных – их сразу видно, в лицо узнаешь, а эта – редкая. Но не потому, что «захожанка», а потому, что живет в деревне далеко и не наездишься. Выцветшие глазки прямо светятся от радости, что – храм Божий и что праздников праздник и торжество из торжеств. Пальцами, узловатыми, как топольевые ветки, достала из сумки пакетик, из пакетика – одно рыжеватое яйцо, полбулочки серого дешевого хлеба (такой массово шлепают во всяких там мини-пекарнях из синтетических дрожжей) с аккуратно воткнутым в нее огарком свечки и спичечный коробок с солью... Такое освящаешь – и уж никакое поповское саркастическое остроумие в голову не приходит.

Или вот: пара пришла, лет пятидесяти на вид (примерно): облая макированная тетенька в кислотно-ярком костюме «Рита» (ну, PUMA, пошит в Китае на Малой Арнаутской улице), на лабутенах и в косынке, и мужик ея, лысоватый, квадратный, в чем-то там одет не помню. Тетка поставила на стол пластмассовую коробку с там яйцами-магазинными куличами-чем-то еще. Двигаюсь вдоль стола, кроплю народ-стол-народ, приближаюсь к ним... и тут мужик отчаянно, по-моему, даже со слезами, жестом, каким герой-панфиловец воздымал на фашистский танк гранату, выхватывает откуда-то четвертинку водки и пытается прямо-таки метнуть ее мне под кропило. Конечно, тетка в «Рите» тут же вцепляется в четвертинку, конфискует оную, дает бедному мужику подзатыльник и хриплым шепотом шипит на него: «Дебил!.. Алкаш!..» и прочие безумные глаголы.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Замечательная служба. «Отче наш» – под аккомпанемент храпа (храпел малый сынишка нашего священника о. Виктора, приведенный им в алтарь и облаченный в стихарь; в креслице в алтаре в немыслимой позе заснул).

Были сейчас с женой на кладбище, чистили могилы тещи и тестя.

Земля липкая после дождя... хмуро, ветрено.

Люди приезжают, с граблями, ведерками, дерут сухую траву, подкрашивают ограды.

Иные могилки совсем заброшены (хотя кладбище считается – «новое», но там уже за 30 тысяч покойных, при численности жителей города около 70 тысяч).

Шли назад – глядел вокруг...

Вот крест подгнил и покосился, с 2011 года стоит, деревянный; поправил. Чья могила? имя стерли дожди и ветры.

На граните – картины: модный автомобиль, пейзаж, накрытый стол с бутылками и виноградными гроздьями, лихой мужик в косухе, паренек в военной форме...

Эпитафии: «Твой вечный покой – наше вечное горе»...

Кое-где – и церковные фразы: «Упокой, Господи».

Вот на памятнике – имя: «Ребенок Сергей Сергеевич», взрослый мужчина...

А вот – просто ребенок, девочка семи лет, фото с бантами.

Венки, ковры из пластмассы. Сколько же ее изготовили и продали!.. издалека пространство выглядит усеянным перламутровыми роями мух.

Как тяжело они молчат, мертвые. Слышу это молчание, в последний год – всё отчетливее. Не молчат они – зовут. И как они ЖИВЫ – особенной жизнью, не такой, как здесь, у нас.

...У людей, пишущих стихи (можно проще: у поэтов; скобки ставлю потому, что для многих слово «поэт» перестало быть простым обозначением и стало знаменем пререкаемым) – бывают строки, строфы и книги, написанные мастерством, а бывают – принесенные Духом, ветром ОТТУДА. Ну, это все знают.

Так вот.

При всей моей любви к Высоцкому, я никогда не вспоминаю его в первой, скажем, тройке поэтов, определивших мою жизнь, захлестнувших сразу-и-насмерть, и проч.

Но строки, принесенные ветром Духа, у него несомненно есть. И их много. (А бывает ведь, да, что у поэта вроде и мастерства выше крыши, а вот этого ветра – нет... стихи вроде правильные, хорошие, а почитать нечего, и ни строчки из его произв. – не помнишь наизусть).

И вот эти у Высоцкого строки – несомненно ОТТУДА:

Наши мертвые нас не оставят в беде,
Наши павшие как часовые,
Отражается небо в лесу, как в воде,
И деревья стоят голубые...

Это не «искусство изящной словесности», это – просто взятие и голимый перенос открывшегося: вот оттуда – вот сюда.

Это то, что богословы называют «продолжающимся Откровением».

Нельзя пытаться жить раем на земле и светло любить всех... Неизбежно получится: любя одних – убиваешь других. Открываешь врата рая – и тем самым под кем-то открывается крышка бездонного люка в ад.

В частности, и об этом сказано: «Все, хотящие благочестно жить во Христе, гонимы будут».

Словно бы участвуя в нынешних разговорах о проблемах Церкви, Юнгер пишет: «Новый плод должен вызревать в человеке, а не в системах».

(Из предисловия к «Садам и дорогам»)

Неделя о парализованном.

Сегодня спросили:

– Батюшка, а как молиться расслабленному?

– Кому?..

– Ну, вот неделя о расслабленном же... его Христос Господь исцелил... говорят, надо расслабленному молиться от болезней и для терпения...

– Гм... А вы уверены, что он после исцеления прямо вот пошел и прославился во святых?

– Как это?..

– Да так. Сказал ему Христос: иди и более не греши, чтоб не случилось чего похуже... А кто его знает, как он там потом жил-то?

После Литургии даю крест, все поют «Христос воскрес из мертвых».

Поодаль стоит женщина в брюках, молча делает мне какие-то вопросительные знаки, среди прочего – выразительно дергает себя за штанину.

Я, так же молча (ну в смысле поя), выразительно подергал себя за полу подризника.

Заулыбалась, закивала головой, подошла ко кресту.

Логика «оскорбленных религиозных чувств», многообразно ныне обсуждаемая – всё та же старинная, знакомая нам, как вековые заусенцы на пальцах, логика, озвученная некогда, например, в стихе: «Я мстил за Пушкина под Перекопом»*. Где Пушкин и где Перекоп, недоумет наивное дитя, – да в том ли дело!..

Думаю о например преп. Серафиме Саровском – сколько к нему народу приходило. И старообрядцы случались, и афеи**, и всякие... Оскорбляли ли они или что-то в них его религиозные чувства? Вполне возможно. Но как, какими методами он с ними «боролся»? Почему люди уходили от него, в чем-то преобразившись?.. Говоря иначе: методы Св. Духа в обращении с разнообразно не- и верующими – каковы они вообще?..

И в этой связи – о нас с вами, членах Церкви Христовой – из Данте (цитирую помнимый смысл только...): «Монета ценная, и чекан верный, но есть ли она у тебя в кармане?»

* Строка из стихотворения Эдуарда Багрицкого «О Пушкине» (1924).

** Атеисты (устар.)

Память прав. Иова Многострадального.

Господи, вспомни, что жизнь моя лишь вздох, и ничего хорошего я не увижу вновь.

И Ты меня не увидишь: Ты будешь меня искать, но не будет меня (гл. 7).

Да. Будет искать.

Чтобы найти, надо подойти поближе, еще ближе.

Как детям, которые лихорадочно собираются в школу, ищут носки, смотрят в разверстый шкаф и кричат: «Мам, не могу найти!», мама отвечает: «Искать надо не глазами, а руками».

Вот Он и подошел, максимально близко, еще ближе.

Искал руками, напоролся ими на крест, ищет дальше.

Рассказал мне товарищ-сослужитель о. Василий. Подошла к нему бабулька, его прихожанка (а он настоятель Покровского храма в п. Зеленый Бор, в окрестностях ж.д. станции, километров 10 от города). Услыхала, говорит, что о. Сергей вернулся, дай, думаю, соберусь, съезжу в Минусинск, в Спасский собор, погляжу хоть на него... Приехала в воскресенье на раннюю литургию, а его там и не было... Как не было, говорит о. Василий, он должен был там исповедовать на ранней! Да нет, говорит бабулька, исповедовал какой-то старик, седой, высокий такой...

Итак, духовные скрепы и народные традиции православия таковы, что священник не только болеть и согрешать, но и состариться не имеет права.

Реплики в ФБ против «веры-попов-чудес-святых-лиригии» и прочего в том же роде, с одинаковым, как под копирку, пафосным рефреном: «Не верится, что на дворе 21-й век!...»

А мне, например, верится.

Что такого-то.

Мне только не верится, что 21-й век хоть чем-то лучше, чем, например, 11-й. (Не в плане там медицины-науки-техники, а по сути устройства человека, имею в виду...)

Или любой другой.

Местные деревенские бабушки-прихожанки нередко говорят: «евангельё», «отданыё».

– Завтра что ли у нас отданье-то Паски?

– Завтра... Всё, поспраждновали... Господь назад прибирает.

– Да... Теперь до Троицы.

– Да. Посадила всё?

– Да ково... Я сама уж не могу, жду, зять приедут...

Такие дни... Народ в храме заметно поредел: дачи, огороды.

Как там у Мандельштама: «Разночинцу не нужна память, ему достаточно рассказать о книгах, которые он прочел, – и биография готова»

Вообще, про детские если книги...

Своих личных книг у меня в детстве почти не было, они были, как тогда называлось, «дефицит».

Так откуда-то, по друзьям брал, да в библиотеке...

Помню, еще до школы, было мне лет пять, мы жили в Красноярске, и отец приходил с работы. А мы жили на Предмостной, возле книжного магазина «Буревестник»... И если он приходил и не приносил книжку – бывало у меня страшное горе, и бедный отец раз за разом приносил то, что только и было в «Буревестнике» – тоненькую «Сказку о Мальчише-Кибальчише»... Но однажды принес и правда счастье: «Старика Хоттабыча», купленного с «нагрузкой» – пачкой каких-то брошюр и открыток...

В те поры, еще до школы, я страстно мечтал иметь Великую Триаду: про Чипполино-Буратино-Незнайку. Читал всё, но книжек про сих трикстеров и идолов человечества дома не имел. А потому играл «в книжки»: пока мамы-врача не было дома, вытаскивал ее книги по офтальмологии и судебной медицине, раскладывал на диване и представлял, что вот это – Носов, а это – Родари...

Позже, когда мы жили одно время в Казахстане, в Темиртау, а потом на Ангаре, в Богучанском районе, записываться в библиотеки я ходил с бабушкой. Потому что, как только библиотекаря вякала: «Ребенку еще рано это читать...» (а я дошкольник да первоклассник), бабушка включала тяжелую артиллерию, и внучеку моментально разрешали доступ абсолютно ко всем полкам как абонементу, так и читального зала.

И читал я – не читал, а поедал книги. По пять-шесть разом были раскрыты у меня на кровати, и я их поедал все зараз.

Жуткий набор бывал: «Айвенго», «Робинзон Крузо», «Гулливер», стихи А.К. Толстого («И его я высосала кровь!» из «Коринфской невесты» просто было частью детства), «Спартак» как Джованьоли, так и В. Яна (его же «Огни на курганах», а трилогия про монголо-татар пришла позже), том Сервантеса (такой, помните, желтый пятитомник?), повесть про басмачей «Ниссо», любимейшие молдавские сказки, «Дети капитана Гранта», какая-то «Шхуна “Колумб”» про шпионов, какой-то «Маркос Рамирес» (с его крузейро, сентаво и рецептом изготовления духов из проквашенных цветов), любимейшая «Водители фрегатов» и плач про судьбу матроса Рутерфорда, «Калевала» и «Десница великого мастера», наизусть затверженный «Герой нашего времени» и «Князь Серебряный», Карлсон и марраны с их огненным богом, партизанка Лара Михеенко и бронзовый загар ног кого там из молодогвардеек...

Прикиньте, какая каша в голове у ребенка.

И ничего, всё как-то органично было.

Помните, у Чехова:

«Собаке запретили лаять на телеграфиста. Она не лает, молчит и плачет от злости».

Вот так примерно и кошшонка.

Когда кот скрывается от ее нападков в верхих, она плачет от злости и идет набрасываться на людей.

А я ей при том подношу страшную руку к существу ея, и пою ирмос: «Ру́це распротёр, Даниїл, льво́в зия́ния в рове затче́; о́гненную же си́лу угаси́ша, добродете́лю препоясавше́ся, благоче́стия рачи́тели, о́троцы, вызы́ающе: благослови́те, вся дела́ Госпо́дня, Го́спода».

И она всё прекрасно понимает.

Что раз Даниил заткнул в рове львов зияния, то и ей мало не покажется.

Жизнь напомнила важное: слишком жалея себя, перестаешь жалеть Христа.

Есть, среди разнообразных народных мудростей, одна такая:

«Жалко – у пчелки...».

Создал Бог мир.

Можно с благодарностью и любовью принять этот Божий мир и жить в нем, собственно, для того и сделано.

А сатана, тот никак не может, у него шило в одном месте. Он хочет другой глобус, он хочет другого Вседержителя (себя любимого, ясное дело), он стремится переделать этот мир – в свой мир, Божье Царство – в свое царство, даже до сих пор пытается, всякими методами. Ну, это всем понятно, это в воскресной школе проходят...

Я-то к чему: вот построят, например, баррикаду, и лезут стенка на стенку. Одна стенка кричит: «Только чтоб все – по стойке смирно!» А другая кричит: «Нет, только – вольно чтоб, только чтоб вольно!»

Нет чтоб прислушаться: и «смирно», и «вольно» – команды.

Из одного и того же мегафона, с одной и той же адской лагерной вышки.

Отдаваемые одним и тем же вертухаем.

Добавляю кое-что (как показали комментарии, стоит добавить):

Я написал про систему, которую строит князь мира сего.

Но есть ДРУГАЯ система отношений и ДРУГОЙ мир, Божий и подлинный.

Там «смирно» и «вольно» означают, прежде всего, то, что мы имеем в виду, говоря «смирение» и «вольность», то есть послушание-в-любви и свобода.

Там эти слова – не команды.

– И чего у вас, у православных, всё время – «грешен», «грешен»?..

– Потому что истина – в вине.

Разговаривали с понимающим товарищем про церковное житье-бытье.

– Вот – «реформы, реформы»! ... Ну и какие реформы-то?

«Служить по-русски-2», катехизировать, и в таком роде?.. Так кому надо – тот и так служит, и катехизирует, и всякое такое, и разрешения не спрашивает.

– Типа как в старой побасенке: – Ребе, можно нам немного постричь борода? – Ни в коем разе, Талмуд запрещает. – Но вы сами ведь постригаете?! – Так я ни у кого и не спрашивал.

– Вот-вот, точно.

– Ну да... Но ведь те, кто пытается в системе жить как-то свободно, неизбежно бывают гонимы и давимы...

– Ну а как вы, батюшка, хотели. Это ж естественно. А что им за это – талоны на усиленное питание?

– В смысле...

– Ну да, в том самом. Вот священник сплотил приход, Евангелие они изучают, всякие дела делают, служат как одно тело и одна душа, приоритеты «деньги-престиж-мирская упакованность» отодвинули на задний план, где им и место, и пр. Если это дело действительно окажется Христово – так мир-то во зле, и непременно воспротивится, и никак иначе не может быть. Думаете, им церковный орден св. кн. Владимира 2-й степени дадут? Да бросьте. Ордена-то как раз – признак системы той самой...

– Да... Оно так.

– И вообще, когда вот кричат на разные голоса: «В РПЦ нет свободы! Зажимают свободу! Дайте свободы, сатрапы!» – то кричат, по-моему, дураки. Извините за грубость...

– Почему дураки?

– Да потому что не понимают элементарной вещи: у тех, кто, по их мнению, «зажимает» свободу – у самих ее нет. Они ее ДАТЬ не могут – и ЗАЖАТЬ не могут...

– Значит...

– Значит, где-то в другом месте источник свободы. И «отнять и поделить» – не обретение свободы, проходили уже. Помните, Василий Великий: «Справедливость – это не всем раздать поровну, а каждому воздать по состоянию и делам его»... ну, я примерно...

– Помню...

Чем проверяется «на вшивость» жизнь поэта?

Поэзией же.

Например, сижу я тут в фейсбуке, дребезжаще напеваю: «Никого не будет в доме, Кроме сумерек, один...» и пр.

И чувствую – гарью пахнет.

Только захотел я вскричать: «Что у вас там горит?!» – как вспомнил – а некому услышать. Потому что Андрюша вчера упил в Москву, а Галя и Савва сегодня уехали в Красноярск, планово лечить Савву от астмы.

Ну, коты еще есть, но они яко рыбы безгласныя.

Так что пришлось самому идти на кухню и наблюдать, как варимые мною вареники с капустой, из которых давно выкипела вода, поджариваются в кастрюле...

В общем, я что хочу сказать.

Что пусть у всех нас – хоть кто-то еще будет в доме.

Кроме сумерек.

Хоть один.

На почте.

Вот есть мнение, что Христос – всегда с униженными и оскорбленными, с самыми нелепыми, лишними и незначущими мира сего, которых значащим – и жалко где-то, но и сил на них нет, и глаза-то бы их не видели...

На почте, например, таковые – из нелепо раскрашенных и одетых, глуховатых и оттого громогласных, пигментных расплывшихся старух, которые проталкиваются к окошку, наступая ногами или тростью на окружающих, оттесняя навалившихся на стойку, и вопрошают: «А кто последний за пенсией?».

И сплоченная тягостным ожиданием очередь, рассеявшаяся на скамейках, торжественно и мстительно говорит ей: «Нечего толкаться! К терминалу идите, как все, берите талончик и ожидайте!»

И старуха становится бедной, щеки ее мелко трясутся, она ковыляет к терминалу, ищет и не находит, и весь-то этот стройно (как думала в оные времена сама старуха) и справедливо устроенный по отношению ко «всяким там» мир теперь оборотился на нее и осуждающе смотрит-смотрит, как вий; и столь же громогласно, хотя по инерции требовательно, но уже и вселенски-потерянно, почти панически, расспрашивает старуха всех, что такое этот самый терминал, и куда надо в нем пальцем ткнуть, и тому подобное.

И тут непременно является Христос, в виде хоть кого-нибудь, и быстро и без лишнего шума расспрашивает: вам, бабушка, что? а, пенсию. Это вот сюда надо нажать... вот, держите талончик, слушайте – они ваш номер такой-то объявят, и пойдете к окну номер столько-то, они скажут. А тут и второй Христос непременно сыщется: да вот место есть, вы садитесь, еще долго ждать.

Ну, не второй, конечно, – это человек второй.

А Христос – Он, как известно, всегда и во веки тот же.

Он там на почте всегда уж эту старуху поджидает.

Букву «ё» нельзя удалять из алфавита.

Она – такая же человеческая несовершенная рифма к букве «е», как сам человек – рифма к Богу.

Когда утром жена читает на кухне пред иконами утреннее правило, кошшонка сидит напротив неё на кухонном диванчике и внимательно следит за крестящейся рукой.

Потом внезапно прыгает ей на живот и виснет на когтях.

Что добавляет молитве чувства живаго.

Иногда, слышу, и слов неуставных.

И поднялась великая буря; волны били в лодку, так что она уже наполнялась водою. А Он спал на корме на возглавии. Его будят и говорят Ему: Учитель! неужели Тебе нужды нет, что мы погибаем? И, встав, Он запретил ветру и сказал морю: умолкни, перестань. И ветер утих, и сделалась великая тишина*.

* Мар. 4, 37-39.

Когда это читаю, всегда думаю: это КАК надо было вымотаться, чтобы спать в лодке, в неудобной позе притулившись, во время бури...

Представьте свою реакцию, когда вас вот так разбудили.

Когда раздались первые аккорды, кошка воспряла ушами и недоуменно и внимательно уставилась перед собой большими глазами – в музыку. Стараясь увидеть звук, она пересела вверх, вниз, напротив проигрывателя, вытянула лапу, попыталась звук нащупать. Снова какое-то время смотрела перед собой; потом наконец нашла место – на спинке дивана, спиной к источнику звука.

Собралась уточкой, подбородок положила на кулаки, полуприкрыла глаза и стала слушать; уши подергивались в ответ звукам рояля.

Когда увертюра кончилась, было вскочила, но зазвучала аллеманда, и она мгновенно приняла прежнюю позу.

Бах, Партиты №4 ре мажор и №6 ми минор, исполняет Антон Батагов, фортепиано, запись 2017 года, в зале культурного центра ЗИЛ...

Рояль (немецкого умляута у меня нет, напишу коряво по-русски) Бозендорфер, и звучит он... ТАК звучит. Как, по-моему, должен звучать рояль... нет. Как звучал первый рояль до грехопадения.

Картина такая:

Правый Суд свершился.

Одесную – сонм святых.

Ошую – церковные осужденные. Все, кто там был некогда в сани: фарисеи-лицемеры, крепостники-салтычихи, педофилы-мздоимцы-бюрократы, алкоголики-самоубийцы, псы нелающие, бредящие лёжа; окружены конвоем, кто вопит, кто хрипит, кто проклинает, кто скрежетаху зубом своим, подвигаются толпой к яме, на дне ямы – озеро огненное с червем неусыпающим, ссыпаются в неуголимое.

Тут из сонма святых: «Погодите!.. Минуточку!..»

Из стройных рядов к толпе осужденных протискиваются, запыхавшись, и молчком присоединяются, один за другим: владыка Антоний, мать Мария с Фондаминским, матушка Иоанна, отец Александр, отец Георгий, отец Павел, и еще, и еще, и еще, не сосчитать... Вместе со всеми – прыгают в дышащую жаром яму.

Ангелы-конвоиры только головами качают.

— Вот вечно им спокойно не живется!.. Вечно у них прихоти какие-то...

— Нееет... Тут, брат, не прихоти...

— Угу... А что? Жизнь? Такой очередной этап жизни святых просто?

— Да. Типа того. Жить начнут там сейчас, в геенне... Обустроятся, работать станут, одного спасут, другого-третьего...

— Да, я так и думал... Сам-то с ними?

— С ними, куда Он делся.

— Ясно... А нам с тобой что, опять без отпуска?

— Похоже на то.

— Эххх... ну... чего теперь... слава Богу за всё, как говорится.

Сидит у нас у собора на паперти – Люба.

Молодая еще, бодрая, семидесяти нет, высокая, крепкая, стройная, загорелая, белые зубы...

Сын у нее в Москве, внук в ФСБ идет учиться, дочка – в Италии, выходит замуж за итальянца, врача из хорошей католической семьи, работающего в Ватикане. Люба время от времени к ним ко всем ездит в гости...

И много уж лет подряд – на паперти, милостыню собирает.

Ежедневно, в дождь, в зной, в снег.

Верует сознательно, крепко, знает христианство, причащается часто.

Деньги Любе завсегда нужны, на эту милостыню она детей и вытянула – я их еще мелкими помню, бегущими в Воскресную школу, на исповедь да к батюшке на благословение, потом – болеющими извечными подростковыми бунтарскими акне* ...

Но и не только деньги, увидел я с течением лет.

Жизненная позиция у нее такая.

Не отменить Я пришел закон, но исполнить.

Прекрасное старинное слово – «исполненный».

«Синий вол, исполненный очей»...

Если вынуть Христа из мира, из всего самого лучшего, что есть в мире – вытечет и это Христово исполнение, и самое лучшее станет адом.

Те же права человека: «Если право ищется в естественно-данном, то тем самым воздается честь воле и дару Творца, даже в раздираемом противоречиями мире, и одновременно указывается на исполнение всякого права, когда Иисус Христос через Святого Духа дает каждому свое» (Бонхёффер о принципе *suum cuique***) – сиречь если забыть о Царстве и исполнении в нем человека, исполнении его права как Дара, то вполне закономерно, что «Каждому свое» напишут над воротами очередного Бухенвальда.

Из 138-го псалма:

«Ибо Ты устроил внутренности мои и соткал меня во чреве матери моей.

Славлю Тебя, потому что я дивно устроен. Дивны дела Твои, и душа моя вполне сознает это.

Не сокрыты были от Тебя кости мои, когда я созидаем был в тайне, образуем был во глубине утробы.

Зародыш мой видели очи Твои; в Твоей книге записаны все дни, для меня назначенные, когда ни одного из них еще не было.

Как возвышенны для меня помышления Твои, Боже, и как велико число их!»

Из «Этики» Дитриха Бонхёффера:

«Человек – телесное существо и остается таким также и в вечности. Телесность и человеческое бытие неразрывно связаны друг с другом. Поэтому телесности, со-

* Угри, воспалительное заболевание кожи, особенно в период полового созревания.

** Дитрих Бонхёффер (1906–1945) – немецкий лютеранский пастор, богослов, антифашист. *Suum cuique* – «Каждому свое» (лат.).

творенной Богом в качестве формы существования человека, свойственно быть самоцелью. <...> Если же телу присуще свойство быть самоцелью, то существует право на телесные радости, не обязательно при этом подчиненные некой более высокой цели. Сущностным свойством самой радости является то, что целесообразность губит ее».

И еще оттуда же – об игре:

«Игра, по сути своей, чужда всякой целесообразности, что становится наиболее ярким выражением покоящейся в себе самоцельности телесной жизни».

«Целесообразность» у Бонхёффера я прочел примерно как «нужду», «надобность» – то, что легло на человека как груз после грехопадения...

Алексей УСТИМЕНКО

Полонез в туркестанском халате

Главы из новой повести

Пока артистки наряжаются за занавесом и готовят все для представления, собрание не начинается. Затем раздается звонок, как бы извещающий: «Отсутствующие явитесь, разошедшиеся собирайтесь: внимайте, мы покажем представление».

Ахмад Дониш¹

Из рассказа о путешествии Абулькасим-бия в Россию.

I. Санкт-Петербург. Мокрые камни

Стройный красавец с оранжево окрашенной бородой Абдулкадыр-дадхо², назначенный в Санкт-Петербург посланником для торжественного случая – быть на бракосочетании дочери Александра II-го Николаевича, – привез с собою из Бухары три жены и некоторое количество слуг. Последние, неожиданно, оказались без надобности. Русские люди, отчего-то – до странности – почти все с немецкими фамилиями, – кажется, еще до приезда хорошо озаботились их нынешним пребыванием в столице.

Еда готовилась татарскими мастерами-ошпазами³ по привычным азиатским соображениям. Больше того, даже с пониманием и учетом здесь, в Москве, догоняющих мусульманских праздников. А буде изъявлено желание хоть бы и одного из посольских, – русские повара тут же еще прибавляли и своих разных блюд, и иных, видно, ими изученных в совсем уж далеких кухнях Европы-Фарангистана.

Все кони, истощавшие за многомесячный переход, устало толклись в чужих гостеприимных конюшнях.

Верблюды, до единого сохраненные на трудном пути, скучно жевали вислыми губами, подремывая в определенных им стойлах, вряд ли замечая, что только одного из них нет на месте... Не самый жилистый из них, но и не самый худой и худший, чем-то так поразил встреченного у самого въезда в Санкт-Петербург какого-то случайно наскочившего на караван купца, что тот не поскупился на

золото и, надоедливостью убедив караванбоша⁴, купил его себе. Аллах ведает – с какой целью...

Зато теперь среди новостей мокрого города бродит некая, весьма убедительная, – будто настоящий запряженный в сани верблюд готов развозить от Невского и до самой Лахты разную рухлядь и кладь господ петербуржцев с платой по немалому, но все-таки договорному, прейскуранту...

Желающих до сих пор не собралось. Зато вослед запряженному верблюду всегда набегали мальчишки. Солдат на санях плевался в них сухой слюной, бестолково вертя щелкающими вожжами. Полозья скребли по камням острым звуком, двигаясь впустую, бесполезно.

Абдулкадыр-дадхо знал как будто бы все обо всем здесь происходящем, а потому с самого начала их пребывания в России ему жилось скучно. Солнца нет. Желтый навозный снег и перед дворцом, разъезженно хлюпает даже под государственными ногами.

Две петербурженки, встретившись, замерли почти под окном, заговорили, то и дело отряхивая свои шерстяные шапочки и воротники от налипающего снега.

Абдулкадыр-дадхо опять сунул ожидающее лицо за блестящую штору: толста, можно и не расслышать, как подкатит обещанная карета... Не просил, да пообещали. Скорее всего, это тяжкоголовый решил. Не сидится ему в тепле.

– Я бы их всех разогнать велел палками, – вслух произнес Абдулкадыр-дадхо, отходя от окна, прячущего столичную мглу за теплыми красными шторами.

– Кого? – осторожно спросила средняя жена, Зулайхо, очевидно, раздумывая, подойти или не подойти к запотевшим стеклам, чтобы поглядеть за ними.

Конечно, он сказал про мальчишек, но она поняла, что про кого-то еще. Он поморщился. Если посланника понимают – такое плохо. Такое ни к чему...

В неумении спрятать себя пусть живет всякий, но только не он... Если хочется жить в Бухаре. Не в смысле вернуться, а в смысле – жить, то есть, просто выжить.

Однако Зулайхо всегда оказывала нужную вежливость мужу и преданными словами.

Вот – подошла. Рядом стала и долго разглядывала засыпаемых снегом женщин.

Непонятно даже – как стоят? А уж как ходят – совсем неясно... Сверху – узко. Снизу – раздуто. Похоже: каждая казан перевернутый под юбку засунула и на нем верхом, как на коне, восседает. А когда ходят, должно быть, между ног его волокут. Прижмут, придавят и семят себе потихоньку, шажком ишачковым, меленьким.

Зулайхо ладошкой рот придержала – не положено здесь рассмеиваться, хотя очень хотелось. Поразглядывала, сделалась серьезной, потом сказала:

– Теперь я знаю, отчего русские пришли в Ташкент...

Еще немножко подумала, добавила:

– ...и почти в Бухару. Им здесь холодно, и некуда убегать, чтоб согреться. А у нас тепло. Птицы. Весною желтая черешня сладкой бывает.

Абдулкадыр-дадхо отвечал почти машинально:

– В таком случае, может, вы знаете, может быть, объясните, – мы-то сами зачем сюда пришли?

– Ну, уж никак не для того, чтобы огорчаться! – раздался неожиданный голос от дверей.

Зулайхо вежливо вскрикнула и – наклонив головку, будто в смущенном смятении, – мелкими шажками пробежала в женский угол, лишь на мгновение скосив подкрашенные чернотой глаза в сторону произнесшего. И этого взгляда ей хватило, чтобы весело фыркнуть.

– Раз уж пришли, так пришли, – покачивая непомерно большой головой, продолжил вошедший. Громадная белая чалма, увеличивая ее едва ли не вдвое, высилась до притолоки, – куполом здешних церквей.

– Раз уж пришли, так пришли. Ну, почти взяли они, эти русские, наш народ в свои комнаты. Получается, что теперь мы тоже живем в них, пусть и не своей волею. Но если все так, отчего не воспользоваться случаем? Может, Аллаху, Дающему средства к существованию, продлевающему жизнь – Аль-Басит и Уравновешивающему противоречия – Аль-Джами⁵, угодно было тем самым приоткрыть для нас некоторую, до сего дня неведомую и недоступную сокровищницу, рассыпь марва-рида⁶?

Зулайхо, не слушая, прошептала какие-то веселые слова другим женщинам. Чуть-чуть прикрытые тканью лица снова перешепнулись. Вот-вот не удержатся и рассмеются вслух.

– Забылись! – отойдя от шторы, грохнул Абдулкадыр-дадхо. – Осмелились смеяться над словами самого господина Ахмада-урака⁷?

– Простите, господин... Но... неужели не увидели? Уважаемый Ахмад-урак зачем-то спрятал свои глаза за стеклянными донышками от стакана...

Теперь смех было не удержать. И он вырвался в три высоких, ничем не останавливаемых женских голоса.

Абдулкадыр-дадхо тоже не удержался, гыкнув несколько раз, особенно – разглядев Ахмада, все еще стоящего у дверей. На носу у этого, после него второго по значимости, посольского человека – чуть косо – крепились большие очки с круглыми стеклами, действительно – будто чайными донышками из стекла.

В комнатах, где расселились женщины, успокаивающе стояло неторопливое и постоянное гудение. Женщины разговаривали. Перенеслось такое гудение и сюда, в гостиную...

Удивительные они все-таки существа... Полмира недавно прошли. Из тепла в холод прокочевали. По инеем покрытому песку. По камням, от неровности которых синие пятна у него на заду, кажется, навсегда прижились, да еще кожа ног от верху и до самых колен изнутри стерта. У них-то ведь тоже. Хоть меньше, чем у него, но и здесь до почти что крови. Ведь и верхом бывало. А терпят, когда он трогает их голые ноги. Губы кусают, вздрагивают до слез, но терпят, терпят...

А еще говорят все о том же, о чем говорили и в Бухаре.

Будто не чужой город вокруг, не черные и серые камни, которыми, отсюда кажется, плотно обложен весь мир, а – привычные купола: и Таки Заргарон, и Таки Тельпак Фурушон, и Таки Саррофон... Будто за зеркальными стеклами те самые купола, под которыми каракулевыми шапками и золотыми браслетами с одинаковым рвением торгуют. Будто совсем под боком – только выгляни – оранжево-

коричневый узорчато выложенный камень минарета Калян торчит между мечетью и медресе. И аисты топчутся в своих плоских гнездах между четырех башенок Чор-Минора.

Если, конечно, задуматься, как он сейчас, то даже радость от этого и ему тоже...

Понятно, если бы не фирман⁸ самого эмира⁹, никакой шайтан не загнал бы Абдулкадыра-дадхо под мутное, стекающее на их головы, жидкое и холодное стекло петербургского неба, на этот конец мира, сотворенного Всевышним – велик Он и славен! – не иначе как для врагов Ислама и всего Бухарского эмирата! Но всякий указ Музаффара¹⁰ – благоволение. Радуйся и когда веревку на шею накинута.

Две женщины, совсем-совсем уж присыпанные снежною пудрой, над чем-то смеялись, похоже, вовсе не собираясь расходиться...

Здесь – тоже женщины. И здесь кому-то с ними совсем хорошо и совсем тяжело.

Дорога, приведшая их сюда, вилась длинной змеей, бесконечной, не кончающейся. И не была однообразной. Веками торившие ее люди упрямо вытаптывали пространство для своего ровного караванного движения. То – по глиняным плоскостям, выбивая желтую пыль. Густую, как раскаленный воздух. Вдыхаемую вместе с ним и застревающую глубоко в горле. То – по каменным расползающимся россыпям, прорезающим кожу сапог едва ли не насквозь. То – по расхлюпавшейся, разваливающейся на две стороны, будто подрезанной омачом-плугом, совсем черной земле, негостеприимно расстилавшейся под копытами коней, колесами арб и телег уже здесь, в русской стране.

И оттого, что бесконечная дорога не оказывалась гостеприимною и не представляла вдоль себя, где-нибудь по обок, ни караван-сараев, ни лесных или деревенских избушек, ни даже и пустого места под невысокие походные шатры, – где-нибудь среди гор особенно, – значимость людей, ехавших с его посольским караваном, окончательно перепуталась. И слуга, единственно умеющий сохранить костер, мог почти что приказом отправить важного человека рубить сучья или же выискивать хворост, чтобы всем вместе не померзнуть.

Спутались и открылись в том длинном пути и все тайны совместно со всеми едущих и бредущих бухарских женщин. В пути они еще до самых глаз упрятывали пыльные лица в пропотевшие шелковые платки, когда на них смотрели в упор незнакомые люди. Но когда не смотрели – уже и не закрывались. Они еще ели поодаль ото всех, сидя кружком, подвернув под себя усталые ноги, но уже во время движения каравана оказывались среди всех, не исчезая в никуда, как исчезали дома в прохладные уголки ичкари – женской своей, скрытой от всех территории. Теперь их видели не только слуги, – теперь их видел тот же чужой для семьи Ахмадий. И они не прятались в глубины комнат Санкт-Петербургских дворцов, которые здесь и для них тоже были, но оставались сидеть среди всех на коврах общей гостиной... Чужим не зайти, а посольские, – тот же Ахмад за многодневную отзмеившуюся дорогу стал будто своим. То есть – ни для кого из них как бы и не заметен... Они ж для него иными вообще никогда не были.

Лошадиный постук сейчас отъезжающих тоже все не расслышивался.

Отчего со двора, из этого полузамкнутого курдонёра¹¹? Отчего без подобаю-

щего, впереди бегущего и оповещающего всех об их движении, громкоголосого гонца-скорохода?

Ведь, вот, – веющий там, снаружи, снег по стеклу хоть и тихо шуршит, его-то ведь слышно. И посланникову карету Ахмада-урака должны видеть и слышать все.

– Изволим ехать, господин посланник? – тоном, меньше всего похожим на вопрос, спросил Ахмад-урак и указательным пальцем правой руки ткнул в стекло очков, укрепил их повыше.

– Карета еще не подъезжала, – мотнув головою в сторону затуманенного окна, сказал Абдулкадыр-дадхо.

– Я приказал не поднимать шума и отказался от конных стражей...

Глаза Абдулкадыра сделались очень большими.

Женщины в уголке, оборвав свой перешепот, спрятались в тишину.

– Как это?

– Все-таки зима, хотя и мокро. Я приказал подать крытую карету для нас четверых... – Ахмад-урак с удовольствием выговорил по-русски это слово – «карету».

– Но я ничего не видел...

– Господин посланник смотрел не с той стороны, – весело проговорил Ахмад. – Я приказал подъехать к нам со двора.

– Но эскорт? Но стража? Это не почетно – выезжать с ними не с большого крыльца, а со двора. Посольство эмира благословенной Бухары не может...

– Я отпустил их, – и опять очень невежливо произнес свое слово этот самоуверенный Ахмадий. Видит Аллах – не хочется гневаться, но этот почти старик в круглых стекляшках и с чалмою, похожей на хорезмийскую дыню, слишком независимо себя ведет. Люди, смотрящие со стороны, те же самые пугающие русские, могут забыть, кто тут первый посланник, кому почести отдавать.

– Но как это?.. Без почета, без конного окружения... Что подумают о людях великого эмира Музаффара?

– А ничего! – уж совсем беззаботно отмахнулся Дониш¹², тяжело качнув головою. – Нас никто не увидит. Я приказал завесить оконца кареты непрозрачную тканью. Едем же не во дворец, зачем чтобы видели? «Кунсткамора», – еще одно слово, выученное им, – да, «кунсткамора» ни во всадниках, ни в глашатаях не нуждается.

– Тогда я не еду, – твердо, стараясь подчеркнуть неудовольствие старшего, произнес Абдулкадыр-дадхо, начальник бухарской миссии, первый посланник.

Ахмад понял это неудовольствие, но, спиной отходя к дверям, поклонился не очень низко. Так кланялись всякие придворные русские в старинном, ими некогда тщательно вытанцовываемом менуэте.

– Что ж... Там нет золотых вещей, – сказал он, все-таки не поднимая глаз. – Но только есть такие чудесные редкости, которых никому не случалось видеть даже и в сокровищницах турецкого султана.

Абдулкадыр-дадхо отвернулся.

Его Величество эмир Музаффар, перед самым сюда их отъездом, тайно отведя в потайную же комнату – в зеленых коврах и с зелеными цветами по расписным стенам, – почти уткнув свое узкое лицо в полы халата Абдулкадыра-дадхо, назидал посланника, дыша на него розовым благовонным маслом:

«Мой посланник, надеюсь, не сделается болтлив перед лицом этих русских. Пусть даже и самого белого царя. Он не осквернит ненужными словами свое пребывание там и мое пребывание здесь, в Бухаре. В посланниковом молчании Петербург должен одновременно увидеть и покорное молчание моей Бухары, пусть и не павшей им под ноги, как Ташкент, – и скрытое отторжение от них, пришедших в Азию незваную силою... А скажешь лишнее слово – нарушишь всякое равновесие. Петербургские уши обязательно услышат одно: либо покорность, либо все наше недовольство ими. Самое сладкое ваше слово будет истолковано именно так. Что – опасно. Резких же слов совсем быть не может. Нам до нужной поры, время которой сегодня видит и ведает один лишь Аллах, – велик Он и славен! – следует только молчать. И вы – молчите... В молчании и наша мудрость, и вся наша дипломатия. Важность молчания – посланникова сила.

Посол не должен уметь ответить, когда его спрашивают. А если он может, то пусть лучше сам спрашивает, но только не отвечает ни письменно, ни устно, а то – не приведи Аллах! – противник заметит слабость нашего государства...».

Он притянул Абдулкадыра-дадхо за полу халата, еще поближе:

«И за большеголовым смотрите. Он умен, но – не знаюш. Знаюш, но – не умен. Он там узнает много такого, чего никогда не узнаете вы, мой господин посланник. Пусть узнаёт. Не останавливайте. Нужное – возьмем себе. На ненужное закроем глаза. Верно?».

Абдулкадыр-дадхо почтительно наклонил голову...

«Однако же и ему следует вести себя молчаливо. Попробуйте не уследить!».

Сощутив глаза, эмир Музаффар тогда так оттолкнул Абдулкадыра-дадхо, что голова назначенного посланника не успела за оттолкнутым телом и мотнулась туда-сюда... Ей сделалось страшно, как всегда – и сегодня, и во все изжитые времена – было страшно всякой самостоятельной голове в жарком Бухарском эмирате.

Снег похолоднел, стал настойчивей. Теперь он уже стучал, царапался и карябался – просился войти.

Абдулкадыр-дадхо поежился, почти ощутив, как этот снег с налету примется колоть его лицо, выйди он наружу на эту Большую Морскую.

Две женщины продолжали стоять и болтать почти что под самыми окнами. Беспокоя, почти раздражая. Изредка, выпрастывая руки из маленьких черных, шелком поблескивающих меховых муфт, они машинально сбивали снег со своих шапочек.

Нет, только лишь за теплом – русским далеко уходить не надо... Значит, за чем-то другим? За золотом, как всегда и всюду? Аллах ведает.

Белая мостовая внизу, чистая, как блестящий шелк, только изредка напитывалась желтыми пятнами, растворяя в себя круглые катыши лошадиного навоза. Из арки, ведущей из внутреннего двора, отчего-то все еще не выезжали. Белый, все утолщающийся шелк оставался непорочным. Таким бы вот ему и всегда оставаться, да не останется.

Щеки женщин сделались мокры от розовой зимней разгоряченности. Их захотелось поцеловать.

Поглядывая в просвет проезда на главную улицу, второй по значимости в по-

сольстве посланник Ахмадий Дониш подергивал плечами от стылого воздуха, накопленного внутри кареты, молчаливо вслушиваясь в который раз повторяемые сетования переводчика Казимбека¹³. Драгоман не умел предопределять события и страдал неполитическим нетерпением:

– И чего все ждем да ждем? Застудимся, господин посол. Может, все-таки стро-немся?.. Сами же указали, что тот отказался поехать...

– Потерпите, уважаемый... Он сейчас снизойдет...

– Вы читаете мысли своего начальника?

– Я читаю мысли приставленных ко мне людей...

Снег, набирая силу, все шелестел и шелестел по тонкому дереву крытой кареты.

Ахмад Дониш терпеливо отмалчивался.

Женщины за окном комнат в последний раз хохотнули и разошлись, натапывая маленькие следы.

Абдулкадыр-дадхо хлопнул в ладоши, приказав одеваться.

Болела шея, скрученная долгим смотрением за чужие стекла. Тяжелела голову громадная шапка с густо-зеленым бархатным верхом, отороченная лисьим мехом: пушисто-длинный ее хвост искристо переливался померанцевым цветом.

Зима 1874 года в столичном Санкт-Петербурге оказывалась ни то, ни се. Берегла посланников от морозов, что ли? Весь январь только и хлюпала оттепельными лужами.

Снег шел бестолково, как будто ни для чего.

II. Кунсткамера. Желтые младенцы и черное ружье – карамультук¹⁴

Скрученные желтые уродцы, подрагивая от прислушивания к чужим шагам, шевелились медленным шевелением, плавая в мутных спиртовых жидкостях своих круглых стеклянных гробов.

Ахмаду они не нравились еще с прошлого – в 1858 году – их посещения. Они были худшее из того, что он обнаруживал для себя и других в петербургской кунсткамере. Зато нынешнему посланникову – в первый раз любопытствующему – взгляду они весьма приглянулись. Он то подходил к ним поближе, притоптывая сапогом по твердому полу, то отходил назад, опять не позабыв пристукнуть крепенькими каблуками...

Уродцы младенческого возраста – с двумя головами, с тоненькими свинными хвостиками, проклюнувшимися над ангельскими, но картофельно-сморщенными их задницами, со своими излишними пальцами или же – вовсе без оных, от такого пристукивания делали живое шевеление в закупоренных банках и радовали Абдулкадыра-дадхо своим мертвым оживлением. Одно лишь тяжелое, обшитое потрескавшейся черною кожей кресло, приткнутое к углу, безмолвствовало.

При всяком таком испытывающем подпрыгивании серенький сюртучок старика-смотрителя оказывался возле черного сюртука переводчика Казимбека. Старичок вздрагивал от собственного страха, сопровождавшего такое – недостойное его – соприкосновение с господами интересующимися, но все-таки дер-

гал за рукав драгомана и прошептывал недовольные слова почти в самое его ухо.

– О чем он говорит? – не оборачивая тяжелой головы и не переставая с иронией поглядывать на движения Абдулкадыра-дадхо, спросил Ахмад.

– Боится, что посланник чего-нибудь разобьет.

– Пусть уходит, – поморщился Ахмад. Ему не понравилось такое неуважение, явленное всего лишь в предчувствии поступка, но никак не при совершении его.

Оказалось, что старый серый сюртук в своих наглых словах пошел еще дальше.

– Еще говорит, что никак не уйдет. Поскольку приставлен доглядывать – как бы кто не унес с собою какую-либо понравившуюся ему штуку.

Пальцы Дониша зашевелились как-то сами по себе, сжимаясь и разжимаясь. Будто придушивали кого-то:

– Должно, в колодках не сиживал или не порот еще... В Бухаре бы, однако...

Он остановил себя и постарался произнести серьезную фразу, более достойную дипломата.

– Переведите ему, что перед ним – люди государственные. Посольские. О них и самому государю Российскому общеизвестно. И их поведение, применительно к званию, всегда достойно.

Казимбек сдвинул брови, перевел строго. Но, получив ответ, рассмеялся:

– Смел старик! Ничего не боится. Отвечает, что от людей государственных всегда всякой кунсткамере самый убыток и есть. Они, конечно, никак не воруют. И не живут каким-нибудь тайным для этого действием... Но они когда хотят, тогда и дарят на сторону что кому понравилось. Чем важней господин, чем важнее их светлости, тем больше за ними водится таких вот желаний. От иных из осматривающих кое-что и припрятать не грех. Три раза резной костяной шар из Китая за штору клал, задвигая. В закутки разные схоранивал. А не углядел. Нет шара. Говорят, во двор государев доставлен. Взяли на временное рассмотрение. Да, видно, так его там и прикормили. А шар важный был. Весь из мелкой работы, из резьбы. И еще из других пяти штук внутри него, непонятно как туда помещенных идвигающихся там независимо.

– Таких чудес у нас не увидишь...

Ахмад не сразу понял, что переставший подпрыгивать и подошедший к нему Абдулкадыр-дадхо говорит не о китайском шаре, а об этих желтых младенцах. Щеки разгоряченного удовольствием Абдулкадыра-дадхо не порозовели, как у светлокочих здешних людей, но потемнели до мягкой коричневатости.

– Таких уродцев? И – в Бухаре?.. – все же сообразив, о чем печалится посланник, вопросом ответил Ахмад. – Вот и хорошо, что Аллах не допустил этого.

Абдулкадыр-дадхо, похоже, не согласился. Любовным взглядом он скользнул по замершим бутылкам:

– Эти чудные научные изобретения могли бы лучше сур¹⁵ из Корана убедить наших женщин держаться подальше от греха. Пришло бы вечное понимание – чем Аллах награждает согрешивших. Они бы узнали...

– Согрешившие знают. Только здесь они выставляют свой грех на глаза посторонних...

– О грехах человека должны знать все. Таков закон общей жизни.

– О грехах – да! Но о глупостях?.. – передернул плечами Ахмад Дониш. – Скажем, – кто вступает в брак ради детей, видит, что у его соседей прекрасные дети. Из-за самовлюбленности, в силу которой многие высокомерные глупцы не видят своих недостатков и пороков, считая праведными все свои слова и поступки, он воображает: «Если и я женюсь, то, при моем уме и дарованиях, мой сын может стать главою города, лучшим хакимом, а то и Абу-Али ибн Сино нашего времени... Ведь вон у того дурака – сын какой умница!».

А как женится, сын у него выходит непутевым и жуликом, из-за путаницы дозволенного и запретного в материальных делах. Да и из-за неуместных разговоров и несвоевременных супружеских сношений. Потому что когда, в благоприятный момент, муж ищет сближения, жена в это время, по неозвучаемым здесь причинам, расстроена и не дается мужу или приводит какое-нибудь законное оправдание. А в злополучную минуту, когда по закону шариата надо соблюдать осторожность и когда муж испытывает к жене отвращение, она подстрекает его на это... И, в конце концов, рождаются те, которым лучше бы не появляться на свет. Поэтому несчастья детей большей частью происходят из-за нечистоплотности родителей...¹⁶

Разговор казался серьезным, но на самом деле был пуст, как истраченные в дороге сморщенные горбы караванных верблюдов, вступивших после пустынного пути в домашнюю пыль чужих пока для бухарцев улочек Оренбурга¹⁷.

Мир видится скучным не потому, что таков сам по себе, но из-за того, что ты смотрел на него не с тем человеком.

Кунсткамера была переполнена уродцами, а потому – мало рассказывала о во-круг существующем настоящем.

Ни о той жизни, что изо дня в день тянулась влажным туманом по камням улочек и проспектов мокрого Петербурга, ни, уж конечно, о той, что – как вспоминалось – существовала за расплавленным горизонтом. Две реально существовавших жизни обретались так далеко, так отторгнуто друг от друга, что, находясь в одной из них, – ты вторую видел словно бы в домысленном приснившемся мираже. Они не взаимопроникали и оттого – предстательствовали пред любопытствующими людьми вроде тоже мертвых, изbleванных понятной близкой жизнью, уродцев.

Только две азиатские штуки, невесть как сюда попавшие, невесть кем сюда, в Кунсткамеру, притащенные, как представилось Большеголовому Ахмаду, что-то все же нашептывали любопытствующим и о любимой им родине. Но шепот этот столь же отдавал мертвечиной, сколь и младенцы, купающиеся в мутнеющем спирту.

Первый отживший шепот щекотал ноздри равнодушной шерстяной пылью, накопленной между сухим и неживым волосом туранского тигра.

Когда однажды еще юный Ахмад охотился на совершенно такого же зверя в тугаях возле ничего не значащего городка Ташкента, он и представить не мог, что вся эта мощь железным узлом перевитых тигриных мускулов, смертельных для всякого попавшего между ними, весь этот солнечно-желтый и коричневый блеск лоснящейся шерсти способен погаснуть, иссохнуть и умереть. Как умирает солнце,

само себя погубившее, отраженное в высыхающей во мгновение ока лужице воды, случайно выплеснутой на камни...

Рыхлое чучело туранского тигра затиснуто темнело в самом углу дурно пахнущей комнаты, переполненной пристреленными или придушенными животными и птицами. Молчащими. Отовсюду натащенными сюда для лицезрелищной человеческой забавы. Вздутые соломой ли, сеном ли, гнилыми ли тряпками, набитыми в животы, они следили за проходящими мимо них людьми, напоминая выражением своих стеклянных глаз о времени предстоящего Страшного суда, когда – быть может – и им тоже будет предоставлено обвиняющее слово...

Штукой второю, огорчившей Дониша своим, тоже обиженным, шепотком, стал мультук, сиротливо повисший на обтерханной тонкой веревке, подвязанной к стволу и прикладу вместо кожаного ружейного русского ремня. Ею же, но уже твердым ровным рядком, к ложе ружья был плотно примотан и темный ствол. Всего лишь – карамультик, до дорогого ружья не дотягивающий. «Черные ружья», обычно приходящие в азиатские места с Афганских гор, а то даже из Персии, вытесненные новыми образцами и сосланные в его, Дониша, горы и пески: нате вам, братья-мусульмане, теперь и вы фитили запаливайте...

И – запаливали, и палили. С грохотом от взрывающегося пороха, со вспышками, вверх и в правую сторону, белого огня, возжженного тлеющим веревочным фитилем.

Ночами же особенно раскатывались громом рыгающие древние кочевничьи мультуки. И разбрызгивали огонь во все стороны. Нечасто, как всегда казалось, тяжелыми пулями попадая в зверей на горной охоте и – слишком часто, как тоже казалось, – в живых людей из чуждых им степных караванов.

Из вот таких, уж точно, мультуков били и по ним, деловито недавно бредущим к Оренбургу через серые барханные пески на юге Хорезма. Попадая в похудевшие ребристые от долгого передвижения бока верблюдов, разрывая сухую и пыльную кожу, вдребезги и в щепу разбивая сундуки с подарками царю Александру и с сухими лепешками дорожной еды. Бурдюки лопались от разбойничьих пуль почти бесшумно, выплескивая недолго журчащую воду тонкой струей вниз, как лили из себя желтую воду перед тем еще не посеченные пулями, несущие все верблюды.

Все это были «карамультики» – «черные ружья». Отличающиеся от себе подобных черною же, как правило, – разбойничьей кровавою работой. Предназначенной для поддержания жизни кочевых – даже без всяких подножных трав существующих, – высохших людей. Прилепившихся к подножиям гор из острых камней и к душным просторам тяжелых песков. Ничего от сотворения мира не производящих. Пустых, похожих на груди старух, вытекших от уже бесполезного женского существования, а не от пуль. С кожей, не менее сухой и жесткой, чем у их собственных верблюдов.

...Со дна души пузырьками воздуха, оторвавшимися неведь откуда и – в покачивании – всплывающими на поверхность, поднималась не объяснимая пока тоска неудовольствия.

Желтые младенцы, успокоившись, отдыхали.

Абдулкадыр-дадхо внимательно взглядывал на Дониша, не понимая меняю-

щегося выражения его лица: о чем говорит серенький смотритель в сереньком сюртуке – с уверенностью догадывался, а о чем думал второй после него человек посольства – не понимал. Дознается, конечно, попозже. Теперь же, глотнув пыль, отомкнул специально искривленную дверь большого земного глобуса и втиснулся внутрь, на особую скамеечку. Сидя на ней и задрав голову, можно было до полного удовольствия разглядывать всю небесную, над Петербургом изнанкою вывернутую, звездную сферу, играя в догадку – какая из сцепленных в кучку звезд, то есть – какая намалеванная над головою картина имеет схожесть с картиною, например, звезд бухарских или, – одинаково допустим, – ташкентских. Одинаковые находились, но были испорчены здешними северными переворотами – иные опрокинулись слева направо, иные наоборот. А на самом-то деле, в истинном, Аллахом сотворенном, – велик Он и славен! – небесном эмирате, быть может, таких звездных переворотов и не было. Это лишь здесь, – чтоб одинаковости у Санкт-Петербурга с другим миром не получилось, – так художниками нарочно поделано. Не равнять же им Петербург с его Бухарою или же еще с иными разными городами...

Мысль шевелилась глупая и появилась у Абдулкадыра-дадхо только для того, чтобы объяснить эту северную непохожесть и поторопиться дальше – объяснять многие другие, обступившие их посольство, всякие непохожести: от житейских до политических.

Какие же это свои мысли, шевеля бровями и пряча глаза за приобретенными стеклышками, утаивал Ахмадий Дониш?

Лучистые звезды, соединенные тонкими линиями в рисунок небесной сферы, в ее созвездия, дышали на него пересохшею краской и – Кораном настрого запрещенной – получившейся плотью обрисованных живых существ. Летели остроносые птицы, вроде – лайлаки, ширококрылые журавли. Лучник пускал стрелу. Весы шевелили плоскими медными чашками. Медведь вползал в самую сердцевину изнутри вывернутого, выпуклого глобуса. И какая-то дева, не стыдясь никого, весело тараща глаза, нависала над ним такой, мастерами-художниками наведенною, грудью, что эта ее грудь показалась Абдулкадыру-дадхо заманчивей и аппетитнее всех других, допрежь им виденных у собственных жен. Петербургские маляры, хорошо, видно, знающие и рисовальную науку, и – повод подавшую – науку любовную, весьма постарались в телесной росписи.

Голубой глобус скрипел и покачивался от внутреннего в нем шевеления: от желтых младенцев перенеслось.

Серый сюртук, обреченный на беспокойство, вздрагивал. Озабоченная его ручка вщипывалась в рукав невозмутимого Казимбека.

Ахмад Дониш все еще думал о черных ружьях. Они, как черные люди-рабы, безмолвны в работе, потому как – тихо работают на других, хотя и существуют в собственном огненном грохоте. Они исполняют свое поручение – убивать то, что им препоручено человеком: людей ли, зверье ли...

Было б живое.

До соприкосновения с пулями, насквозь пробивающими.

Карамультик безропотен, но не бездумен. Живет по правилам даже в разбой-

ничьих руках. «Рисолля» – закон стрельбы из такого черного ружья. Даже и для них. Он конкретен, точен, определен.

Память не подводила Дониша. Нужное слово он помнил до буковки, выведенной на всякой, скрючивающейся от времени, рукописи, исполненной изысканным почерком куфи.

Невидимый свиток разворачивался перед его глазами, поскрипывая, словно кожаное седло.

В свое время архангел получил повеление из Сидратыл-Мунтага, из четвертого неба, принести кусок железа. Когда железо было принесено, Аллах повелел пророку Давиду¹⁸ изготовить ружье.

Богатырь Исмаил-Руми сделал ложу, вместе с пророком Давидом они подняли ружье и выстрелили в сторону кяфиров. Кяфиры, увидя это, обратились в бегство.

Закон страшен неисполнением, – улыбнувшись самому себе, продолжил вспоминать текст Ахмад Дониш. – В нем – воля Аллаха, разъясненная людям словами, приспособленными и для малых неразумных детей:

Если спросят тебя, от кого пошла стрельба из ружья, отвечай: от Пахлавана¹⁹ Исмаила-Руми. От него это искусство перешло к Пахлану Уста-Саиду-Карши, от него к Пахлану Уста-Азису-Тавриз, от него к Пахлану Уста-Аазаму-Кермани, потом к Пахлану Низамиддину-Богдади, от него к Пахлану Ахмаду-Замджи. И от Хазрета Ахмада-Замджи искусство стрелять из ружей распространилось по всему миру; раньше ведь стреляли только из пушек.

«Здесь что-то напутано», – подумал Дониш.

Но он был точен даже и в самом себе. Не изменял чужих слов и действий даже и в памяти. Мог лишь добавить к ним свои собственные, разъясняющие суть, да еще так истинно, что от самой сути мало чего оставалось...

У Хазрета Ахмада-Замджи было триста учеников; все они, один за другим, подошли к одному холму, взяли по три горсти земли, принесли сосуд с водою, положили туда своими благословенными руками землю и, произнеся «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного...», – замесили глину. Они помолились, и их молитва была угодна Аллаху. Пахлан Хазрет Ахмад-Замджи совершил такое чудо, что все триста пришли к одному соглашению относительно правил стрельбы из ружья.

Отныне, если спросят тебя, какой стих из Корана следует читать в то время, когда стрелок берет в руки ружье, отвечай: «Аллах Всесовершенное существо и владыка мира». Если спросят тебя, что следует произносить в то время, когда стрелок закидывает ружье за спину, отвечай: «Аллах – Царь Царей! И ля иляха илля Аллах, Мухаммад расуль Аллах!...»²⁰.

Когда же спросят тебя, какой стих Корана следует произносить во время привязывания к поясу пороховницы, отвечай: «Помощь от Аллаха. Он, Щедрейший, – Аль-Кярим! – радеет верных».

Между тем, главным пониманием жизни, каким владел Ахмадий Дониш, было понимание того, что между «черным ружьем» и намеченной для убийства целью всегда стоял делающий это убийство человек. И от того, какие мысли оказывались вбитыми в голову стреляющего человека, и от того, осталось ли после всего жизненного опыта в душе человека хотя бы мало-мальски свободное место, чтобы

было куда притулиться его совести, замешанной на божественной справедливости, единственно от этого, пустого или же занятого, места, зависело – справедлив или не справедлив человек в убийстве себе подобного.

Во время зарядания ружья порохом следует сказать: «Глухой, немой, слепой, они не возвращаются», а при вкладывании в ствол пули скажи: «Проглатывающий гнев, прощающий людей».

При зажимании фитиля в курок провозгласи: «О, знающий, о, щедрый». Когда кладешь палец на нижний конец куркового стержня, чтобы зажечь порох на затравке, произнеси: «О, скрывающий вину, грех прощающий, наказующий». Нажимание курка должно сопровождаться словами: «Аллах любит добронравных». Во время производства выстрела пулей произносится: «О, сущий Аллах, это Свет».

Разматывающий нитки для фитиля стрелок должен сказать: «О, откликающийся, о, дарящий раньше, чем мы просим, прошу тебя, о, прощающий».

Даже на хоть чуть-чуть заполненное совестливое место если и не могло перевесить основное в человеке – животную тягу к непрерывному совершению убийства себе подобных, какую бы справедливость он в себе ни носил, – если и не могло, то хотя бы уравнивало.

Русские, налетев на Ташкент, убивали тех, кто мешал им в него войти и там остаться. Пришельцам извне, конечно же, подобное для чего-то было нужно. Но ташкентцы, не мечтающие, чтобы русские незвано вошли в город и невесть на сколько лет в нем остались, убивали русских. Место совести оставалось пустым, незаполненным. На долгие годы вражда, бегая вокруг стреляющих «черных ружей», собираясь затаиться, запрятаться, запропасть, находила пустоту внутри человека и селилась там, невидимо укореняясь внутренне, покрываясь крышкою вынужденной улыбки.

Стрелок же стреляющий – учила «Рисолля» – должен был обладать следующими нравственными качествами: «щедростью, доброжелательностью, воздержанием, вежливостью».

От правоверного, но стреляющего мусульманина требовалось, чтобы он по отношению к сиротам был заботлив, и чтобы все, добытое ружьем, «тратил на пути Божию», в точности исполняя все религиозные свои обязанности со стороны догматической и религиозно-обрядовой, именем – таат. Ведь стрелковое дело зиждется на пяти повелениях и четырех нравственных опорах, к коим, обязательным для стрелка, причисляются «гостеприимство, раскаяние, молитва, пост и милосердие».

Карамультик подчиняется правилам убийства.

Простой мультик, по строению одинаковый, живет богдыханом. Этот независим, как степная птица в клетке: за прутьями не поет. Хороший мультик годами безмолвно висит в богатой чьей-нибудь комнате на ковровой стене. Зацепленный не веревкою на гвозде, но вымоченным кожаным ремнем, тешит себя покоем на особо для него вделанном крюке. Его приклад не гол, как бывает гол человек, входящий в хаммам – общественную баню. Деревянное тело его приклада одето в перламутровую инкрустацию и в медные пластины с неторопливо нарезанной надписью – строками из Корана.

Царственный мультак не пристрелян. И он не годится для соприкосновения со все выжигающим порохом, вспыхивающим от прикрученного тлеющего фитиля. Строки из Священной Книги не должны быть опалены пламенем или замутнены жирной гарью.

Парадный мультак не для душной кунсткамеры, словившей в себя нечто – прежде живое. Мультак мертв из-за навязанной ему не стреляющим, но обладающим человеком и – не пригождающейся для боевого черного действия красоты. Он – для домашних комнат. Для не страшного никому внешнего украшения: цепной пес на умягченной ремненной цепи.

Однако же, за каждым мусульманином, владеющим всяким ружьем, «Рисолля» утверждает право службы во всех важных должностях и воспрещает исполнение низшей службы, то есть – пешей²¹. И если кто-либо, кроме хана или бека, вздумает послать перед собою исполнять пешую службу стрелка, последовавшего этому наставлению или имеющего при себе переписанную копию такого наставления, то – «...жена его разведена с ним; и умирая, пусть он уходит без веры. Такому человеку, чтобы очистить его от грехов, следует дать восемьдесят ударов дарра»²².

Глобус резко качнулся, чуть-чуть не скатившись на размышляющего Дониша, Казимбека и старика-смотрителя. Абдулкадыр-дадхо, спиной к ним, покидал небесное мироздание.

– Итак... – произнес, подходя к сотоварищам.

Он был осторожен, Абдулкадыр-дадхо. Он умело вслух говорил заметные глупости, за которыми прятались потайные умные наблюдения, глубоко противоречащие прозвучавшему.

Неозвученная мысль всегда умнее произнесенной.

Что вспомнит хитрый драгоман Казимбек, непременно докладывающий по своему иностранному ведомству о словах, произнесенных азиатским посланником? А вспомнит он произнесенную глупость о желтых, шевелящихся в мутной густоте жидкостей младенцах, коих в таком вот виде нет в Бухаре, но быть которым в городе великого эмира следовало бы обязательно: для остротки.

Чего не вспомнит Казимбек, хотя и знающий и фарси, и староузбекский, и новый еще, сравнительно молодой узбекский язык, явившийся для бытующего вокруг обыденного разговора? Ничего не вспомнит. Непроизнесенное осталось с ним, с Абдулкадыром-дадхо.

То есть, когда к важности молчания добавлено особое говорение впустую – важность дипломата, понятно, умаляется. Но важность дипломатически проделанного события возвеличивается. К фирману эмира – более молчать, чем говорить, – он добавил свое дипломатическое усовершенствование: более говорить, чем молчать.

Не умолчали однажды перед этими русскими, зато и обиду с собой увезли обратно.

Случилось такое в прошлый еще приезд посольства бухарского в пропитанный излишней водою Петербург-город. В город, в самом себе тоже молчащий.

К 1868 году бурлящая Азия, после возникновения здесь русских, сделалась почти тихою. Почти исчезла, поняв, что дующие в разные стороны и ханы, и бии²³, да и

сам эмир не только никакой освобождающий мстительный ветер против русских не надуют, но и просто очищающий ветерок не произведут, поскольку не слились в едином – пусть даже и не в государственном – согласии. Стихли среди мягко-шелковистых розовых жен и сине-серебряных гнусавых павлинов, примолкли по уголкам тенистых дворцов под прожженными вечным солнцем невозмутимыми крышами. И отсиживались, обидно клеймя тех, кто не встал на защиту всех, но дожидался, пока сосед ослабнет, чтоб самому укрепиться. А – не произошло. Прощались русские и по многим, так хитро дожидающимся чего-то. Сами подивились, что очень легко прошлись – и подмяв, и подчинив. С такими, а еще и со сторонними, до которых – по ненадобности – не добрались, разных союзнических бумаг на подписывали. Никто не запомнил – сколько.

Также и с Бухарою мирный договор сочинили в этом самом 1868 году.

Показалось бухарцам, что теперь, если с русскими и не братья, то уж соседи на-верняка. Надолго соседи. Ташкента, соседа прежнего, словно бы нет, да и не было вовсе. От Кокандского ханства зеленым ломтем отрезали. Самое время – от прихваченного русскими этого оазиса и себе немного, совсем чуть-чуть, попробовать приделить. Попутно и Бухаре назад возвратить прихваченные с наскока ими же, русскими, оторванные кусочки.

Границы эмирата – как пустынная жирно блестящая толстая змея, вертящая неразвитыми перекрученными кольцами. Выровненные границы и людей Бухаре принесут, и ушр²⁴ от земляных этих людей. Да и Коканду истинное политическое место покажут, и с чуждыми русскими своих жителей примирят. Ведь те к тому же перестанут бояться хараджа²⁵, так пока и не введенного...

Не откажутся такие русские и на это. Если, конечно, дружески попросить, объяснив все по-бухарски разумно.

Коль не соберешься такое сделать самим, то соседи опередят уж точно... Но Аллах справедлив!

Однако же – Он, а не эти русские...

Даже одного приближения любого разговора в любом месте к совсем почти ничего для них не значащей теме закрывало их ласково разговаривающие рты. И в министерстве иностранных дел, и в отдельных – а потому имеющих влияние – великокняжеских домах, и в других важных стенах, через которые всякая мысль о всяком деле перетекала уже и в комнаты Зимнего, а то и какого-нибудь из царско-сельских дворцов. Русские не только не сделали союзническими теперь братьями, но и по-союзнически – какие там подписанные договоры? – даже как соседи не приблизились. Таращили глаза, смотря через тебя на стену, где во вмонтированных зеркалах полированных черных дверей отражался обязательный портрет Александра II-го Николаевича, императорскими сапогами прохаживающийся по головам всякого, кто сидел под ним за столом, столь же полированным, что и двери. Уголками вздымали брови и начинали говорить про ненужное, обязательно выпрашивая про царственное здоровье Его Величества эмира бухарского – Музаффар. То есть тебя, их – не слышащего, не слышали тоже. Разговаривая, тоже молчали.

Они не учились тому у Бухары, назидавшей так и нынешнее посольство. Как и

Бухара не училась у Санкт-Петербурга... А только – одинаково жили: в своих интересах.

Впрочем, не одинаково. Россия могла бы, распутав и распрямив скользкие кольца пограничной змеи, сделать себе новых соседей еще и друзьями. За счет Коканда пока что. Да все-таки, как теперь уверенно понимал в глубинах своей мысли посланник Абдулкадыр-дадхо, – ни соседями, ни друзьями отсюда, из Петербурга, еще не видели Бухару. Но только – малым дитем, их силою облагодетельствованно припоселившимся в Российской большой квартире. Снуют под ногами, чего-то просят, могут и вести себя неразумно, избалованно. Когда успели?.. Тогда и прикрикнуть.

Прикрикнули бессловесно, – не обратив внимания на ту, прошлую просьбу утихшей теперь Бухары.

Быть бессловесным обидно. Ребенок не понимает – кто он есть. Государство, быть может, еще тоже в многовековых юнцах. Абдулкадыр-дадхо понимает, тоскуя внутри самого себя. И ночами ворочается, отталкиваясь от голой спины Зулайхо, от ее райхонного²⁶ запаха, думая через сон не о том, чтобы повернуть жену лицом к себе и чуть-чуть придавить собой ее теплую грудь, как это случилось в Бухаре почти во всякое утро...

Солнце тогда все пыталось и пыталось пробиться сквозь трепещущие листовые тени, чтобы тоже улечься на мягкую землю. Целиком не удавалось. Рассыпалось на мелкие золотые пятна, на тысячи тысяч переливающихся солнечных зайчиков.

Петербургские окна влагой мутнели даже и изнутри. До самой дневной поры. Пока невидимый истопник, прячущийся где-то внутри комнат, не растапливал для посольских изразцовые печи.

Голая спина Зулайхо студила Абдулкадыра-дадхо больше сереньких непрозрачных стекол. Он натягивал на нее и на себя шелковую скользь одеяла. Зулайхо не просыпалась.

Может и не зря обидел Аллах, Чьи щедрость и величие велики, – аль-Мааджид²⁷, – северную плоскую землю, лишив ее тысячи тысяч солнечных зайчиков? Это бухарцы для здешних – как дети... Здешние же уверовали в свою завоеванную взрослость по отношению ко многим, если и не ко всем вообще. Вот и отмстилось...

Как бы да и не остаться среди них бессловесными, выбиться из-под навязанного им вдруг российского родительства.

Бессмысленно желание подрасти. Если древний народ столетиями живет в самом себе – и не стал взрослым, – горе такому народу: живой он, а как будто бы – мертвый. Если, однако, сумел подрасти до объединяющей старческой мудрости, – ему уже нет нужды изменяться в чужую угод. И если уж Аллах – испытывая – свел его с чужаками, – чтобы выжить и не погубить себя, ему, народу, надо стену воздвигнуть – отъединяющую, соединяя... Так, то есть, сделать, чтобы обрести вежливую взрослость, похожую на чтимую взрослость рядом стоящих. Теперь вот – и с северо-запада, и с юго-востока нависающих русских.

Нет, народ в своей мудрости собою же и останется, – предопределенное Аллахом человеку не изменить. Но им-то, посольским, так бы теперь изловчиться,

чтобы во всем походить на привечающих их петербуржцев. Повзростеть внешней видимостью. Стать такими, какими надо быть здесь. Чтоб приучить и приучиться к разговору на равных. Но неизменяемыми остаться там, вдалеке...

Вышел из дому – оделся. Теплый чапан²⁸ на плечи от внешнего холода. Вошел в дом – да и скинул с плеч здесь не нужную согревающую одежду.

Всякий вход-выход сквозь такую дверь – дипломатия. Соединяясь, отъединяешься.

Нет, мы должны научиться жить и в этом мире, неторопливо додумал он, подходя к ожидающим:

– Итак...

– Господин посланник доволен осмотром? – вежливо наклонив голову в его сторону и одновременно снимая со своего рукава, как нечто живое, но постороннее, как будто бы даже насекомое, вцепившиеся пальцы зрителя, спросил Казимбек.

– Весьма, – лаконично ответил тот.

– Едем обратно? – уточнил Ахмад Дониш.

– Пожалуй, пора...

Но Ахмаду еще следовало додумать расширяющуюся в неожиданных размышлениях об оружии, некоторую незаконченную мысль. И потому он решил еще больше сосредоточиться на ней. Такое следовало продолжать в одиночестве.

– Уважаемый господин посланник отправляется в резиденцию тем же свойством. Я, однако, пройду до нее пешком...

– С вашего дозволения?.. – тотчас произнес Казимбек, и все поняли, что он не оставит Ахмада Дониша в одиночестве. Ни по службе, ни по человеческому bespokoystvu о незнакомом человеке в незнакомом городе.

Донишу оставалось кивнуть.

Абдулкадыр-дадхо недовольно промолчал: в новый, несчетный раз нарушался дипломатический протокол большеголовым Ахмадом.

Зашелестели тяжелые халаты, закрипели сапоги Казимбека. И ступени лестниц защелкали под каблуками. Помягче – по мрамору. И позвончее – по черному железу.

Бухарцы спускались.

– Теперь уж вылазь, – произнес странные слова старик-зритель и поглядел в сторону черного кожаного кресла, задвинутого в угол. – Попрятался, да и хватит.

Кресло сдвинулось, будто от его взгляда, и из-за него вылез мальчишка с белесыми бровями и такими же снежными ресницами:

– Уже можно, дед? Не погонят?

– Они – нет. А я – погоню. Чужим здесь, в каморе, не должно шататься.

– Но я ведь тебе всего-то поисти принес...

– Принес – и айда за ними... А то ведь и меня с места сгонят, когда узнают, что я кого-то приветил, хушь ты, Тимка, и внучок для меня.

Старик опустил в отодвинутое кресло и слегка повздыхал.

– Дед, а это кто был? Скоморохи?

– Чего?

– Ну, из цирка, что ли? Халаты у них как из золота. Будто клоуны. Такого не бывает.

– Дурень ты, Тимка... Важных людей от придуманных не отличаешь. То – дипломатические люди. А ты – клоуны... И шитье на них золотое, настоящее...

– Ну-у-у? – подивился Тимка. – Тогда я еще их погляжу.

И заторопился вослед, стуча по ступеням тихо, как получалось, да и двигаясь на отдалении. Под самый, опять пошедший, мокрый серенький снег.

III. Буквы-женщины. Буквы-скорпионы

Когда чужому для них миру надоеет держать страну в своих лапах и он отпустит, – и страна вдруг окажется наедине сама с собой, то – вполне возможно – она окажется страной, великолепно сохранившей собственное прошлое. Но от этого прошлого будет нести отсыревшими стенами. Стенами глинобитными и старыми, не годными для современной, обогнавшей страну, жизни.

Каменные стены петербургских линий, как понимал теперь Ахмад Дониш, вымачивались постоянно. Но промозглая влага не дышала здесь кислой сыростью внутреннего старения, не зеленела плесенью прошлого.

Самые холодные, секущие снегом дожди только лишь вымывали из самоуверенных стен и горбящихся мостовых, из правильности ростральных колонн и каменных шуб гранитных набережных все ненужные для жизни наслоения старости. Город оказывался вполне живым, пусть хоть и каменным. Неким индийским слоном, неким добродушным северным зверем, одновременно и тяжело стоящим на месте, и – неторопливо ворочающимся под оживляющей, омолаживающей, хлещущей по нему холодной влагою, с умиротворенным удовольствием подставляя под нее то один, то другой бок.

Город выпячивал свою стройную молодость всеми стеклами многочисленных окон. Обещал все удовольствия юности порочными ликами албасты²⁹, искушающе таращающимися отовсюду из-под поддерживаемых ими балконов. Раскрашивал однообразную серость своего омытого для любви тела разноцветно написанными, вовсе еще не выцветшими, буквами витрин.

Он же, Ахмад, вполне смог бы – горделиво зная так о самом себе – выписать и получше, и поярче, и поприметнее. Радужной легкостью цвета, изысканностью затейливого штриха и умением стройно вчертить одно в другое, никто не владел в Бухаре лучше, чем он.

Ветер вдруг встрепенулся и понесся через город пастушеской собакой, разгоняющей низкие тучи, как серых овец. Набухшие влагой овцы в испуге прошмыгнули в простенки между домов, очистив пространство неба в прорезях между крыш, и затаились, зацепившись за горячие трубы.

Вывески засветились ярче, но веселее не стали. Всё так же строжились ровными квадратами и полукружьями плохо изученных Ахмадом русских букв.

А как бы он мог их расцветить и разнообразить любимой им арабской вязью... Буквенные арабески почерка «зульф», «сулс» или «райхон» зарезвились бы по

этим мокрым стенам, зажили бы своей самостоятельной витиеватой жизнью. Они легко смогли бы встроиться в ряды всяких вытянутых линией, непрерывно бегущих букв – внешнего выражения красиво оформленной мысли. Они – порождая бесконечность – смогли бы легко описать и круги незнакомой жизни, как описывали вокруг изразцовых барабанов, поддерживающих купола мечетей и медресе в Бухаре, жизнь им знакомую: золотое или черное на блестяще-голубом.

Одним из вариантов такой вселенской бесконечности, кружащейся вдоль стен взблескивающих барабанов, могли бы стать остроугольные начертания многосмысловых букв-скорпионов со вздернутыми вверх, готовыми смертельно уколоть, иглами вскинутого к небесам особого росчерка. Множество пугающих игл,двигающихся след в след, порождало армию защищающих вечные смыслы философских и поэтических фраз, начертанных изразцами по изразцам, смертоносных духовных копий, издавека, одним своим присутствием умертвляющих несогласных.

Но точно так же, исполненные иным почерком, они мгновенно облакались в мягкоту изменчивых женских форм, легко напоминая то одну, то другую соблазняющую часть сокрытого как будто бы женского тела. Но – этим подчеркнутым сокрытием, этой умелой драпировкой лишь только подчеркивая смуглую плоть, открывая ее наружно как раз прилегшую плотно прозрачностью. Такими нежно очерченными буквами всегда выглядят жены и наложницы великого эмира Бухары, выходящие после купания из большого квадратного, только что отпустившего их, бассейна во дворце. Белое полотно покрывал прилипало к прохладным телам именно в тех местах, которые по справедливости должно было прикрывать: к темным абрисам напрягшихся кругов, полукружий и треугольников, увлажненных взглядами и купанием.

И на еще многое стремилась легко походить его любимая арабская вязь. Она обходила запреты Священного Корана и Хадисов³⁰, вырисовывая изгибами покоренных его рукою, рукою художника и каллиграфа, – связью почти не изменяемых, букв – очень многое и весьма живое. Пусть и неприемлемое. Обращая выписанную им фразу в нечто материальное и трепещущее дыханием. В птицу ли, в дракона ли, в того же индийского, но – уже настоящего, слона, а то и во вздернувшего крутые рога тонконового джейрана...

Освобожденное солнце по-воробыному бросилось купаться, осколками отражений брызгаясь во всех лужах.

Железные полозья, разбуженно повизгивая, резали и скребли торцовые мостовые, царапали скользкие их булыжники. Редкие, но все-таки еще бегающие каретные колеса достукивали остальное.

То есть, уже сегодня истинный каллиграф Ахмадий Дониш смог бы, пожалуй, арабской же вязью вывести и всю эту мокрую плоскость широко разбросанного Санкт-Петербурга. И все эти буквы – алеф, ба, дэль, йа, заль и син³¹, – легкою рябью сжимаемых волн, започакивали бы на своих спинах видимые отовсюду невыеские корабли.

Не требующийся ни для какого говорения драгоман Казимбек шурился и – похоже – внутренне отдыхая, несолидно помаргивал.

Петербургские краски из людей и вывесок от неожиданного солнечного загляда продолжали разноцветно шуметь. Самая живая из них вдруг оказалась перед глазами.

«Книжная лавка. Магазин Мозера», – перевел Казимбек.

Посланник Ахмад, соблюдая собственную почетность, важно кивнул, но все же – не удержав в себе предвкушения, сбился на торопливый шаг, распахивая согретье двери под звякнувшим колокольцем.

Худолицый чиновничек в шинельке с поднятым воротником замер, увидев вошедших. Но, замерев всем телом, рукою он все же продолжал вталкивать в полку стеллажа, стараясь вернуть на место, только что им перелистываемую книгу. Книга упиралась, тыкалась в коричневые кожаные корешки недавних товаров, не находя своего прежнего места, – глаза из-под треснувшего козырька служебной фуражки смотрели в пораженном недоумении: кто такие?

Два других посетителя и не подумали оторваться от шуршащих страниц, – эти были из настоящих читателей и никакой туркестанский халат даже самой большой азиатской важности не смог бы оторвать их торопливого пробега по рядкам теснящихся буковок. Два неотогревшихся носа – чуть красноватый и чуть синеватый – вроде живых указок двигались в торопливом чтении слева направо.

К такой направленности движения взгляд Дониша еще не привык, и – по привычке – он заскользил им со стороны правой на левую, будто читая по-арабски.

Драгоман Казимбек шевельнулся было помочь, но толстый приказчик, торчащий над высокой конторкой со счётами перед ним, рукою остановил его.

«Что за день... – подумалось Казимбеку. – Сегодня все нороят меня потрогать...».

«Какая удивительная лавка», – подумал Дониш и – сообразив, – взялся за книгу уже иначе, начав теперь читать с правильной стороны.

IV. Книжная лавка и «Les Fleurs animees»

Мягко скрипнув хорошо выделанной кожей, выбранная им книга раскрылась теперь по-европейски.

Ее можно было и не читать. Ее можно было листать глазами, приняхиваясь расширяющимися от восторга ноздрями к запаху кожи и бумаги, к сладости черной краски на белоснежных страницах. А можно было листать и иначе: одними подушечками пальцев перебегая от одного золотого тиснения к другому, как по лицу любимой женщины. От мягкого кончика уха, по жестким завиткам волос, через тонко накрашенные брови, по горбинке носа ко вспухшим губам...

– Я же говорил... – произнес ничего до этого не говоривший приказчик. – Человека, умеющего держать в руках манускрипт или неторопливо находить нужную книгу, я всегда отличаю от пустых людей.

Не согрешившие до сих пор носы, пошмыгивая, по-прежнему продолжали читать любопытные для себя тексты. Однако произнесенные слова, похоже, отчего-то нельзя было к ним отнести.

Между тем, плавное хождение Ахмада продолжалось. Пальцами от корешка к

корешку. Всею ладонью – по мраморным обложкам, притисненным друг ко дружке. Узкими знающими глазами за отпотевшими стеклышками тяжелых очков – по всем стеллажам общим разом. И даже своим туркестанским халатом, с благочестивой важностью проскальзывающим сквозь параллельные коричнево-черные стеллажи, – не задевая их, чтоб не беспокоить.

Выслеживая бумажную добычу, могущую его напитать небесполезною дальше жизнью, он отчасти даже как будто таился в этой своей плавной ищущей тишине, дабы ненароком не вспугнуть нечто особенно живое, стойкою сеттера, наконец, обмерев перед одним из столов с разноцветными альбомами.

Отмахнул ничего не значащую обложку. Переложил, переворачивая, один за другим, раскрашенные листы справа налево.

Переливающиеся перьями птицы щебетали, радуясь неземному сотворению. Перламутровые цветы оплетали изумрудными листьями небесную, в земной траве отраженную синь. Гибкие звери, прыжком бросающиеся на добычу и – обреченно – становящиеся одновременной же добычей иных, жили не в ужасе чужой и собственной смерти, но в счастье честной борьбы, чтобы съесть или быть съеденными.

Они походили на людей, но, однако, не переполнялись ни большою злостью, ни мелкою мстью – смертью за смерть, обидой за обиду. Звери виделись в радуге тонких рисунков совсем почти что по-человечески. Человек же, втиснутый в их образ, становился более животным, чем он есть: верхом создания.

Перелистывая, следовало разобраться – в чем здесь ошибка?

Вытянув руки перед собой, Ахмад проследовал мимо всех со своею добычей, похоже, еще трепетавшей после его прикосновения к ней. Положил на конторку рядом со счётами и вопросительно посмотрел на Казимбека. Приказчик, опередив вопрос, что-то тихо сказал драгоману. Драгоман покраснел:

– Ему неудобно, но он говорит, что это очень-очень дорогие альбомы. Ручная раскраска. Называются: «*Les animaux peints par euxmemes*»³² и «*Les Fleurs animees*»³³. У них царская цена...

Ахмад Дониш молча кивнул и медленно-медленно сначала распахнул первый халат, сказкой для глаз обнаружив под ним еще и второй, не парадный, но все же торжественный – белопарчовый.

Развязав на поясе шелковый бельбаг – платок, перепоясывающий снежно-взблескивающую парчу, он разложил его вдоль всей конторки и принялся разворачивать, похоже, еще к тому же и тяжелую, эту трубчатую колбасу.

Чиновничек, перестав мучить книгу, устался на необычную, являющуюся общему взору картину. Бухарские таньга и динары, русские рубли в бумажках и монетах из золота, серебра и меди вытянулись чешуйчатой змеиною лентой вдоль развернутого платка.

Выпав из его рук, так и не засунутая, книга хлопнулась об пол. Отогревшиеся носы, резким звуком пробужденные от чтения, обернулись в нужную сторону, чтобы убедиться, – происходящее перед ними наяву не интереснее ли только что вычитанного, сползшего со страниц?

Оборачивая альбомы, приказчик то бледнел, то краснел. Его жилистые руки

суетились до дрожи. Бечевка, обвязывающая купленное сокровище, дергалась в перенапряжении и рвалась. Пришлось уложить ее вдвое.

– О чем это он? – поинтересовался Ахмад у отсчитывающего нужные деньги Казимбека.

– Мучается, что ему попадет от хозяина лавки. Тот очень любит альбомы. И, не рассчитывая, что их кто-нибудь купит, держал для своего удовольствия, рассматривая всякий раз после церковного причастия...

«Странные люди», – думал Ахмадий Дониш, под прощальный звук брякнувшего колокольчика выходя на заметно подмерзшую улицу.

«Странные люди. Хорошие люди».

Ахмаду нравился этот неторопливо дышащий город с его торопливо бегущими – то обгоняя, то скользя навстречу – редкими сейчас деловыми людьми. С довершающими дневную службу чиновниками да с какими-то, будто кем-то испугнутыми, толсто поддетыми разноцветными салопниками. Тоже – точно буквы для витрины. А еще, высоко вздернув носы, прошагивали мимо разные артельные люди: обычно во всегда одинаково обмятых – общим для всех небрежением – картузах. А то и купцы – совсем не любящие сворачивать в сторону, кого-либо пропускающая мимо себя. Такую их важность требовалось обходить.

Удивительно, но они, – конечно, хорошие обычные люди, – однако, не обращали на двух человек, перепрыгивающих через те же самые лужи, что и они, никакого откровенного внимания. Полосатый туркестанский халат то ли оказывался привычен в столичном царственно-торговом городе Санкт-Петербурге – Мекке для всех и вся, то ли – наоборот – пугал непохожестью, настораживал и на всякий случай заставлял отводить глаза.

Впрочем – не всех. Беловолосый мальчишка, мгновенно прицеплявшийся к каждой ровно следующей мимо них карете, к каждому возку, а то и просто изо всех сил бегущий следом, когда не удавалось пристроиться, обгонял их и прыгивал на мостовую как раз перед идущими, едва не забрызгивая. Останавливался, обмирал восторженно-недоуменно и глядел на них не отворачиваясь, пока они не проходили мимо. Затем опять прицеплялся, обгонял, останавливался, чтобы еще посмотреть.

Драгоман Казимбек, отвечающий и за внешнее спокойствие посольских людей, дернулся было угрожающе показать кулак. Но Дониш перехватил его руку снова у рукава, как тот музейный старик в сюртуке. А сделав так, еще и вежливо поклонился белобрысому юнцу. Мальчишка же, увидев подобное действие, даже не подозревавший, что оно может случиться с ним, совсем замер остолбенело и больше не догонял.

«Нет, это не земля – седьмое небо это: // Тут что ни здание – звезда или комета! // Не знают темноты здесь ночи, – словно дни... // Тут светом в пузырях проезды освещают, // А люди от светил себя не отличают, // Столь дивны и чарующи они»³⁴.

«Хорошие люди», – продолжал думать Ахмад.

Зналось бы ему, что думал он о том же, о чем сегодня же размышлял и сам Абдулкадыр-дадхо, но – по-другому...

Хорошие люди промелькивали, проشمывали мимо него и, может быть, этим лишали Ахмада возможности взглядеться, чтобы представить какого-нибудь из них, пришедшего – вот, недавно, вот, только-только – в Ташкент, в Самарканд... Отчасти и в Бухару. И стреляющих, стреляющих, стреляющих...

«Черное ружье» в руках правоверного мусульманина приобретает душеспасительное назначение: «Пусть стрелок обратится в сторону цели и выстрелит один раз пулей. Попадет или не попадет пуля в цель, это не важно; стрелок же в момент выстрела соединяется с Аллахом».

Но это у нас, у мусульман... Неужели же у пришедших к нам русских – все по-другому? Все иначе?

Аллах – велик Он и славен! – несомненно же ведает, что и у них, у стреляющих русских, тоже должна существовать некая собственная «Рисолля». И в ней должно же быть сказано нечто похожее, общее: поясняющее, разъясняющее, объединяющее.

«На вопрос – что составляет правую сторону ружья? – стрелок отвечает: «Правая сторона – это хороший нрав стрелка».

А левую? «Открытие света».

Быть может, дело в том, что, существуй для всех общая «Рисолля», первую половину такой вот фразы одинаково понимали бы все. А вторую?

В чем этот «свет»? Что подразумевается под его «открытием»?

Не тот ли это невидимый свет, который закладывается в человека при его рождении?

Все становится ясным в то мгновение, когда раскрывшееся тело одного человека являет в мир тело другого. Оно же, другое, не может ведь входить в сложный для себя мир лишь пустой человеческой оболочкой. Но и сразу быть наполненным знаниями или же опытом оно также не имеет еще необходимости, поскольку обретение всего этого означает одно – неизбежную смерть от постигнутой жизни. Потому-то вносится во всякого новорожденного только одно – свет, называемый русскими душою. Воссияет тот свет от соприкосновения с миром, сотворенным Аллахом, – образуется истинный человек. Не загаснет от необходимого соприкосновения с мерзостями ее, – спасется человек. А спасется сам – и другим путь протопчет. С молитвою о сохранении света души.

«Если стрелок не будет знать этого наставления, или, переписав его, не будет хранить при себе, или не будет каждую пятницу просить кого-нибудь читать себе вслух это наставление, а сам не будет внимательно слушать, то его постигнет наказание. А именно: что бы он ни съел из мяса застреленных из ружья птиц или зверей, все это будет для него поганее свиного мяса. И в день Страшного суда лицо такого человека будет черным, ангелы проклянут такого человека в день Страшного суда и ввергнут его в ад, называемый геенной, потому что из этого мира в тот он перейдет без веры».

«Черное» ли ружье, иное ли какое, а – стреляет...

Если же предположить, что всё ими, стреляющими и в людей, делается с подобною же молитвой, если допустить, что у каждого воина из войска белого русского царя в правилах воинской жизни существует своя «Рисолля», то получается

нечто странное, объясняемое лишь только тем, что чужая, русская «Рисолля» хуже их собственной, мусульманской. Только так и получается.

Стреляют много. Сыплют порох на полку – или у русских ружья устроены иначе? – взводят курок, и...

Со своей верою в душе, со своим светом.

Но что если и здесь не так? Ведь – все видит великий Аллах, Милостивый ко всем на этом свете – ар-Рахман, имеющий обо всем же и попечение³⁵, – выстрелов-то возможно что и больше, чем верующих людей. И никакими молитвами, тем более – никакими назиданиями они не остановлены и их не остановить. Стреляют, чтобы охранить себя от чужого. Стреляют, чтобы не подпустить чужое близко к себе.

Стреляя, движутся то на Восток, то на Запад, чтобы отодвинуть от себя как можно дальше всё, мешающее им понимать мир иначе, чем понимают они.

Молитвами не остановить?

Тогда выходит одно... Надо сделать чужое – своим. А себя – понимающим чужое.

То есть, надо лучшее из чужой жизни ввести в свою жизнь, заменив худшее из своего. Давно плохое – на лучшее, из обретенного у других, у тех же русских. Им же преподнести свое собственное, чтобы оно перестало видаться ими чужим.

Тонкий стебелек – в будущем толстого – дерева следует поливать. Начав тоненькой водяной ниточкой из кумгана. Продолжив, когда живое в новую землю вкоренится, многими кожаными ведрами и бурдюками. Так на так. На равных. Не иначе. Тогда и в кунсткамере Санкт-Петербурга от Бухары и Самарканда многое прибудет. Не останутся комнаты с их именем в пустоте. Тогда и в Самарканд, в Бухару свезено будет и отсюда, от России, то нужное, что того стоит...

Кто первый испросит?

– Если господину посланнику будет угодно, я хотел бы сказать о важном...

Казимбек, не сбавляя шага, на ходу поклонился.

– Да, – ответствовал, пока не прислушиваясь, Ахмад Дониш.

– Приезжал сюда посол из Кашгара...

– Да? – сразу насторожившись, повторил Ахмад.

Раскатившись по мокрому, парующим теплою влагой, торцам, вдруг вылетела из-за угла доходного дома карета посланника Абдулкадыра-дадхо.

Ахмад дернулся телом, – нужно было успеть выхватить из-под взвизгнувших железом колес раскатившейся поперек дороги кареты все так же остолбенело торчащего мальчишку. Да тот и сам успел увернуться.

Возница, едва ли не воздвигнув коней на дыбки, брызгая грязью, остановился, чуть обогнав.

Пушистый хвост померанцевого лисьего цвета вывесился из раскрытой дверцы. Улыбающийся первый посланник, распахнув ее, поманил беседующих.

«Испугался, что ему не станет известно, о чем мы тут говорили», – поморщился Ахмад и – остановился:

– Итак?

Казимбек, понимая, тоже попридержал свой шаг:

– Посол из Кашгара написал в восхваление Петербурга несколько бейтов³⁶. Я их перевел и представил царю, и тот был очень доволен.

Мальчишка вертел головой то туда, то сюда, не понимая – чего приключилось?

– Вот бы и вам, бухарцам...

– Да?.. – повторив самого себя, произнес Ахмад. – Думаю, господину драгоману лучше всего сейчас подойти к господину дадхо. Совет... Успокойте первого посланника своим присутствием. И скажите, что я еще немного буду гулять. Редкая в Петербурге погода. Надо привыкнуть и к такой.

Драгоман Казимбек поклонился.

– Буду думать, – глядя на его открывшийся затылок, добавил Ахмад.

Абдулкадыр-дадхо, не понимая – о чем это там они? – все-таки успокоился.

Карета слегка скрипнула примерзшими к дороге колесами. Вырвавшийся из переулка соленый ветерок неожиданно дохнул мокрым морозцем.

Мальчишка завертел головой еще быстрее: остаться приглядывать за большеголовым? А-а-а... Бог с ним!.. Нового ничего к нему не прибавится. И он помчался вослед экипажу Абдулкадыра-дадхо. Куда это они, которых больше?

Подвешенные на вдвое перекрученной бечевке альбомы, раскачиваясь в помахивающей руке Ахмада, неторопливо текли мимо подмерзающего к вечеру города. В них сейчас жило непривычное, прежде неизвестное беспокойство: и кто их купил, и куда несут, и прижиться ли им там, в неизведанной пока библиотеке?..

V. Сам себе голову отрубил³⁷

С альбомами следовало поступить разумно, выбрав только один из двух случаев. Либо – представить их как давным-давно путешествующие в багаже Ахмада. Либо – попросту упрятать в какой-нибудь хурджун до возвращения в Бухару и не обнаруживать перед глазами Абдулкадыра-дадхо. Нет, вовсе не потому, что фирман эмира Музаффара делал его главным посольским дипломатом, поступлено же было без разрешения. Тот сам понимал свою малую дипломатическую значимость в сравнении с опытной значимостью Дониша, в третий раз оказавшегося в Петербурге. Не зря же еще в дороге, слегка покурив опиума, дадхо благодушно заметил Ахмаду: «Настоящий посол здесь ты. А я – твой слуга, и мои люди – твои люди. Во время поездки ты можешь разрешать и запрещать все, что считаешь нужным...».

Вот то-то и оно, что – во время поездки.

Приветствия Бухары при удачном возвращении и золотая милость эмира – все падет в руки Абдулкадыра-дадхо. При позорном же исчезновении из русской столицы, случись такое, он – всего лишь в черной тени от Дониша, допустившего русское неуважение к Музаффару.

Нет, Ахмадий волен в своих покупках ничуть не менее, чем в дипломатических поступках, – какой приятный переклик слов! Дело в деньгах, утаиваемых Ахмадом от взглядов, желаний и рук Абдулкадыра-дадхо.

Поставив его над Ахмадом, Музаффар догадывался о неравнозначности этих двух людей. Но, подумав, решил не допускать перевешивания посольских весов

чашей мудрости Ахмада Дониша, выровняв ее чашей – формально отвечающего за всех – Абдулкадыра-дадхо. По сути: глаз своих и ушей своих на долгом и политически неопределенном пути.

Не умеющий работать – незаменим для властителя.

Во-первых, потому, что не умеющих – больше, особенно крутящихся возле власти. Всегда существует возможность выбора – вдруг лучшего! – кого-то кем-то заменить. Во-вторых, наоборот, легко заменив предыдущего, по той же самой причине их множественности, легко продолжить жить с последующим, – не ожидая изменений. Не умеющие работать одинаковы...

Умеющий занят делом, а потому – легко не заметит тебя, власть имеющего.

Для кого тогда твоя власть?

Вот так и уравновесил всех эмир Музаффар, предупредив обиду Абдулкадыра-дадхо и назначив тому жалованье в двадцать тысяч таньга. Ахмаду же дал всего десять.

Знал эмир Музаффар, живущий среди людей, еще и другое: не умеющие ничего умеют главное – утверждаться за счет не только казны эмира, то есть – государственной, но и всякой другой, по обстоятельствам подвернувшейся. А значит они, все-таки, – власть. И власть благоденствующая и благодетельствующая. Ведь они вольны одаривать тех, кто внизу, кто под ними. Иной возможности зарабатывать важность в глазах подчиняющихся, то есть – доказывать, что и они, не умеющие, все-таки что-то значат, – у них нет.

Однако эмир Музаффар, пожалуй, не ожидал, что врученные им Абдулкадыру-дадхо – даже с запасом на поддержку самого себя, – немалые деньги начнут исчезать направо и налево уже на пути посольства по дороге на Оренбург. Длинная дорога съедала деньги не своею длиной. Она легко пережевывала их постоянной торговой нерасчетливостью дадхо, представительскими пирами перед ничего не значащими людьми. Или просто – ни с того, ни с сего – поощряющим случайных проводников и попутчиков бездумным действием.

К Оренбургу почти ни один посольский бельбаг уже не требовал, чтобы его снимали с пояса, развязывая для заглядывания вовнутрь. Все они исхудали от опустошенности.

В городе проживали тихо, не скликая к себе теперь, наконец, очень нужных для дальнейшего, ни губернаторских людей, ни помогающих в пограничных бумагах чиновников. Пирь не сбирались.

Но велик Аллах, Вознаграждающий больше заслуженного – аш-Шакур!³⁸ Встречной удачей привел в караван-сарай бухарских купцов, добычливо возвращающихся из Москвы. К ним и пришли... С первым поклоном сам важный Абдулкадыр-дадхо, пошелестевший перед бухарцами фирманом грозного Музаффара. Вняли и слегка поделились некоторыми суммами: при случае возможно что и вернутся. Вторым поклонением перед ними смирил себя и Ахмад-махдум Калла. Поделились и еще некоторой суммой, взамен на заемные, печатью Ахмада подтвержденные столбцы. Главным его убеждением стало неотразимое напоминание о кочевых набегах среди Каракумов неизбежных барантачей³⁹: деньги всегда отнимут, в бумагах же, да еще при печати, – для отнимающих неведомо

какой толк... Третьим же – в тайне сохранным от Абдулкадыра-дадхо – стало собственное его, Ахмада Дониша, объяснение с купцами, неожиданно получившее совсем необъяснимую поддержку. Сказывал им просто, без ожидания: узнаю у русских полезное, о том для Бухары и напишу. Священная Бухара, Бухоро-и-Шериф, от сторонних знаний никогда не отказывалась: даже и отрицая, следовало знать – что отрицаешь. Купцы покивали: в Москве и Санкт-Петербурге много полезного. Ладощкою не прикроешь. И всем последующим за ними иным торговцам книга пойдет в назидание. Чтобы знали – куда едут, а не втягивались бы в пустоту. Дали много больше прежде просимого. Хотя в третьем-то этом случае – как будто бы даже и не под залог, а под еще не написанное... Чем объясняется в мире такое?..

Сегодня как раз из этих, из оренбургских монет придется расплачиваться: торжественно приглашены в «Собрание».

Абдулкадыр-дадхо тотчас озаботился выбором дорогого блестящего халата. Ахмад же – предварительными расспросами.

Вчерашним вечером, помакав деревянный калам с железным пером в стеклянную сткляницу с медною крышечкой, записал на бумаге кое-как узнанное: «Устроено это Собрание вот для чего. В этой стране нет покрывал, и знатные мужчины и дамы, девушки и юноши влюбляются друг в друга. Но привести домой возлюбленную нельзя, потому что по их закону мужчина не может взять больше одной жены, а женщина не может выйти замуж, пока не умрет муж, а развод никоим образом невозможен. Поэтому любовные отношения, которые возникают меж ними, являются преступными и запретными. Происхождение здесь ведется от женщины, а не от мужчины. Так, если муж отсутствует десять лет, то каждый ребенок, откуда бы он у жены ни появился, носит имя отсутствующего мужа...

В определенный час все выходят из Собрания. При выходе платят от пяти русских таньга, которые равны двадцати пяти нашим таньга, не считая платы за съеденное и выпитое...»

Однако ж, увиденное на то, что услышано, не походило вовсе. Во всяком молчании больше правды, чем в шумном поддакивании или в отрицающей болтовне.

Желтовато-белый, выскальзывающий из-под ног лестничный мрамор не приводил идущих в круглую залу, но возносил их к светлому чуду ярко сияющей небесной юрты, производя это как-то бесшумно, хотя вокруг и смеялись, и говорили многие громкие земные люди. Абдулкадыру-дадхо, вышагивающему первым, мнилось, что не мрамор, дышащий отблесками свечей, оказывался вокруг, – но что совсем рядом, ладонь протяни, образовался видимый одному только ему священный конь Бурак, некогда единым скачком домчавший пророка Мухаммада – мир Ему! – до прекрасного Рая, а теперь, вот, послуживающий и здесь.

То есть, до странности, в Санкт-Петербурге случилось с дадхо событие, по Коруану именуемое – мирадж.

Уже словно не Абдулкадыр-дадхо, а – откуда смелость взялась? – некто, не ощущаемый телесно, некто совсем другой, тенью пророка Мухаммада неожиданно для самого себя вознесся до живой небесной красоты. Не Мухаммада, но сейчас живого его – Абдулкадыра невидимо сопровождающий архангел Гаври-

ил перенес из мечети неприкосновенной – «Масджид ал-Харрам» в мечеть отдаленнейшую – «Масджид ал-Акса». Из славной Мекки в славный Иерусалим. Это к нему здесь сейчас словно бы подвели горячим ноздревым дыханием дышащего, неопишуемого по красоте священного коня Бурака, на коего Абдулкадыр-дадхо никогда, даже и в опиумном помышлении, не посмел бы сесть. Бурак взглядывал на него подкрашенными женскими глазами своей головы, слегка вздыхал шевелением лебяжьих крыльев, передергивал мышцами под лоснящейся кожей лошадиного крупа. Он призывал к себе, чтобы подняться туда, в зеленое поднебесье, в чертоги Аллаха: ан-Нур – Лучезарного, аль-Вадуд – Любящего, аль-Муджиб – Принимающего молитвы и аль-Хади – Направляющего к свету истины⁴⁰ того, кому этого пожелает. Кто бы осмелился, если, конечно, он не пророк Мухаммад, взглянуть на Бурака глазами наездника? И Абдулкадыр-дадхо не осмеливался. Он лишь слегка ухватился за белоснежную гриву копытами нетерпеливо постукивающего коня.

Белоснежную... Не от седины – но от тонкости волосяного шелка.

Ухватился и тенью Великого был вознесен на все шесть небес попеременно. На каждом его встречали невесомые ангелы и один пророк, управляющий неземными измерениями по определенным ему Божественным законам. Абдулкадыр-дадхо кланялся ангелам, подобно же пророку Мухаммаду, ведомому Гавриилом. Ангелы отвечали, пророки благословляли на все более и более высокое вознесение... Так тогда было, так чудилось и сейчас.

Вот уже близко, совсем-совсем близко непередаваемым светом сияющее древо, не имеющее названия. Оно, как бы под ветерком, никем, однако, не ощущаемым, трепетно шевелило разноцветными листьями. Их нельзя было ни сорвать, ни погладить, ими возможно было только лишь жить, наслаждаясь пониманием, что если руками раздвинуть их крону, то за нею откроется всё заключающий путь уже и на небо седьмое, куда и пророк Мухаммад не осмелился донестись священным конем Бураком – с лицом женщины, телом лошади, крыльями невиданной птицы. За разноцветной листвой обреталось само местожительство Всемогущего Аллаха... И перед ним останавливали таких не безгрешных, как, вот, он – Абдулкадыр-дадхо...

Наслаждение красотой не бывает продолжено до бесконечности. Оно останавливается там, где его останавливает сам человек, имеющий обязательные пределы собственного ее, красоты, понимания. Бесконечность красоты страшна для него, как всякая всё поглощающая бесконечность.

Совсем рядом шумно вздохнул переполненный только земным восхищением, весьма не похожий ни на ангела, ни на путеводительствующего архангела Гавриила – Ахмад-махдум Калла, известный теперь и здесь, Ахмадий Дониш. Этот видел все по-земному, не без восторга, тем более – поднебесного, но все же с наслаждением от живого, плотского и телесного.

Нежные красавицы, стройные и солнцеподобные, прогуливались вокруг залы плавно и грациозно, – каждая – как еще никем не испуганная газель. Легкие до невозможности их одежды – не китайского, ему знакомого, – но какого-то иного шелка, были столь тонки, что сквозь них, как через родниковую воду, просвечива-

ло купающееся в нем близкое тело. Каждое – такой изящности и красоты, что ни одно из них не смогло бы заслонить собой другое, тому же подобное...

– Если господин посланник тоже изволит сочинить несколько бейтов, – пробудив не ото сна, а от близкой реальности, шепнул Донишу на ухо неожиданно, не ко времени образовавшийся вблизи Казимбек, – то этим он принесет большую пользу своей миссии...

Дониш недовольно шевельнул плечом, чтобы все-таки не просыпаться, а как бы просто отогнать муху.

От женщин пахло розовым маслом и пьянящим запахом мягко тлеющего камня-ладана, иногда привозимого в Бухару из Иерусалима и превзошедшего своим почти невидимым дымом самые сладкие запахи подожженных ароматных палочек из близкой страны Хинд или – и того больше – амбры и мускуса, а им отдавала свое предпочтение даже сама Айша, жена пророка.

Рассказывают, и о том свидетельствовал сам прилежномудрый Абу Осман ан-Нахди, что посланник Аллаха – мир Ему! – благовествовал: если кому-нибудь из вас дают ароматические вещества, то – не отказывайтесь. Поистине, они происходят из Райских куш.

Некоторых из женщин облекали тонкие черные платья и обхватывающие разноцветные накидки из вспененных узорами кружев. Ничего не скрывающих, а только лишь еще более прежнего добавляющих нескромной прозрачности. А потому – привлекающей даже и стремящийся так-таки ничего не увидеть, из всех сил сопротивляющийся все-таки увиденному, чужой взгляд. Из-за подобной тонкости тканей, стрела взгляда пронзала всех женщин от спины первой и до груди сотой, нигде не задерживаясь, будто Всевышний – слава Ему! – сотворил их тела из чистой воды или прозрачного стекла.

Когда лестница твоего восхождения обрывается, ты оказываешься среди тех, кто взошел по ней раньше тебя. То есть – таких же, как ты сам. То есть – таких, от которых ты, в общем-то, уходил.

Нежные перы стали осторожно опускаться на землю, сдерживающе помахивая светлыми крыльями, вертя небольшими головками, обукрашенными искусственными цветами, будто выбирая то место в зале, куда было бы возможно опуститься, последним легким хлопком свернув распростертую красоту.

Уже отлетавшие прежде неторопливо ходили по обводящей ковровой дорожке. Проложенная позади неплотных колонн, она отделяла пространство, созданное для кругового хождения, от бархатных кресел, рядами стоящих посередине и сдвинувшихся так плотно, как, бывает, сдвигаются люди в мечетях, собравшиеся на пятничную молитву.

Разноцветные платки, шали, перья павлинов, искусственные цветы среди черных волос, веера, вспархивающими бабочками трепещущие в руках... Все это – слегка пересыпанное серебряными крестами и звездами мужчин, мерцающих многочисленными отличительными знаками, муаровым отливом диагонально их перечеркивающих шелковых широких лент и золотом скрученных нитей густо наверхенных эпалет, все это – двигалось друг за другом. Шевелилось и шло, всколыхивая свечи по стенам, вздрагивающие огоньками и поэтому сильнее прежнего начинаю-

щие потрескивать после всякого их всколыхивания прошоркнутым мимо воздухом платья, плотностью фрака, колючестью мундира или обеспокоенностью сюртука.

Так водят по кругу лошадей в поводу, чтобы не застоялись.

Попробовав не сбить это общее движение, посланники, осторожно оставив лестницу, вступили в ряды текущих мимо. Но с первого раза приноровиться не удалось. Даже вдруг показалось, – от них все замедлилось. Всё – всем своим блеском, своим розовым запахом, всем множеством глаз удивленной толпы – уставилось на них с веселым пока еще недоумением: происходит ли это наяву, или эти чудеса, явившиеся в жилище фей, созданы воображением? Как могли попасть, явно сторонние, эти демоны в общество ангелов? Как очутились дивы рядом с пери?

Лучше бы уж просто смеялись над странной чужой одеждой и растерянным их видом, чем непонимающе удивляться.

У Абдулкадыра-дадхо, между тем, ловчей получилось приспособиться к выгулу. Очевидно потому, что и наездником он всегда был получше. Не то что Ахмад, большую часть времени сидящий со скрещенными под собою ногами перед низеньким столиком с рукописями.

Сейчас в променадном круговом хождении коренником шел Казимбек.

В отражениях минуемых ими зеркальных дверей он и Абдулкадыр были видны во весь рост полностью. Отражение же Ахмада-махдума оказывалось урезанным: столь высокая, толстонамотанная, многозначительная его чалма не вмещалась в узкие серебряные стекла и исчезала на уровне затейливой позолоченной резьбы всех зеркал, мимо которых она проплывала.

Периликие удивлялись.

Посланные бухарцы, объяснительно оробевшие, понесенные живым кругом, совсем почти потеряли понимание – куда им теперь ступить.

Идущая перед Ахмадом женщина на мгновение замерла, чтобы оглянуть себя в серебре зеркала. Пораженный нежной спиной, запрещенно открывшейся перед самыми глазами, Ахмад чуть не уткнулся в нее. Придвинувшееся близко тепло не смогло остановить его, хотя и обмершего, но все-таки ещедвигающегося за ним. Но тонкая, показавшаяся ему хрустальной, ручка, отстраняя, коснулась его задохнувшейся груди.

«Эй вы, чудища в облике людей, вы, дикари, идите осторожнее, ведь я выступаю как горделивая пава. Не затопчите и не запачкайте своими неуклюжими ногами мой тонкий подол, что волочится по полу, как павлиний хвост»⁴¹, – вот о чем неслышно сказал ему этот жест.

Вздвигнув, едва успев извинительно поклониться, Ахмад отступил назад, но тут – уже в спину – ткнулся кулачок другой воздушной красавицы:

«Эй, невежи, по стойте... Осторожней! Ведь моя серебряная грудь нежна, как лепесток розы. Смотрите, не пораньте ее шипами своей неуклюжести...»⁴².

Могло даже показаться, что именно ими, посольскими, сейчас была сбита равномерная поступь всех остальных. Однако просто приблизилось другое.

Прогуливающиеся устремились к бархатным креслам.

И Казимбек, угадав необходимость дальнейших действий, стал направлять посланников к отведенным им почетным местам, где-то в первых рядах. Почти что

совсем напротив невеликого полукруглого возвышения, плоско поднимавшегося над полом всего на два ваджаба⁴³, на котором стоял русский самтур⁴⁴, ловко вделанный в волнообразно обрезанный и черным блеском наполированный стол. Ножки стола надувались – впрочем, вряд ли зависимой от них – музыкальной важностью.

Но, сделав новый некоторый переполох, посольские заупрямились, отказавшись оказываться напротив самтура – спиною ко всем остальным людям, говорящим, покашливающим, посмеивающимся... Опять: не над ними ли?

Непривычно было иметь заспинное шевеление. Пастух очень редко ходит впереди доверенной ему и – беспокоящей отары. Надобно и приглядывать, и отбившихся подгонять. Надобно, то есть, глядеть, как можно более привычно. Ведь и собрание дивана⁴⁵ во дворце эмира Музаффары рассаживалось вдоль стен, пусть полукругом, пусть – кто вблизи, кто поодаль, но все – по благоволению, благословению и справедливости. Лицами друг ко другу. Никто обманно не подойдет со спины, не кивнет несогласно головою в чалме так, что ты не увидишь. Все перед тобой. Ты – перед всеми. Осмелишься ли остаться один, когда все сжились с эмиром в одном одинаковом кивке?.. Только если захочешь быть выброшенным из кормящего тебя дворца в несытую, необщую, уличную жизнь...

Идущий впереди отары рискует остаться один, не увидев, что за ним давным-давно никого нет. Волкам привольней задирать твоих овец за твоею спиной. Да и самим овцам спокойнее без твоего пригляда, смотрящего только вперед: живи, как знаешь. Хоть и волку на зуб.

Хочешь всё и всех видеть – вышагивай сзади. Не почетно, зато оберегающе.

Теперь они шествовали в обратную ото всех сторону. Поводырем – высокостройный Казимбек, остро пахнущий кельнской водой и колючим запахом нагретого очеловеченного сукна. Следом – что-то решающий про себя Ахмад Дониш, поблескивая серебром парчовой чалмы, увенчанной небольшим колпачком. И – неторопливее всех, последним, понимая, что уже и здесь узнаваем, сам первый посланник Абдулкадыр-дадхо. Его по-европейски непокрытая голова темнела жесткостью подросших волос, первых после обычного прежде голого обриту.

К совсем задним рядам, возле обрамляющих полукругом колонн, приподвинули два отдельных бархатных кресла.

Опустились на бархат с большой усталостью. Не от переутомления тел, долго двигающихся впустую, но от внутреннего в душе напряжения, туго натянутого, как новые струны на старом дутаре.

За колонным же мрамором уже были настенные свечи, переставшие теперь подергиваться от людского движения и ровно греющие тонким теплом близкие затылки и шеи. Затылку Ахмада было жарче, чем другим: чалма добавляла своего непродуваемо душного влажного тепла.

Изумрудно-белое шелковое платье вошло на возвышение перед самтуром. Длинные пальцы рук, выпорхнутые из рукавов, вдруг быстро-быстро застучали своими живыми молоточками по черно-белым клавишам. Застучали с такой подвижною ловкостью, что глазу стало невозможно за ними уследить; Ахмад понял – еще и из-за этой, делаемой сейчас музыки, все, наверное, сюда и пришли.

Музыка им не расслышивалась, хотя звук ее выстукивался в разнообразной громкости. Так барабанят капли дождя по натянутой ткани походного шатра во время любого долгого перехода. Ему стало тоскливо и – хорошо. В памяти он расслышал нежное пение ная⁴⁶, тянущего свою непрерывно плачущую мелодию шашмакома⁴⁷. Из нескольких – как едино-одну.

Вспыхнули звезды, живущие где-то даже и не на черном небе, а высоко над ним. Звук ная жил в ночном пространстве степи грустной жизнью общего существования, пробегающего мимо.

Переступающие с ноги на ногу верблюды подзвякивали своими колокольчиковыми побрякиваниями песне ночного ная, не разрушая ее.

Ловкие пальцы, ласкающие самтур, продолжали летать и туда и сюда, не давая памяти особенно сосредоточиться.

Как бы он мог описать играющую, да и всех остальных, многих женщин, если б пришлось? Ну, вот, примерно так: «...одежда женщин этой страны до талии узка, а от талии до подола настолько широка, что если женщина входит в комнату, то подол остается еще в коридоре. Под поясом из шелковой ленты у них другой пояс, скрепленный из изогнутых полумесяцем тонких и эластичных костяных пластинок, которые не ломаются, когда женщина садится или встает. Этот пояс они затягивают очень туго, поэтому пластинки приподнимаются вокруг талии и поддерживают шелковые ткани платья. Со стороны женщина похожа на золотую, украшенную жемчугом башенку, поставленную на вершину удлиненного круглого купола. А сверху, на голову, плечи и талию, они накидывают черные, красные и голубые кружева, а у висков прикрепляют букетики искусственных цветов, будто только что сорванные с цветника. Рососою для них служат духи и розовая вода...».

Драгоман Казимбек, став позади, наклонился над спинками кресел и – почти щекотнув гладко блестящими тонкими усами, – опять шепотнул прежнее:

– Надобно, конечно же, надобно написать. Ведь, кроме прежде сказанного, прелесть стиха сгладит вашу восточную неуклюжесть...

«...К ушам они подвешивают продолговатые сверкающие серьги из алмазов, хрусталя, жемчуга и золота, величиной с зернышко финика. Ночью в пламени свечей они сияют, как удлиненные огненные капли. Или – как ясный месяц. А кожа за ухом до того чиста и прозрачна, что видно, как под нею пульсирует кровь. И сверкание серьги, сочетаясь с прозрачностью ушной мочки, напоминает поставленную против зеркала свечу. От такой красоты и великолепия рассудок покидает голову, когда они встают, и сердце замирает в груди, когда они садятся».

Теперь музыка стала легче. Скорее всего потому, что сделалась приглушенной, заметно отодвинув саму себя в некоторую тишину и оставив освобожденное место для подстроившегося под нее еще и человеческого голоса. Теперь еще розово-белый шелк взошедшей перед самтуром другой женщины заставил сначала застыть, а потом, после ее нежного пения, и – затрепетать зал, вызвавший поощрительными хлопками рук, здесь называемыми аплодисментами, нервное вздрагивание всех свечей по стенам. И еще – в двух золотых подсвечниках, огнем охраняющих возвышение. Музыка понималась через голос, напоминающий неожиданной одинаковостью протяжную нежность ная...

Длинноногие аисты – не заглушая поющую – и все же шумно хлопая крыльями, опускались между глиняными башенками аккуратного минарета Чор-Минор, выкладывая на его зеленую и голубую глазурь веточки большого гнезда.

Колеса невесть куда тянувшейся арбы разрезали горячую, обжигающую ноги ленивого коня, ватную пыль, разваливая ее на две стороны...

Под стеклянной водой водоема Ляби-хауз шевелились, вздыхая и покачиваясь, почерневшие прошлогодние листья узловатых карагачей.

– Вы изволите оставаться? Или – если оставляете нас – быть может, разрешите мне остаться, чтобы дотанцевать? – уточняя фразу повторением ее во второй раз, спросил Казимбек.

Абдулкадыр-дадхо, делая вид удовольствия и показывая им, что прекрасно понял всю красоту – и для него непонятного – русского пения, потянулся, по-кошачьи прижмурил глаза и закивал:

– Да-да, оставайтесь. Мы благодарны представлением. Наше удовольствие велико. Мы не преминем рассказать о нем его величеству эмиру Бухары.

Одинокие хлопки затихающих аплодисментов завершали концерт в петербургском Собрании.

Свечи дергались все сильнее и сильнее...

Вскинувшийся навстречу ветер швырнул за спину Абдулкадыра-дадхо тяжелый лисий хвост, сделавшийся из оранжевого серым. Мгновенно выстудил возвращенную на место серебряную чалму Дониша. Холодом засвистел в широкие рукава брошенных поверху зимних халатов.

– Знаю, – сказал дадхо, когда они уселись в карету, собираясь возвращаться, – там вы думали о женщинах...

– Знаю, – степенно отвечал махдум, – господин тоже думал о них.

Так сказали. И оба, взглянув друг на друга, рассмеялись.

– Да, и я – тоже... – посерьезнел вдруг Абдулкадыр-дадхо. – Но я думал не так, как обычно думают о женщинах. Я думал по-другому. Вроде будто за них. Старался, чтобы думалось так, как им самим думается здесь. И живется....

– Вольно? Без ограждающего их честь и чистоту закона шариата?

– Нет, не без него... Ведь у них есть какой-то свой, мне не понятный. Почему они не боятся, что на них смотрят? Почему они даже хотят, чтоб на них смотрели?

– Может, Аллах – велик Он и славен! – создал этих, чтобы как раз на них и смотрели? – вслух подумал Ахмад.

– Нет. Не знаю... Разве Творец, Придающий всему форму – аль-Мусаввир⁴⁸, не усложнил бы себе работу, создавая везде разных женщин? Здесь – тех, на которых смотреть можно. В Бухаре – тех, на которых смотреть нельзя?

– Аллах создавал одинаковых женщин. Везде одинаковых, – серьезно сказал Ахмад. – Размеры у них разные, а состоят из одного и того же тела. Это человек их придумал разными. Если бы человек не придумал такого для них правила, много нехорошего бы случилось. Путаница бы произошла. Однако красоту наших восточных женщин следует прятать, чтобы не искушать никого из нас, правоверных. Смуглота, чернота глаз, мягкость тела и гладкость кожи, соперничающая с чисто-

той отполированной слоновой кости... У наших женщин красоты, оторванной от украшений, все-таки больше, чем надлежит выдержать человеку. Оттого нет-нет да и упрятывают ее под чачван⁴⁹...

– Нет правды в ваших словах, таксыр⁵⁰... Или есть, но – немного. По ним выходит – в Петербурге нет никакой красоты? Потому и стараются приоткрыть себя как можно больше? То есть, чтобы побольше необходимого показать?..

– Аллах Всезнающий – Аль-'Алим⁵¹! – один ведает смыслы во всем.

– Ну, а если решиться показать здесь уже и нашу красоту?

– Показать такими, какими прохаживались эти женщины здесь и сегодня?

– Ну, не совсем, а чтобы просто обычными – среди важных людей. Не видя нас рядом с собою, эти продолжают думать, что мы дикари, что каждая из наших женщин – несчастный узник в зиндане⁵². А темницы как раз и нет. И они вольны... Как горлинки. Куда захотят, туда и садятся. Куда надумают, туда и летят. Они вольны исполнять волю своего господина. И если он скажет им быть здесь, в Петербурге, похожими на этих женщин... Нет, не вольностью обращения, не голыми спинами, – это запрещает «Хидоя»⁵³, – но собственным своим присутствием среди чужих, то...

– ...они сочтут, что вы убили их, господин посланник. Или, что уж совсем точно, – разлюбили, если словно их продаете, подставив под взгляды всех глаз.

Первый санный путь, приморозив к себе клочки сена, утеранные в пути, и промерзшие до каменной крепости золотые конские яблоки, просыпанные вдоль колеи, нетревожно посверкивал серо-голубым накатанным настом. Полозьям теперь предстояло скрипеть уже не по ледяной черноте булыжников, но по первому, еще лишь слегка прожелтевшему насту.

– Труднее всего их будет вывести из посольства, – от домов такой каменный холод! И уж совсем невозможно будет приказать, чтобы прошлись по улице... Чтобы просто прошлись.

Ахмад молчал.

– И мы, и они должны быть такими, как все. Как все здесь. Иначе с нами не начнут говорить... Это в Бухаре пусть их желтыми младенцами пугают. Из кунсткаморы. А здесь...

Ахмад все молчал. Он не думал, что Абдулкадыр-дадхо был до конца прав. Он думал, что их, то есть – посланников, должны уважать еще и за то, что они не похожи, что они все-таки другие. Что люди, вообще, не одинаковые. Но как же тогда его собственные, только что им же произнесенные слова про то, что женщины различны только лишь в очертаниях, а в остальном – одинаковы?

Ахмадий думал...

– Нет, – мы обязательно должны научиться жить здесь, как живут они, – хлопнул двумя руками по коленям Абдулкадыр-дадхо. Хлопнул утверждающе. Потом взглянул на Ахмада и произнес:

– И вы, уважаемый Ахмад-махдум, тоже подтвердили мой политический выбор: все-таки сняли с себя свою драгоценную чалму. Голова не замерзла?

– Она не замерзла. Ее, после этого события, просто уже не случилось. Сняв чалму, я собственными руками отрубил себе голову...

VI. Восхваление восхваляемых

Камин растапливали пожалуй что ночью, поскольку к утреннему времени, поднимавшему их для дел, он уже разогревал комнату запаленными березовыми поленьями, гудя комнатно-ровным и уютным огнем. И сегодня отблески огня уже вовсю шевелили все предметы гостиной, заставляя длинные тени дергаться и приплясывать под неслышную музыку беспокойно веселящегося пламени.

Однако Абдулкадыр-дадхо запаздывал работать. И Ахмад не стал запаливать обновленные свечи на стенах гостиной и в других покоях, а только добавил огня, приблизив один из шандалов к рабочему столу.

Да и за влажными окнами уже туманно и мокро, но все-таки рассветало. Но внешний свет еще не отвлекал, и вполне можно было, проникнувшись полузабытым при общей дороге одиночеством, поскладывать торжественные стихи, не в первый раз навязываемые Казимбеком.

Луна благородства, о дочь властелина мира,
По воле судьбы сблизилась со счастливым Юпитером.

То есть, сошлось все, чтобы начать заниматься опасным делом. Да и как же не опасным? Хвалить и порицать правителей – значит обязательно тревожить самые главные внешние силы – небесные и земные...

Выводить строку за строкой, сочиняя песнопения, восхваляющие восхваляемых, – это походить на собственного палача, подносящего – одну за другой – вязанки хвороста к костру, где ты сам можешь быть поджарен. И где даже самым высокомуудрым бейтом от тобою же приготовленного огня ни там, ни здесь не спасешься.

Если непридуманно высоко возшло восхваляемое тобой земное солнце, действительно великое среди живущих одновременно с ним людей, если нет среди восторженно удивляющихся этому никого, способного войти с ним в сравнение, если тебе не пришлось подавлять тошноту, называя его достоинства во всеуслышание, а подвиги, им сотворенные, соответствующими в действительности произошедшим, ты все равно этим напоминаешь ему о себе, что и ты – смертен...

Праведное восхваление восхваляемого будоражит в нем главный закон его жизни – закон земной справедливости.

Не принимающий вскриков в одинокую свою честь и не слышащий вскриков в честь – его подвигами и его праведностью – облагодетельствованного народа становится недовольным. Дань, принесенная лишь ему, но не остальным, вознесенным до счастья, как он считал, его подвигами, его заботами и даже его простым среди них присутствием, становится заметным указанием на неудачу. Ведь они стали ничтожеством от личной, пусть и для них совершаемой благодетельности, от только его подвигов...

И восхваляемый понимает, как он плох, над всеми возвысившись.

Восхваление праведного при его жизни – как сволакивание все новых и новых хворостин в уже немалую кучу для костра, подготавливаемого восхваляющему.

В этом – восхваление праведных.

Восхваление же правителя несправедливого – это ничуть не политика, оправдываемая разными устрашающими обстоятельствами, но еще большая дань греху.

Благосклонность к благодушному восприятию видимого или же скрытого вранья, при полном согласии с ним, обманчивее самого обмана. Даже самый великий дурак понимает, что, славословя ему, говорят неправду. Ведь он-то видит: да, слова есть, но за приоткрываемым пологом его полосатого шатра – все как прежде, все, как и до его восхождения на трон. Но тогда – где он? Но тогда – зачем он?

Это – не то бракосочетание, результат которого может определить разум.

Все цветы появились из засады,
Ароматы все появились из скрытого места.
В этом собрании – целый мир гурий и пери,
Каждая по красоте и миловидности – вторая ясная луна.

Страшнее всего писать об ушедших правителях. Кто-нибудь из них еще только-только взлез на догнавшую его арбу смерти, еще только-только двинулся по ее колею в сторону своей последней дороги, ведущей к истинному – на сей раз! – его вознесению, а о нем уже начинают вымучивать цветистые бейты. И в каждом двустишии переполненность изысканными славословиями раздувает его прежнее, наконец оставленное земное существование до такой высшей степени, что ни у кого на земле более не остается подобной праведности. И ни у кого дела по их исполнению не оказываются лучшими, чем были при нем. А он, отошедший, уже рассыпающийся в земной прах, величается самым великим и неповторимо неповторяющимся...

Да как не бояться о том твердить? И какими вдруг неразумными делаются, вступая торопливою похвалой едва ли не в противоборство с самим – Взыскующим, Берущим отчет – аль-Хасиб, с Высшим Судией, Отделяющим хорошее от плохого – аль-Хакам.

С Истинным Владыкой всего сущего – Аль-Малику'ль-мульк⁵⁴.

Великий грех лезть со своим земным пониманием мира в советчики к Создателю этого мира, еще не судившему мертвеца собственным Страшным судом. Великая бестолковость напрашиваться в подсказчики, напоминая Ему – Ему! – о каких-то там прежних делах усопшего. Великое самоубийство говорить о праведности исчезнувшей жизни, опередив в том суждение самого Вычисляющего судьбы. Вознося, – а то и, равно, осуждая отшедшего, творя подобное непотребство еще до самого справедливого Всевышнего разбирательства.

Великая самоуверенность, всего лишь по-человечьи все пересудив, выносить земное хвалящее суждение, обгоняющее приговор, еще не вынесенный Им, Имеющим обо всем попечение...

Глупцы чалмоносные. Но Ахмадий Калла не подобен им.

Это – не тот пир, который видят раз в сто веков
Глаза звезд со старого небосвода.
Уста кравчего от рубинового вина стали рассыпать сахар,
Глаза красавиц стрелами кокетства ранили сердца.

Спина затекла. Пальцы от напряженного движения пером по бумаге слегка сводило. Ахмад забросил руки за голову, попробовал потянуться, – не смог: длинные рукава халата не дали возможности скреститься усталым пальцам на колючем затылке.

Он встал, еще раз потянулся и подошел к запотевшему окну. Отерев рукавом влажное стекло, глянул наружу.

Жизнь за окном существовала все еще грустно. Хмурый воздух еще стыл между домами, еще спал, укутавшись туманными одеялами, расслабленно вытянувшись вдоль полузамерзших каналов.

Зато небо неожиданно обрадовало. Чисто серое, оно оказалось оттертым и от редкой прошлогодне-летней голубизны, и от морозно розовевшего вчерашнего заката, и от нависшей черноты позавчерашних, снегом набрякших, туч. Свободное ото всего, оно обещало холодное солнце заискрившемуся рассветною золотою пылью новому дню.

Удивительно, но, оказывается, Абдулкадыр-дадхо уже прогуливался внизу, неподалеку от проездной арки. Еще более удивительным показалось то, что он прохаживался перед тем самым беловолосым мальчишкой, что – любопытствуя – бежал за их каретой через половину Петербурга, с одной линии на другую. Да и потом нет-нет а и появлялся под окнами посольской миссии, вглядываясь в их дипломатическую глубину, с немалым старанием пытаясь вобрать в себя и понять непохожесть обитающих за отблескивающими стеклами восточных людей.

Абдулкадыр-дадхо размахивал руками перед самым лицом мальчишки, вряд ли понимающего, о чем с ним говорят. Руки посланника дирижировали пространством, чуть ли не задевая покрасневшего на холоде носа. Юнец ничего не понимал.

«Пробует отогнать от окон, – подумал Ахмад. – И прав. Можно задернуть шторы от чужого взгляда, но все равно придется жить напрягаясь, кожей ощущая, что за тобой наблюдают».

Вовремя подъехавший Казимбек, похоже, все объяснил неразумному. Мальчишка закивал головой, понимание подтверждая. И – ничуть, по-видимому, не огорчившись, – стал уходить вдоль улицы к дальнему перекрестку.

Казимбек продолжал говорить, сопровождая. Абдулкадыр-дадхо, похоже, до конца не договорив и не доругав, все еще объясняюще неостановимо жестикулировал.

Дошли до конца длинного дома, остановились, повернули обратно... Нет, опять стали уходить...

«Хорошо. Все пока хорошо, – подумал Ахмад. – Можно еще чуть-чуть поработать, что-то успеть».

Легко испуганно замолчать. А только ни у придворного хроникера, ни у летописца, к главе приближенного, ни у дворцового поэта – знатока всех форм стихосложения, нет возможности жить бессловесно. На то их над словом и поставили неведомые им силы. А то – и некто гораздо больший, чем все эти силы, взятые вместе: чудится, мнится и понимается, – наделил их подобным сам Повелевающий – слава Великому! Аллаху акбар!

Наделил...

Только же – не судить, возвеличивая или же низвергая. Но всего лишь – чтобы строго и точно поведывать об увиденном близко. О том, например, – кого наградил чашкою плова справедливый эмир, а у кого ее отнял, выдернув из удерживающих рук, бросив под ноги, разбив о камень. А может – о том, верхом ли на многотерпеливом иноходце гарцевал он бок о бок со своими солдатами-нукерами, ведя их в степной поход, или они волокли его в паланкине, отмахивая от мух, укрывая, изнеженного, от солнца, мучающего всех одинаково. Еще, быть может, дано им было талантливое перо, чтобы они осмеливались мысленно заглянуть даже и в святую недоступность ароматов гарема, чтобы сквозь ковровые стены сумели определить, – в страхе ли забивались в угол вызываемые к эмиру на ночь и оттого трепещущие жены его и наложницы. Или наоборот – с визгливыми вскриками тискали и щипали друг дружку, выбивая мечтательное долгожданное право спать нынче под ним...

Старания многопишущего Дониша всегда были именно такими стараниями – не судить, а поведывать.

Аллах в человеке, когда тот преодолевает себя. И людям, в каждом из которых есть пусть и не ощущаемое ими присутствие самого Аллаха, судить других, наверное, все-таки тоже можно. Но судить – Его истинной волею, обычно явленной в человеческой совести и в человеческом же стыде. Им, только им, этим понятиям, глубоко пригнездившимся в глубине каждой земной души, очевидно, подарено очень маленькое право обнаруживать истину. Ведь сумма всех одиноких людских истин, возможно, тоже приближает к пониманию праведности.

Или – неправедности, явленной в восхвалении восхваляемых.

Пусть Ахмадом Донишем еще не написан, а только задуман трактат об устройстве государства и взаимоотношениях людей. Мысли для него рождаются постоянно, вот и здесь, и сейчас... Как раз и об этом. О праведности восхвалений.

Приподнялся, поправил поленья в камине, шевельнул огонь, помогая пламени обхватить их поудобнее, склонился над бумагой.

«Пишущий эти строки, благодаря некоторым своим достоинствам и знаниям, имел деловые связи с правителями и военачальниками. Я видел, что их окружали льстецы, ищущие подачек, поэтому служить там было очень трудно, и я сторонился общения с ними.

Когда меня пригласили на службу, я написал, что служить так, как это делают другие, я не могу. Если эмир хочет, чтобы я оставил свои научные занятия и поступил на службу в государственный аппарат, необходимо ввести в государственное управление определенную систему, как в других государствах. А поскольку навести порядок среди мангитов довольно трудно, я напишу трактат, в котором будут изложены принципы государственного управления эмирата и стран Европы.

Если они станут действовать в соответствии с этим, я ежедневно буду являться ко двору и работать там по четыре–шесть часов, делая то, что в моих силах.

А если не согласны с этим, пусть простят меня, ибо коню простительно, что ему не под силу ноша слона...»⁵⁵.

День окончательно засветлел зимним солнечным золотом. Легкое движение воздуха сдувало с высоких крыш переливающуюся снежную пудру.

Так вышло, что все утро этого наступившего дня Дониш отдал легкому написанию придворных стихов, порожденных и напоминаниями Казимбека, и собственным для подобных деяний его посольским предназначением. Почетную участь, определенную для него эмиром.

Он писал их, ничуть не лицемеря, но ничуть и не избегая требуемых, ожидаемых восхвалений, в необходимый момент мгновенно разбрасывая перед ожидающими целые горсти неспрятанных пожеланий. Он расшвыривал вокруг себя словесные блески несравненных сравнений, возжигал огоньки холодного фейерверка. Он успокаивал ревнивый будущий слух обкатанными метафорами, давным-давно привычно живущими на кончиках перьев у всех придворных поэтов мира, вечно захлебывающихся в мертвых водах собственного восторга. Он так писал...

А все же – ничуть не покривил собственной душой.

Он славословил, но – вот его хитрость! – вовсе как будто и не царю, а всего только его детям. Возвеличивая их. Увенчивая красотой слога не корону, а невидимый шлейф свадебных предстоящих дней Альфреда, сына Виктории – императрицы Индии, и Мариам, Марии, дочери русского императора.

Его сторонние утренние мысли, пришедшие в неожиданное соприкосновение с образами славословящего стиха, почти что навязанного Казимбеком, не мешали бейтам легко родиться. Не отразились ни на звонкости слов, ни на мелодике общего звука, ни на яркости образов, густо понабросанных Ахмадом.

Они даже не разрушили тонкой игры языка фарси: тайным явлением девяти определенных букв, с которых начинают девять бейтов, он хитро и скрытно обозначил два высокочтимых имени – Его и Ее Высочеств. К тому же еще закрепил дату бракосочетания – внешний повод посольского их сюда приезда! – в самом последнем бейте.

Небо, приветствуя,
Сыплет на головы людей драгоценные камни из ярких звезд.
Молва об этой свадьбе достигла всех уголков земли,
Уши ангелов оглохли от звуков флейт и труб.
Глаза на ее стане увидели хронограмму:
Но куда же удалилась она от стана, украшенного разумом?

Только лишь знающий великий фарси прочтет все сокрытые Ахмадом Донишем смыслы. Только обученный драгоман Казимбек поймет их сам и расшифрует для царских ушей.

Да пожалуй что тоже не до конца....

Ведь он, Ахмад, еще и дополнительно оживил стихи, подсветив их вдобавок мало кому видимым светом, подброшенным неприметно... Порожденным теми самыми сторонними мыслями о восхвалении восхваляемых, которые только казались сторонними мыслями, на самом же деле...

Ведающий да поймет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ахмад Махмуд ибн Носир (1827/1829–1897), Ахмад-махдум. Псевдоним – Дониш («Знающий»). «Махдум» – в Средней Азии так обычно называли сыновей духовных лиц (имамов, казиев etc.). Употребляют и самостоятельно как почетное прозвище – «господин», заменяя имя собственное. Дониш известен также под прозвищами: «Ахмадий Калла» («Большеголовый») или же – «Мухандис» («Инженер»). Знаменитый восточный (таджикский) просветитель. Поэт и прозаик времен Бухарского эмирата. Трижды (в 1856, в 1868 и в 1870-е гг.) побывал в Санкт-Петербурге в составе Бухарского посольства. Свои путешествия описал в книге «Наводир ул-вако» («Редкостные события»).

² Дадхо – носитель одного из высших – в восходящем порядке – чинов (девятого) в Бухарском ханстве. Мог занимать должность бека – правителя вилайята (области).

³ Ошпаз (узб.) – повар.

⁴ Главный погонщик, иногда проводник, но случается, что еще и хозяин верблюдов и коней каравана.

⁵ Два из девяноста девяти имен Аллаха.

⁶ Марварид – жемчуг.

⁷ Урак – почетный придворный титул, пожалованный Ахмаду Донишу эмиром Бухарским примерно в 1871–1872 гг. после первых его поездок в Россию, в Санкт-Петербург.

⁸ Фирман – указ.

⁹ Эмир (амир) – термин, на арабском дословно означающий – «повелитель». Установился лишь с приходом к власти в Бухаре династии мангытов (см. ниже). До этого времени прежние бухарские правители именовались «ханами». Титул «эмир» широко жаловался ими отдельным мелким правителям, главам племен, просто влиятельным лицам. Со второй половины XVIII века его стали носить исключительно бухарские владыки.

Мангыты – узбекское родоплеменное объединение, из которого происходили эмиры, правящие Бухарой с 1753 по 1920 гг.

¹⁰ Музаффар – эмир Бухары. На престоле с 1860 по 1885 гг.

¹¹ Курдонёр – парадный вход перед домом, отделенный от панели узорчатой решеткой с воротами для въезда.

¹² Дониш – знающий.

¹³ Абиддинов Казимбек – переводчик (драгоман) у посланников Бухары. Был им и во время поездки в Петербург в 1869/1870 гг.

¹⁴ Мультик, карамультик («кара» – «черное», узб.) – фитильное ружье, используемое в Средней Азии, Афганистане, Персии и Тибете (XVIII–XIX вв.).

¹⁵ Сура – глава Корана.

¹⁶ См.: Ахмад Дониш. «О правилах супружеской жизни и вражде свекрови».

¹⁷ Оренбург – в XVII–XIX веках форпост России на ее юго-восточных рубежах. Центр караванных путей из Средней Азии и Казахстана. Сыграл огромную роль

в присоединении этих областей к Российскому государству.

¹⁸ По «Рисолля» Давид считается родоначальником и изобретателем кузнечного ремесла.

¹⁹ Пахлаван – богатырь, силач.

²⁰ «Нет Божества, кроме Аллаха, Мухаммад посланник Аллаха!..» – главные слова мусульманской веры (ислама), ее основа – иман. Признание единобожия и пророческой миссии Мухаммада.

²¹ По «Рисолля» конная служба считается почетной, а пешая – нет.

²² Дарра – плетъ из четырех ремней с небольшой ручкой.

²³ Бий – титул приближенных ханского дворца.

²⁴ Ушр – одна десятая часть, налог, взимаемый с урожая дехкан.

²⁵ Харадж – налог, взимаемый с завоеванных владений.

²⁶ Райхон – базилик.

²⁷ Одно из девяноста девяти имен Аллаха.

²⁸ Чапан – восточный халат.

²⁹ Албасты – женские демонические персонажи в мифологии тюркских народов. Обычно представляются в виде страшных обнаженных женщин с желтыми волосами и обвисшей грудью.

³⁰ Хадисы – изречения пророка Мухаммада.

³¹ Названия отдельных букв арабского алфавита.

³² Гранвиль, Жан. Les animaux peints par euxmemes («Животные, себя живописующие»), 1842.

³³ Редуте, Пьер-Жозеф. Les Fleurs animees («Цветы одухотворенные»), 1846. Изображения цветов. Листы отдельные, гравированные в красках.

³⁴ Ахмад Дониш. Стихотворение во славу Санкт-Петербурга. Перевод Ильи Сельвинского.

³⁵ Одно из девяноста девяти имен Аллаха.

³⁶ Бейт – двуступище, элементарная единица восточного (таджикско-персидского, в частности) стиха, состоящая из двух однострочных полуступищ – мисраф.

³⁷ Основа главы – переработка документальных записей Ахмада Дониша из книги путешествий «Наводир ул-вако» («Редкостные события»). Перевод с таджикского М. Османова и Л. Демидчик.

³⁸ Одно из девяноста девяти имен Аллаха.

³⁹ Баранта, бармта (тюрк.); barimta (монг.) – самоуправное возмездие (напр. за угон скота) у кочевых народов Средней Азии. Иногда – организованный грабёж с целью принудить население к удовлетворению каких-либо требований. В широком смысле – набег, захват чужой собственности. (См.: Чудинов А. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 1910 г.; Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. 1907 г.)

Соответственно: барантаци, «...барантовщик – участник в баранте, разбойничий наездник, грабитель» (Вл. Даль. Толковый словарь, 1880–1882 гг.).

⁴⁰ Еще несколько из девяноста девяти имен Аллаха.

⁴¹ Ахмад Дониш. Наводир-ул-вакое.

⁴² Там же.

⁴³ *Ваджаб* – мера длины, равная расстоянию между большим пальцем и мизинцем в раздвинутом до предела положении.

⁴⁴ *Самтур* – персидский (восточный) музыкальный инструмент. Род цимбал. В данном случае имеется в виду фортепиано (рояль).

⁴⁵ *Диван* – совет, канцелярия эмира, где собирались на совещания высокопоставленные лица.

⁴⁶ *Най* – восточная свирель.

⁴⁷ *Шашмаком* – классическая система таджикских и узбекских ладов, построенных на основе вокально-музыкальных произведений. Начало сложения «Шашмакома» относится к IX–XIII вв. В системе «Шашмакома» различают три цикла: бухарский, хорезмийский и фергано-ташкентский. Бухарский состоит из шести макомов (бузрук, рост, наво, дугох, сегох, ирок). Все части макомов обязательно начинаются в нижнем регистре, затем мелодия постепенно повышается и достигает «авджа» – широко развернутого кульминационного построения в высоком регистре. После «авджа» следует неизменный плавный спуск мелодии в исходный низкий регистр (см.: Холида Айни. Жизнь Садриддина Айни).

⁴⁸ Одно из девяноста девяти имен Аллаха.

⁴⁹ *Чачван* – сетка из конских волос у паранджи, закрывающая лицо женщины.

⁵⁰ *Таксыр* – господин. Буквальное значение слова – «ошибка», «вина». При обращении к почтенным людям говорили: «Таксирам шавад!» (Примерно: «Да будет моей виной смелость обращения к вам...»). Постепенно, в просторечии, слово стало восприниматься как – «господин мой». И, наконец, сделалось общим вежливым и почтительным обращением к знатному лицу.

⁵¹ Одно из девяноста девяти имен Аллаха.

⁵² *Зиндан* – темница. В Бухаре – еще и глубокая сырая яма, клоповник.

⁵³ *Хидоя фи фуруль ал-фикх* («Комментарий мусульманского права») – произведение познавательно-правового и исторического характера, написанное в XII веке знаменитым правоведом (факихом) Мавераннахра – Бурхануддином Маргинони. «Хидоя» до сих пор изучается (и служит) в качестве основного руководящего пособия в медресе и университетах некоторых стран Востока, где шариат (главным образом – учение правовой школы ханафитов) сохраняет свое влияние.

⁵⁴ Здесь и выше – еще несколько из девяноста девяти имен Аллаха.

⁵⁵ Ахмад Дониш. Парчахо аз Наводир-ул-вакое («Редкостные события»). – Сталинабад. 1957 г.

Выходя из общего потока

Новый роман Глеба Шульпякова «Красная планета» (М.: Эксмо, 2019) обозначил неожиданный вектор в его прозе. После травелога «Книга Синана», психологического триллера «Цунами», романа-притчи «Фес» и «Музея имени Данте», в котором исторический роман синтезирован с семейным эпосом, Шульпяков предлагает читателю роман-коллаж. Некую систему зеркал, где автор исчезает, развешивается в бесчисленных отражениях.

История рассказывается устами разных героев, причем не всегда главных; время здесь не линейно, и действие разворачивается не поступательно, а вспыхивающими в причудливом порядке фрагментами, словно все события книги существуют одновременно на едином холсте и наша задача – разглядеть все элементы и соединить их затем в сознании. Действие не привязано и ни к какому конкретному месту – «центром тяжести» не являются ни Бонн, ни Москва, ни Рим, ни Стамбул, ни костромская окраина, где происходят описываемые в книге события. Тот же принцип коллажа применим и к сюжетным линиям «Красной планеты» – коллизии предыдущих романов Шульпякова переплетаются с абсолютно новыми реалиями и ходами.

В отечественной литературе трудно найти аналог такой структуре романа. Он обнаруживается, скорее, в литературе европейской: «Невыносимая легкость бытия» Милана Кундеры – пожалуй, ближайшая родственница «Красной планеты».

В новом романе мотив исчезновения героя не исчерпывается поколенческим эскапизмом, характерным для ранних книг Шульпякова. Главный герой, писатель Саша Сухой, потеряв вкус к прежней жизни с ее ложными ценностями и иллюзорными целями, обретает смысл в вере. Причем приходит он к ней не за счет отрицания чужого: иностранцы и иноверцы в романе, как и все остальные персонажи, не отталкивают, а вызывают симпатию и сочувствие. Обретение происходит через поиск своих корней, зов крови. Саша начинает исследовать свою родословную, в которой центральной фигурой оказывается прадед-священник, и это в конце концов радикально меняет его жизнь и образ мысли.

Зачем он, человек европейского ума и привычек, писатель, еще недавно в шутку называвший себя безродным космополитом, – зачем он это сделал? Знакомые спрашивали негромко, как будто речь шла о чем-то, о чем не стоит говорить открыто. Он не знал, что ответить, и досадовал на тех, кто задает подобные вопросы, которые заставляют его не быть собой, а быть тем, кем он больше не был.

В костромскую деревню Саметь, где служил его прадед, Саша попадает словно бы случайно, по наитию, посреди совместного путешествия расставшись с приятелем Драматургом – вторым альтер эго прячущегося за отражениями автора, что, безусловно, прочитывается как знак.

Саметь поначалу встречает героя неприветливо и выглядит странным куском незнакомой, неземной географии, где Волга соседствует с невесть откуда взявшимся «морем» и «тонкая колокольня с оборванными веревками колоколов» торчит в черном поле, как артефакт заброшенного времени. Саша не сразу понимает, что его встреча с Саметью – это призвание. Его воцерковление происходит постепенно – через вещный, предметный мир. В первый приезд он расчищает занесенную снегом дорожку к храму. Потом оказывается в гостях у старой прихожанки Гели, которая рассказывает ему об отце Сергии и передает «единственные слова, доставшиеся ему от прадеда»: «Найди Бога, врач сам найдется». И эта фраза становится для героя веревкой от колокола, ухватившись за которую он выбирается из накатанной колеи прежней жизни и обретает связь со своим прошлым. Но сначала ему предстоит одолеть сомнения и инерцию городского, привязанного к привычному укладу человека.

Саша вспомнил, что не крещен, и, наверное, не имеет права на все это. И тут же ответил: «Какая глупость». Какое право? На что «это»?

Возвращение ушедших людей и вещей – по сути, сверхзадача романа. Продолжение «философии общего дела», федоровского воскрешения предков. Частью этой миссии оказывается нащупывание ментальной связи с прадедом, мистическое свидание с которым становится водоразделом между прежней и новой жизнью героя, где не находится места ни его родным, ни его творчеству, ни юной возлюбленной. Этой же задачей, по большому счету, увлечен и Драматург, которого счастливая любовная история с актрисой неожиданно подталкивает к генетическим поискам пращуров и приводит в Китай. Прямая речь предка Сухого (в финальной новелле «Огонь любви») не случайно звучит из второй половины XIX века. Помещая развязку в далекое прошлое, автор сообщает современности глубинную обратную перспективу.

«Красная планета» – история так и не написанного романа. Неудача постигает писателя – героя книги – после выхода нескольких успешных произведений. Но эта неудача парадоксальным образом приводит его к победе над тленом и суетой. Принадлежность к истории освоения «красной планеты» служит в романе меткой, которая среди массы других выделяет тех, кто не захотел играть по людоедским правилам истории и вышел из общего потока: писателя Сашу, философа Леона, ко-

пииста Вадима Вадимыча, дипломата Кáрлуша, авантюриста Фриша, безымянную альпинистку из Кохэма...

Эту планету населяли те, кто, как Сухой, бежали от мира. По тому, какой необъятной оказалась эта планета... становилось с последней очевидностью ясно, что внешний мир никогда и не был местом для настоящей жизни. <...> Из века в век огромная часть людей не принимала закон «машины», который позволял и даже предписывал одним попираť или убивать других, чужих или ближних. <...> У истории существовало оправдание, и это были отказники. Из побочного продукта истории, из отщепенцев, неудачников и изгоев... они превращались в главный материал истории и соль земли.

Новый роман Глеба Шульпякова – это гимн неудачникам и мечтателям мира сего. Попытка напомнить, что царящая в мире система ценностей упраздняется для тех, кто ищет свою «планету». Все герои романа пытаются найти свой собственный путь к ней – в предлагаемых историей обстоятельствах. Кого-то этот путь подталкивает к трагической развязке, кого-то – к воплощению мечты, кого-то – к обретению своего истинного призвания.

АВТОРЫ НОМЕРА

ДОРОФЕЕВ Роман – религиовед, магистр религиоведения. Автор исследований по истории православия и других религий в Средней Азии. Проректор Ташкентской духовной семинарии. Живет в Ташкенте.

ИВАНОВА Екатерина – литературовед, литературный критик. Кандидат филологических наук. Публиковалась в журналах «Вопросы литературы», «Знамя», «Континент», «Октябрь», «Православие и современность» и др. Лауреат литературной премии «Дебют» (2013). Живет в Саратове.

КОНОВАЛОВ Евгений – поэт, литературный критик. Кандидат физико-математических наук. Автор двух книг стихов. Публиковался в журналах «Арион», «Знамя», «Вопросы литературы», «Октябрь» и др. Лауреат премии журнала «Арион». Живет в Ярославле.

Иерей Сергей КРУГЛОВ – поэт, публицист. Автор семи книг стихов. Лауреат премии Андрея Белого, премии «Московский счет» и других. Служит и живет в Минусинске.

МУРАТХАНОВ Вадим – поэт, прозаик, критик. Автор пяти книг стихов. Публиковался в журналах «Арион», «Дружба народов», «Звезда Востока», «Октябрь» и др. Лауреат поэтической премии «Московский счет». Живет в Подмоскowie.

ПАВЛОВ Дмитрий – историк Церкви. Окончил магистратуру Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ), работал в Издательском совете РПЦ. Живет в Москве.

ПЕРНБАУМ Алексей – кандидат физико-математических наук, переводчик святых отцов. Староста Вознесенского храма села Еремеева Истринского района Московской области. Живет в Москве.

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО – настоятель храма Александра Невского в Ташкенте, проректор Ташкентской духовной семинарии, руководитель просветительского отдела Ташкентской и Узбекистанской епархии. Живет в Ташкенте.

Иеромонах МИХАИЛ (Столяров) – журналист, пресс-секретарь Ташкентской и Узбекистанской епархии. Живет в Ташкенте.

УСТИМЕНКО Алексей – журналист, писатель. Был главным редактором журналов «Звезда Востока» и «Восток Свыше». Публиковался в журналах «Дружба народов», «Звезда», «Звезда Востока», «Новая Юность» и др. Автор нескольких книг прозы. Живет в Ташкенте.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Восток Свыше» принимает к рассмотрению на предмет публикации материалы (статьи, эссе, воспоминания, художественную прозу, архивные документы) по следующим темам: история Православной церкви (в целом и в Средней Азии в частности); Православие в современном мире; Православие и Ислам в межрелигиозном и межкультурном диалоге; история, культура, этнография Средней Азии.

Материалы принимаются в электронном виде (в формате Microsoft Word) по адресу: vostok_svyshе@mail.ru.

Поскольку в штате редакции не предусмотрен оператор компьютерного набора, материалы в виде рукописи принимаются только в особых случаях в порядке исключения.

Проверка редакционной почты — каждый понедельник. Редакция высылает на указанный автором электронный адрес краткое уведомление о получении рукописи. В течение двух недель с момента отправки уведомления автору отправляется второе письмо — о принятии материала к публикации либо об отказе.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят экспертизу с целью исключения плагиата.

Редакция также не принимает к публикации прежде опубликованные тексты (в печатных изданиях или интернете); исключение может быть сделано только для материалов, существенно переработанных (например, снабженных новыми комментариями или примечаниями).

В некоторых случаях редакция может обратиться к членам редакционного совета для внутреннего отзыва. Присланные материалы не рецензируются; материалы, полученные в виде рукописи, не возвращаются.

В случае отказа в письме указывается его основная причина; редакция оставляет за собой право не вступать в дальнейшие письменные или устные переговоры с автором отклоненного материала.

В отдельных случаях редакция может предложить автору доработать материал (сократить, дополнить и т.д.) либо принять сокращения, предлагаемые ею.

После редактуры и корректуры автору высылается последняя версия материала на утверждение. Автор в течение не более пяти календарных дней знакомится с этой версией и присылает в редакцию письменное подтверждение и (или) версию с последней авторской правкой, выделенной цветом.

В случае неполучения ответа редакция оставляет за собой право опубликовать материал без подтверждения.

Гонорары авторам не выплачиваются; предоставляется один авторский экземпляр журнала. Иногородним или зарубежным авторам авторский экземпляр передается с оказией или высылается по почте.

Номера «Востока Свыше» реализуются в церковных лавках при православных приходах Узбекистана. Полная электронная версия журнала (PDF) доступна на официальном сайте Ташкентской и Узбекистанской епархии (<http://pravoslavie.uz/archdiocese/departments/dioceses/ePress/Easter/Archive/index.php>); электронная версия каждого номера выкладывается не ранее, чем через три месяца после выхода тиража журнала (и не позднее выхода из типографии следующего номера).

Требования по оформлению статей

Шрифт Times New Roman, кегль в основном тексте – 12, в сносках – 11. Междустрочный интервал одинарный.

Буква «ё» используется только в тех случаях, когда замена на «е» недопустима (например, в фамилиях); во всех остальных случаях – только «е».

Годы обозначаются арабскими цифрами, а не словом (например, «в 1960-е годы», а не «в шестидесятые годы»). Века обозначаются римскими цифрами. Слова «год», «век» и их производные пишутся полностью; в сносках могут сокращаться («г.», «в.»).

Для выделения цитат используются кавычки-елочки («...»). Если внутри цитаты имеются завыченные слова, они помещаются в кавычки-лапки ("..."). Пропуски в середине цитат отмечаются многоточием в угловых скобках (<...>), в начале и в конце – многоточием.

Цитаты из Священного Писания Ветхого и Нового Завета приводятся в Синодальном переводе; ссылки на них состоят из сокращенного обозначения в круглых скобках библейских книг и указаний на главы и стихи. Пример: (Мф. 5, 47); (Мк. 2, 5-7).

Указания на другие использованные источники приводятся после цитаты или упоминания в виде концевой сноски. Знак сноски (¹, ², ³ и т.д.) ставится перед знаком препинания (точки, запятой, точки с запятой), кроме многоточия.

Сноски оформляются следующим образом:

Для цитаты из книги:

Успенский Л. Богословие иконы Православной Церкви. – Переславль: Изд-во братства во имя св. князя Александра Невского. 1997. С. 104.

Для цитаты из статьи в журнале:

Веселовский Н.И. Новые материалы для истории Кокандского ханства // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 248. С. 175.

Для цитаты из статьи в газете:

Алексеев В. Житие отца Василия // Комсомолец Узбекистана, 2 марта 1966 г. С. 3.

Для цитаты из собрания сочинений:

Бунин И.А. Из записей // Бунин И.А. Собр. соч. в 9 тт. Т. 9. – М.: Художественная литература, 1967. С. 288–289.

Для цитаты из сборника статей:

Флыгин Ю.С. Туркестанский восемнадцатый год. Своеобразие конфессиональной ситуации // I Пасхальные чтения. Традиции дружбы народов России и Средней Азии на протяжении веков. Сб. мат. – Бишкек, 2013. С. 106.

Харджиев Н.И. Неизданная книга Маяковского «Для первого знакомства» // Харджиев Н.И. Статьи об авангарде. В 2 тт. Т. 2. – М.: РА, 1997. С. 150.

Для цитаты из изданной за рубежом книги:

Bardaisan. Book of the Laws. Ed. H.J.W. Drijvers. – Assen: Van Gorcum, 1965. P. 61.

Для цитаты из архивного источника:

Архив Ташкентской и Узбекистанской епархии (АТУЕ). Оп. 2. Д. 15. Л. 4.
Государственный архив города Ташкента (ГАГТ). Ф. 30. Оп. 1. Д. 315. Л. 21об.

Для цитаты из Интернет-источника:

Никольская Т.М. Иконописный образ, его семантика и символика // Аналитика культурологии. 2011, № 1 (19) (URL: www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/670-icon-painting-the-image-of-his-semantics-and-symbols.htm)

Восток Свыше
Духовный, литературно-исторический журнал
Выпуск I
№ 2, 2019, апрель-июль

Главный редактор **Евгений Абдуллаев**
Литературный редактор **Лейла Шахназарова**
Верстка и дизайн **Александра Аносова**

Журнал зарегистрирован в Агентстве печати и информации Республики Узбекистан
Рег. № 02-15

Подписано в печать 16.07.2019 г.
Печать офсетная. Формат 60х84^{1/8}. Тираж 1000.
Заказ № 81 (от 16.07.2019).

Адрес редакции: Ташкент, 3-й тупик Азимова, 22.
Телефон 233-33-21.

Отпечатано в ИПК «GLOSSA»
100015, г. Ташкент, ул. Авлиё-Ота, 93.

www.pravoslavie.uz

ISSN 2010-5568